

Еврейский

ЖУРНАЛ

- ЕСТЬ ЛИ У ШАРА ЦЕНТР?
- ГРАЖДАНИН, ПРЕДЪЯВИТЕ ДОКУМЕНТ
- МИР НА ВОДЕ
- ИУДЕЙ СРЕДИ ЛЮДЕЙ
- КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ВИЛЬНЕ
- ВОЖДЬ ЕДИН!
- ПАМЯТИ МАСТЕРА-СТРОИТЕЛЯ

№ 2

1991

JEWISH MAGAZINE

Editors: Eitan Finkelstein and Shimon Markish
Literary Editor: Alexandra Zalkin

Publisher Dubnow House

© Dubnow House, 1991

MOSCOW • NEW YORK • TEL AVIV • GENEVE

דער יידישער זשורנאל

Под редакцией Эйтана Финкельштейна и Шимона Маркиша
Литературный редактор Александра Цалкина

© Издательство «Дом Дубнова», 1991

МОСКВА • НЬЮ ЙОРК • ТЕЛЬ АВИВ • ЖЕНЕВА

ISSN 0939-5369

Еврейский *Ж У Р Н А Л*

№ 2

1 9 9 1

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Семен Дубнов. <i>Думы о вечном народе</i>	11
Аарон Штейнберг. <i>Праведник, который жил в вере своей</i> . .	15
Норман Подгорец. <i>Новая религия американского еврейства</i> .	26
Майкл Левин. <i>Иерусалим в четырех измерениях</i>	35
К 70-летию Андрея Сахарова	38
Борис Хазанов. <i>Сага о паспорте</i>	42
Шимон Перес. <i>Ближний Восток: люди и границы</i>	45
Беньямин Натаниягу. <i>Нет мира между арабами</i>	49
Хафез Асад. <i>Дело за израильтянами</i>	51
С. Ан-ский. <i>Диббук</i>	56
Фрида Полякова. <i>Флигель</i>	62
Александр Липков. <i>Киноевреиана-91</i>	76
Шимон Маркиш. <i>В двух мирах</i>	86
Григорий Шур. <i>Вильно, гетто, день предпоследний</i>	91
К убийству Генриха Эрлиха и Виктора Альтера	98
Виктор Эрлих. <i>Конечно они были героями</i>	100
Последние недели Генриха Эрлиха и Виктора Альтера . .	105
Письмо Эрлиха и Альтера Сталину	108
Григорий Аронсон. <i>Еврейская делегация из СССР</i>	111
CONTENTS	115

ОТ РЕДАКТОРА

Рассказывают, что жизнь Семена Марковича Дубнова оборвалась 8 декабря 1941 года, когда его, больного и очень старого человека – ему шел уже 82-ой год! – выгнали из старческого приюта на улице Людза, 56 и приказали присоединиться к колонне обреченных, угоняемых на бойню, в Румбулу. Там, в братской могиле рижских евреев, он и нашел свое последнее пристанище. По другой версии, Дубнова вместе с инвалидами, стариками и беременными женщинами должны были вывезти в Румбулу на автобусе, но мест в машине не хватило, и пьяный латышский полицейский застрелил немощного старца прямо на месте. На следующий день тело его захоронили на старом еврейском кладбище в Рижском гетто.

Наверное мы уже никогда не узнаем, как закончил свой жизненный путь патриарх современной еврейской историографии, не сумеем восстановить обстоятельства последних месяцев жизни человека, который безусловно был центральной фигурой русско-еврейского возрождения на рубеже веков. Конечно, гибель Дубнова была столь же страшна и мучительна, как и других его соплеменников, но не сомневаюсь – до последней минуты не переставал он размышлять о том, что означает это вселенское варварство, как следует интерпретировать его на страницах очередного тома еврейской истории, в какое русло повернется теперь ее ход?

Семен Дубнов предвидел наступление «темной полосы», но и не сомневался в том, что в конце концов разум восторжествует и тогда «возродится в Европе новое общество, основанное на человеколюбии, братстве и социальной справедливости». Так оно и случилось. Фашизм был повержен, в Западной Европе восторжествовали именно те идеалы, которым Дубнов – историк и человек – был привержен неукоснительно. Более того, в наши дни («дни» – в прямом смысле слова) рушится, уходит со сцены другой категорически не принятый Дубновым тоталитарный режим – советский. Европа, пройдя темные полосы – фашизм и коммунизм, упорно продвигается к такому будущему, когда основные принципы гуманизма и демократии станут нормой повсюду – от Ламанша до самых Уральских гор.

Что ж, предвидение Дубнова о будущем Европы сбывается, но какое место в нем отведено народу Дубнова – европейскому еврейству?

В западной части континента живет сегодня около 1,2 миллиона евреев. В каждой стране есть еврейская община, присутствуют все формальные атрибуты еврейской жизни, для развития и процветания которой не существует преград. Увы, мало кто станет спорить, что

национальная жизнь европейского еврейства угасает, а само оно неуклонно движется к закату. Чем же объяснить это удивительное явление, когда народ, переживший века гонений, чахнет, теряет свои жизненные силы в условиях небывалого благополучия, стабильности, расцвета демократии и часто особо доброжелательного к нему отношения? Думается, прежде всего – людскими потерями и глубоким психологическим шоком от Голокауста, преодолеть который не удалось даже послевоенному поколению. Конечно же и тем, что в послевоенные годы центр еврейской жизни переместился в США, на долю же европейских общин выпала роль периферии, а то и музеев еврейской истории. Но важнее всего то, что сразу после войны и все последующие десятилетия усилия мирового еврейства, все его ресурсы – духовные и материальные – были сконцентрированы в одном направлении: создать, укрепить, помочь выстоять государству Израиль.

Существует и другая, менее очевидная, но не менее важная причина.

В конце 18-го – начале 19-го веков между евреями, жившими на западе Европы, и их сородичами на востоке континента наметился разрыв. Разрыв этот был связан с гражданской эмансипацией и культурной интеграцией евреев сначала в Англии и Франции, а затем и в других странах Западной и Центральной Европы. Хотя процесс эмансипации проходил в разных странах по-разному, да и привел к неоднозначным результатам, тем не менее к концу столетия более свободные, образованные и благополучные «берлинеры» уже свысока смотрели на бесправных и нищих обитателей «штетеле» из Польши, Белоруссии, Украины. Конечно же, образы светски образованного, благополучного и, главное, пользующегося всеми правами «западного» еврея и забитого, невежественного обитателя местечка – не более, чем стереотипы. И не они, не зависть к более удачливым сородичам, а жестокая реальность Российской и, в меньшей степени, Австро-Венгерской империи вынуждала людей, лишенных элементарных прав, бросать насиженные места в поисках лучшей доли. При этом если Америка поглощала еврейскую массу, Европа (уже тогда!) «снимала сливки» – принимала главным образом молодых, энергичных людей, способных в считанные годы добиться успеха где-нибудь в Париже, Цюрихе, Лондоне... Так что «отсталое» восточноевропейское еврейство всегда служило для западного резервуаром «живой крови», источником национального импульса.

Формально стена между двумя частями Европы и между двумя ветвями европейского еврейства была возведена в октябре семнадцатого. Но именно после Второй мировой войны, после Голокауста и военной разрухи, когда непосредственно не пережившие ужасов Голокауста российские евреи могли бы вдохнуть новую жизнь в западноевропейское еврейство, стена эта стала непреодолимой. Правда, западноевропейские общины пополнились выходцами с востока континента – чудом уцелевшими жертвами Голокауста, но это уже не могло ничего изменить – западноевропейское еврейство все больше и больше утрачивало внутрен-

нюю энергию и динамизм, замыкаясь в рамках синагоги и формальных, зачастую искусственно поддерживаемых институтов.

Чем же еще объяснить тот факт, что общины на западе Европы оказались неспособны объединиться или, как минимум, создать собственный «Европарламент» в то время, когда западноевропейские страны не только проявили волю к единству, но и проделали значительный путь в этом направлении! Но, быть может, самое серьезное упущение связано с полной отстраненностью, полным безразличием еврейской общественности и руководителей западноевропейских общин к тем гигантским переменам, которые происходят у них под носом, на востоке континента. Здесь, на Западе, просто старались не думать о том, что падение железного занавеса открывает путь к объединению не только Европы, но и еврейских общин по обе стороны континента. Во всяком случае, «встреча на Эльбе» до сих пор не состоялась, и российские евреи так и не знают, есть ли у них сородичи на западе континента, готовые протянуть руку помощи.

Предвижу настороженный вопрос: о какой помощи идет речь, когда главное, что происходит сегодня на еврейской улице в бывшем Советском Союзе, это исход в Израиль. Верно, исход – это главное из того, что происходит, но не единственное из того, что должно происходить.

Еще каких-нибудь 70-80 лет тому назад на территории Российской империи проживало шесть миллионов евреев, а духовная и культурная жизнь в этом крупнейшем центре Диаспоры буквально была ключом. Здесь сформировались главные центры раввинской науки и родился хасидизм, здесь боролись за обновление национальной жизни еврейские просветители и создавались первые ячейки еврейского рабочего движения. Здесь стояли знаменитые синагоги, хранились бесценные свитки Торы, исторические документы, редкие книги. Здесь покоятся останки выдающихся раввинов и легендарных цадиков, здесь могилы жертв Голокауста, наших героев, знаменитостей, простых людей – наших с вами дедов и прадедов. Илья Гаон и Ба'ал-Шем-Тов, Иегуда-Лейб Гордон и Менделе Мойхер Сфорим, Гораций Гинцбург и Марк Антокольский... Старая синагога в Одессе и типография «Вдова и братья Ромм» в Вильнюсе, памятник евреям-солдатам, погибшим при обороне Севастополя, и Бабий Яр... Всего не перечислишь, и все это забыть, бросить как ненужный хлам?! Конечно, если жить одними лишь проблемами сегодняшнего дня, то почему бы и не бросить?.. Но для тех, кто вместе с Дубновым верит, что путь в будущее начинается в недрах истории, что люди, лишенные прошлого, не имеют и будущего, абсолютно ясно, что именно теперь, когда рухнул железный занавес, необходимо заняться восстановлением синагог и памятников, приведением в порядок кладбищ и братских могил, розыском манускриптов, документов, книг. Ясно и то, что пришло время заняться созданием культурных и благотворительных учреждений, школ, клубов, ешивот, приступить к изучению огромного наследия российского еврейства. И делать это надо не только во имя истории и культуры и, тем более, не для удобств еврейского туриста, но прежде всего во имя

тех людей, которые живут в России и еще будут там жить не в одном поколении.

Трудно отделаться от впечатления, что масштабы исхода из России преувеличены. Нет сомнения, что в ближайшие годы страну покинет около полумиллиона еврейских граждан, но как пойдет дело дальше? Вопрос открыт, и все тут будет зависеть от политической ситуации и от положения дел в экономике. Если распад империи произойдет без кровопролития, если новые власти сумеют остановить развал хозяйства, как они сумели одолеть заговорщиков-ретроградов 19-21 августа, если у людей появится надежда, – то вопрос о массовой эмиграции, надо полагать, сойдет с повестки дня. Но даже если исход будет продолжаться прежними темпами, он при всех обстоятельствах затянется на годы, и при всех обстоятельствах значительная часть еврейского населения – быть может, все тот же миллион человек – не покинет Россию, Украину и Белоруссию. Так что работа по восстановлению фундамента еврейской цивилизации на месте бывшего Русско-еврейского центра абсолютно необходима ради нравственного здоровья сотен тысяч российских евреев. Ведь после того, как искусственная национальная общность «советский человек» утратила смысл, а все окружающие народы бывшей империи начали возвращаться к религиозным и национальным корням, советские – теперь уже русские, украинские, белорусские – евреи как бы повисли в воздухе. Все это в равной мере относится к тем, кто решил остаться, к тем, кто уезжает, и к тем, кто лишь думает об отъезде.

Что бы там ни говорили горячие сторонники исхода, восстановление основ еврейской жизни не только не будет препятствовать исходу, но содействовать ему. Если, разумеется, при этом иметь в виду конечные цели исхода, а не понимать под ним «количество лиц, ежемесячно отбывающих по маршруту Москва – Тель-Авив». В конце концов, крайне наивно полагать, что «этих трех часов полета» достаточно, чтобы беженец из СССР почувствовал себя в Израиле как дома и, тем более, чтобы человеческий тип, известный под названием «гомо советикус», вернулся в лоно Авраама и Иакова. Правда, если мыслить категориями семидесятых годов, можно утешаться мыслью: «А куда же он денется?». Но в девяностых годах, когда билеты из Москвы в Тель-Авив будут продаваться без ограничений, столь же легко можно будет вылететь и в обратном направлении...

Итак, восстановление «выжженного поля» еврейской цивилизации на пространствах бывшего Советского Союза – национальная цель еврейского народа на рубеже веков. Она не противоречит никаким другим целям, в частности исходу, и должна осуществляться параллельно с ними.

Но кто возьмется за реализацию столь грандиозной задачи? Ясно, что добиться успеха можно лишь совместными усилиями самих российских евреев, общественности и еврейских организаций США, Всемирного еврейского конгресса, израильских научных, религиозных и культурных центров. Представляется, однако, что основную долю ответственности за

реализацию этого национального проекта должно взять на себя западно-европейское еврейство. И дело не только в том, что от Парижа и Лондона быстрее и проще добраться до Вильнюса и Москвы, чем из Нью-Йорка или Тель-Авива. Израиль и связанные с ним организации целиком поглощены проблемами исхода – перевозка и устройство сотен тысяч людей потребует мобилизации всех сил и ресурсов, которыми они располагают. На плечах же американского еврейства лежит бремя ответственности за само существование еврейского народа, в частности, политическая и финансовая поддержка государства Израиль, противостояние глобальному антисемитизму, исламскому фундаментализму и т.д. И лишь у еврейских общин в странах Западной Европы развязаны руки и имеются достаточные ресурсы, чтобы внести существенный вклад в реконструкцию дома Иакова на просторах Русской равнины.

В действительности этот процесс уже начался. Начался благодаря усилиям отдельных энтузиастов из русских евреев, благодаря участию института ИВО и Еврейского мемориального фонда из Нью-Йорка, благодаря рабби Любавичскому, раввину и богослову Адину Штейнзальцу, усилиям Центра по изучению восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете и многих других людей и организаций, среди которых менее всего представлена Западная Европа.

Почему?

Здесь, на западе Европы, широко бытует мнение, будто евреи по ту сторону железного занавеса думают только о том, как бы вырваться из своей страны. Любые контакты с ними кончаются просьбой помочь перебраться в ту или иную западноевропейскую страну. А вот этого-то здесь решительно не хотят. Кое-кто при этом искренне верит, что эмиграция на Запад подорвет исход в Израиль, кто-то опасается грозного окрика из Иерусалима, но более всего «местные» евреи стараются избежать двух вещей – осложнений с собственными правительствами и необходимости предпринять усилия с тем, чтобы помочь новоприбывшим.

Это близорукая политика. Конечно, какая-то часть российских евреев пытается осесть в Западной Европе, но, во-первых, речь идет о десятках тысяч человек, что лишь незначительно отразится на масштабе исхода. Во-вторых, те, кто стремится эмигрировать в Западную Европу, как правило, имеют там родственников или «зацепку» и, как показывает опыт, рано или поздно туда попадают. Но коль скоро попадают они туда не по еврейским каналам, то чаще всего оказываются вне еврейских общин. А ведь все могло повернуться иначе. Если бы еврейская общественность и руководители общин в странах Западной Европы проявили дальновидность, они поняли бы необходимость принять деятельное участие в восстановлении основ еврейской жизни по ту сторону рухнувшего железного занавеса. Они поняли бы, что участие в общем национальном деле, на которое следовало бы нацелить прежде всего молодежь, дало бы шанс на выживание и самому западноевропейскому еврейству!

Впрочем, время еще не упущено. 1992 год – год объединения

Западной Европы – может стать решающим для европейского еврейства как на западе, так и на востоке континента. Главное здесь – перемены, произошедшие в Москве после провала заговора кремлевских ретроградов. Не станем гадать, что именно произошло в августе 1991 года и каковы будут долгосрочные последствия крутых перемен, последовавших за провалом путча. Ясно, что эти перемены открывают новые и чрезвычайно значительные возможности для восстановления еврейской жизни в стране (или странах, на ее месте возникших) и для реального, тесного сотрудничества между двумя ветвями народа.

Здесь, однако, необходимо сказать следующее. Можно (и должно) упрекать евреев Западной Европы в пассивности, в нежелании протянуть руку братской помощи. Но спросим себя, а готовы ли мы, российские евреи, достойно ответить на рукопожатие, знаем ли сами, чем нам можно помочь, в состоянии ли мы принять помощь (а не подачку)?

Увы, организованное еврейское движение, вышедшее на поверхность пять-шесть лет назад, все еще находится в зачаточном состоянии. Оно до сих пор не обозначило ясных целей (не считая эмиграции), не вылилось в независимую политическую и организационную силу, не выдвинуло сколько-нибудь ответственных и влиятельных лидеров. Начинания на «еврейской улице» в значительном ряде случаев носят сугубо утилитарный характер, а еврейские лидеры выглядят мелкими политиками, мечущимися в попытках «правильно» сориентироваться, подороже продать себя.

Все это вполне естественно – ведь у бывших советских евреев нет опыта политической и общественной деятельности, нет глубоких знаний собственной истории и традиций, в частности, традиций общественной жизни. Нет у них и ясного понимания того, что происходит в стране, в Европе, в мире, в Израиле, в мировом еврейском движении. А без всего этого трудно увидеть будущее, трудно представить себе, как его можно достигнуть. Но время не ждет. Российское еврейство должно, наконец, определиться – выработать национальные цели, наметить пути их достижения, создать новые, жизнеспособные структуры. Без этого оно не может рассчитывать на эффективное равноправное сотрудничество с другими ветвями еврейства, с различными политическими и общественными силами страны, без этого у него нет будущего.

Эйтан Финкельштейн

Семен Дубнов

ДУМЫ О ВЕЧНОМ НАРОДЕ*

1. Библейское представление о бессмертии личности в ее потомстве, а затем в ее народе заменяло в древности идею личного бессмертия. Продолжение жизни индивида в потомстве, как биологическая метаморфоза, возвысилось у библейских пророков до представления об исторической вечности целого народа. Эта идея могла стать национальным культом для позднейших мыслителей (от Иегуды Галеви до новейших идеологов), поскольку с нею была связана вера в вечность и универсальность тех духовных ценностей, которые созданы еврейской нацией. Для современного еврея, утратившего религиозную веру в загробную жизнь или философскую идею бессмертия души, может служить заменой их эта вера в коллективное бессмертие еврейства. Народ, давший миру великих духовных творцов и проделавший трехтысячелетнюю историю, не может исчезнуть бесследно, растворившись в народах позднейшей культуры.

2. Еврейский народ, переживший и древние монархии Ассирии, Вавилонии и Египта и античный греко-римский мир, мог бы сказать нынешним могущественным народам: вы взяли себе *пространство*, а я взял себе *время*. Вы владеете огромными территориями в разных частях света, а я расположился в веках, на всем протяжении всемирной истории. Но и в пространстве еврейский народ в известном смысле опередил другие народы, хотя это была экспансия вынужденная. Велико горе рассеяния еврейского народа, но велико и благо рассеяния. Уже в Талмуде было сказано: «Бог оказал милость Израилю тем, что рассеял его среди народов»: если его преследуют в одной стране, он спасается в других. Если бы еврейский народ, подобно другим, был прикреплен к одной земле, он был бы уничтожен вместе со своей территорией при политических катастрофах трех тысячелетий.

* Печатается по тексту: С. Дубнов, «Книга жизни», том III, New York. 1965.

3. Наше великое горе в том, что нас во все века преследовали. Наше величие в том, что мы пережили и преследования и преследователей, всех Гаманов нашей истории.

4. Процесс *ассимиляции* приводит к тому, что известные слои общества имеют духовную точку опоры не в своем народе, а вне его. Оттого, что точка опоры находится не внутри, а вне родной культуры, получается неустойчивое равновесие, шатание. Однако следует отличать ассимиляцию внешнюю от внутренней. Окруженные чужой культурной стихией по необходимости усваивают многие ее элементы, язык и внешние формы быта: нельзя выйти сухим из воды. Важно только, чтобы *не утонуть*. Это умение плавать по чужим морям даже в самые бурные погоды дала евреям история: усваивать формы окружающей культуры и сохранить сущность своей.

5. Два процесса проходят через всю еврейскую историю: *гуманизация* и *национализация*. За эпохами крайней национальной замкнутости поднимаются в передовых рядах общества стремления к общечеловеческому, к общению с окружающими культурными народами, а когда это переходит известные пределы и грозит растворением евреев в окружающей среде, пробуждается инстинкт национального самосохранения и создает процесс возвращения, национализации ассимилированных частей. Это – естественное чередование центробежных и центростремительных сил. Проблема состоит в том, чтобы уравнивать действие обоих процессов.

6. В древней истории иудаизма установлены два периода: а) допророческий, когда народ создавал себе бога-патрона, покровителя племени, наряду с богами-патронами других племен и б) пророческий период, когда возникло представление о Боге всего человечества и стремление превратить еврейство в нацию богоносцев, призванных возвестить миру идею этого универсального Бога, источника правды и справедливости. Во имя этого этического Бога библейские пророки обличали неправду в своем народе и в других. И вот появился творец книги «Иов» и поднял протест против самого Бога, допускающего неправду и несправедливость в управляемом им мире. В Псалмах и в средневековой религиозной поэзии мы слышим жалобы коллективного Иова, гонимой нации, на «избравшего» ее Бога.

7. Если религия есть *достижение* истины, а философия – *искание* ее, то в Библии есть и то и другое. Ибо здесь поставлены главные проблемы, до сих пор волнующие мыслящее человечество. Та самая Книга, которая дала нам положительную религию, дала и отрицательную критику ее. Она дала нам тезис и антитезис, предоставив нам делать синтез. Библия не только книга веры, но и сомнений в вере. В этом отличие «Ветхого

Завета» от Нового, который весь основан на догматической вере. Недаром талмудисты хотели позже «спрятать» ряд библейских книг, но затем оставили их в последнем отделе «Писаний», то есть вольной литературы, рангом ниже Священного Писания.

8. «Когелет» – первая книга, отрицающая абсолютную истину во имя относительной, да и то с печальной оговоркой: «и все это суета». В Псалмах и книге «Иов» человек еще спорит с Богом, в «Когелет» он игнорирует Бога. Два полюса: полюс огня и горячих излияний Псалмов и полюс скептического холода в «Когелет», а между ними мировая скорбь Иова.

9. Древнее благословение Бога родоначальнику Израиля: «Я сделаю твое потомство многочисленным как песок на берегу моря» – исполнилось в том смысле, что еврейский народ часто распадается, как песок, на партии и общественные группы, которые трудно объединить для общего дела. Даже апостол хасидизма когда-то сказал: «Как нельзя сделать нить из песчинок, так нельзя объединить десяток евреев на одном мнении».

10. С осуществлением еврейского государства в Палестине будет создан несомненно важнейший духовный центр нации, но ввиду того, что и тогда останется мировая диаспора, возникнет опасение, что еврейский народ опять расколется на две части: Иуда в Палестине и десятиколенный Израиль в рассеянии, одно колено с древним национальным языком и десять колен, говорящих частью на «идиш», частью на всех языках земного шара. Задача в том, чтобы установить взаимодействие этих частей.

11. Евреев не любят не столько за их недостатки, сколько за их достоинства, за преимущества, унаследованные от долгих веков умственной культуры.

12. Есть тип любителей еврейства, которые любят его как старинную вещь, как историческую редкость. Они желают поэтому сохранить его в виде мумии, а не развивать как живой организм.

13. Римский историк Тацит, сам ненавидевший евреев, приписывал им «ненависть к роду человеческому» (*odium generis humani*). Почему это? Неужели римские законы и нравы были гуманнее еврейских? Ответ на это простой: религиозная и бытовая обособленность евреев делала их загадкой для окружающих народов, а скрытным и замкнутым людям всегда приписывают неприязнь к соседям. Отшельник, хотя и добродушный, часто слышит мизантропом. То же применимо и к средним векам.

Забывали, что во все эти исторические эпохи обособленность была вынужденная, вызванная чувством самосохранения малой нации среди чуждого или враждебного мира.

14. Слово *юдофобия*, понимаемое обыкновенно в смысле ненависти к евреям, означает в действительности *страх* перед евреями. Fobos по-гречески означает боязнь, страх, а fobeo – устрашаю или страшусь, боюсь. Таким образом «юдофобия» означает иудеобоязнь, как гидрофобия – водобоязнь, то есть собачье бешенство или болезнь от укуса бешеной собаки. Какая огромная масса людей страдает ныне от укусов бешеных собак юдофобии или антисемитизма! Есть страны, где эта эпидемия приняла устрашающие размеры. Но пока против болезни юдофобии не нашлось того серума, какой был открыт Пастером для предохранения от болезни гидрофобии.

15. Когда-нибудь ведь кончится эта вакханалия юдофобии, эта страшная эпидемия человеконенавистничества, свирепствовавшая в ряде стран в первой половине XX века. Народы одумаются, дикие страсти улягутся, и тогда какая картина откроется перед их глазами? Еврейский народ, измученный от нанесенных ему бесчисленных ран, оплакивающий своих мучеников, но нравственно очищенный в горниле страданий, а мучившие его народы – с поколением развращенной молодежи, со всей этой массой погромщиков под именами «железновардейцев», «штурмистов», «наровцев», «фалангистов», «гакенкрейцлеров», которые никогда не смоят невинную еврейскую кровь с своих рук. Это будет поколение с запятнанной совестью, с загрязненной душой, которое в новом европейском обществе будет нуждаться в исправительных домах для преступников, если только оно само не поймет весь ужас того, что оно натворило в юности под давлением бессовестных вождей. Только после того, как это поколение нравственной пустыни исправится или вымрет, возродится в Европе новое общество, основанное на человеколюбии, братстве и социальной справедливости.

Аарон Штейнберг*

ПРАВЕДНИК, КОТОРЫЙ ЖИЛ В ВЕРЕ СВОЕЙ**

Памяти мастера-строителя

Стоит мне вспомнить имя Семена Марковича Дубнова – и я неизменно произношу старомодное: «Да будет благословенна память его!»

Жизнь Семена Марковича Дубнова, начавшаяся на второй день еврейского 5621 Нового года (1860) в белорусском городке Мстиславе, трагически закончилась в Рижском гетто, где ему, восьмидесятилетнему старцу, суждено было обрести ореол мученика. Но Семен Маркович Дубнов не только умер как мученик, но и жил как святой: как сказано о Ное – «Он был человек праведный и непорочный в роде своем» (Быт. 6:9). Среди мирской суеты, окружавшей его жизнь, он был подлинным праведником, и я уверен, что не будь он таким, ему никогда не удалось бы завершить свой грандиозный труд, известный под названием «Всемирная история еврейского народа».

Трудно сказать, какое значение придавал Дубнов библейской истории о потопе в связи с судьбой его собственного «поколения потопа». Однако не подлежит сомнению, что строка из «Бытия», где слово «поколения» употреблено во множественном числе, оказала на него сильное влияние***. Осенью 1935 года, вскоре после своего семидесятипятилетия, он писал мне из Риги: «Моя жизнь измеряется четвертями века. Для историка великое благо жить в трех «измерениях», в трех поколениях, ибо он может глубже проникнуть в тайну смены эпох; но это и великое горе, если смена идет к ухудшению, ибо тогда возникает опасение, что в темной полосе оборвется нить жизни... Мы живем в

* Аарон Штейнберг (1891-1975) – русско-еврейский философ, публицист, переводчик и общественный деятель. Подробнее о Штейнберге в статье Ш. Маркиша.

** Впервые опубликована в журнале «Die Goldene Keyt» (идиш). Tel-Aviv, 1961, № 39.

*** В русском переводе Библии слово «поколения» переведено как «род».

страшные времена, и лишь моя удвоенная – как еврея и как хрониста – вера в жизнь дает мне силы выдержать все это».

На пороге четвертого «измерения» своей жизни Семен Маркович явственно ощущал приближение бури, которая поглотит его, чувствовал, что мир заливают бушующие воды – еще немного, и исчезнет последняя полоска суши. Но у него хватало мужества жить, и истоком этого мужества была его вера – вера еврейского историка – как сказано: «Праведник живет в своей вере» (Аввакум 2:4).

Я дважды встречался с Дубновым в Риге, в первый раз – в начале 1934 года, второй – осенью 1937-го. Я и посейчас ясно вижу его чудесный дом в тихом Кайзервальде, книжные полки на стенах, сосновые ветви, заглядывающие в окна, и посреди всего этого – фигуру милейшего хозяина дома, излучающего гостеприимство. А затем я с болью вижу другую картину: как его выводят из этого дома – чтобы бросить в гетто и уничтожить. Но сколько бы я ни напрягал свое воображение, лицо его остается неизменным – спокойное, серьезное, он отвернулся от окружающих его убийц, подмышкой – пачка книг и рукописей. Вот так уводят его – медленным, но твердым шагом идет он в свой последний путь. Этот образ истинного еврейского стойка, всегда готового принять на себя бремя мученичества, подобрал в себя мои впечатления от встреч с Семеном Марковичем в 1918-1922 гг., когда мы квартировали, так сказать, «в одной и той же гостинице» в большевистском Петрограде.

Там я и познакомился с Дубновым, в доме моего дяди, доктора Элиашова («Баала Махшовеца») в конце 1918 года. Террор был в самом разгаре, и бывшие либералы и радикалы, вроде Дубнова или Израиля Цинберга, ложась вечером спать, вовсе не были уверены в том, что доживут до утра. Тем не менее группа еврейских ученых во главе с Дубновым решили, что сейчас самое время предпринять что-то для поднятия престижа еврейского образования среди русских евреев. Было устроено чаепитие в доме врача, далекого от политики, – конспирация на случай, если кому-нибудь из ЧК вдруг пришло бы в голову, что разговоры об основании Еврейского исследовательского института в Петрограде на самом деле не что иное как политический заговор.

И вот мы сидели за столом, поверяя друг другу свои сомнения насчет того, возможно ли нечто подобное в окружавшей нас тьме. Саул Гинзбург высказался в том смысле, что быть может разумнее подождать, пока кончится это безумие. Но Семен Маркович возразил ему – и насколько убедительнее прозвучало это возражение, продиктованное неколебимой дубновской гордостью! «Что вы имеете в виду, говоря о тьме? – спросил он, обводя сидящих пронизательным взглядом. – Конечно, вокруг нас тьма, египетская тьма. Но когда же и зажигать свечу? При свете дня? Мы должны учиться у прошлого...» И дальше он в краткой, но зажигательной речи перечислил для этой горстки русско-еврейских интеллигентов периоды еврейской истории, когда народ был обязан своим спасением отдельным личностям. Закончил он цитатой из «Книги Иеремии»: «Это –

бедственное время для Иакова, но он будет спасен...» (30:7). Что тут сыграло роль – слова ли пророка или лаконичный исторический обзор – непонятно, но в конце вечера все единодушно порешили объединить силы и создать в большевистском Петрограде «Еврейский народный университет», который затем стал известен как «Институт высших еврейских знаний».

Полагаю, что лишь в «вере своей» смог Семен Маркович пережить годы в большевистском Петрограде. Ведь вера – это прежде всего постоянство надежды. Ни на минуту в эти ужасные годы не закралось в душу Дубнова сомнение в том, что в конце концов свобода одолеет рабство. А его вера в еврейское пророческое видение искупления человечества, в вечный залог братского мира была безгранична. Шагая во всеоружии своей веры по улицам полупустого заброшенного Петрограда, он в поистине трагический момент нашей истории заявил: «С Сатаной компромиссов быть не может!» Стоит немного задержаться на эпизоде, в котором так ярко проявился характер Дубнова.

Мы собрались на Троицкой, в канцелярии нашего института. На повестке дня был лишь один вопрос. На дворе стоял октябрь 1919 года, и армия генерала Юденича была всего в шестнадцати километрах от центра города. Никто из нас не сомневался, что при прорыве первыми жертвами станут евреи. Об этом мы и говорили. Зная, что Троцкий прибыл из Москвы и принял командование обороной «красного Петрограда», один из нас предложил добиться встречи с «Львом Давидовичем» и просить его особо позаботиться о безопасности евреев и организовать массовую эвакуацию еврейского населения (такая встреча была бы вполне возможна, так как адъютантом у Троцкого был сын нашего коллеги Юлия Гессена, историка русского еврейства). Но не успел выступавший договорить, как Дубнов поднялся с места, дрожа от негодования, – никогда, ни до, ни после не видел я его в таком состоянии – и вскричал: «Боже упаси! Как можно просить милости у дьявола? Как можно вступать с ним в переговоры? Пусть мы погибнем, если уж так суждено, но еврейская честь останется незапятнанной. Склоняться перед воплощением террора – грех худший, чем поклоняться идолам! Это тот случай, когда лучше погибнуть, чем преступить. Нам, конечно, нужна организованная еврейская самооборона, и вот об этом и следует говорить».

Не буду вдаваться в подробности, достаточно сказать, что Дубнов, которому было под шестьдесят, с маккавейским рвением пристыдил прочих, – а почти все они были гораздо моложе, – и после недолгого спора все согласилось с его предложением. Тем временем колесо еще раз повернулось влево, Петроград остался «красным», и «постоянные еврейские и нееврейские погромы», по выражению Дубнова, становились все страшнее. В основе антибольшевизма Дубнова вообще и его отворачивания – другого слова не подберу – к Троцкому в частности лежала его «вера», его этическая убежденность в том, что еврейский народ может сохранить свое положение в мире только на путях мира и свободы. «Террор – это

нечисто», – часто говорил он тогда, с тем выражением отвращения, с каким набожный еврей смотрит на грубое нарушение Закона. Перед Пасхой 1921 года он раздобыл себе немного мацы, объясняя, что в то время, когда подавляется свобода – «самая священная из человеческих ценностей», – каждый еврей, набожный или нет, должен «выразить по крайней мере историко-символический протест, вспомнив наш древний образ жизни, ритуальный ужин, прославляющий свободу».

В позднейшие годы мне не раз случалось слышать, будто Дубнов был излишне терпим и был готов признать еврейство за любым «еретиком», если только тот проявлял национальные чувства; одним словом, «был готов плясать на любой свадьбе». Эти люди не понимали и не хотели понимать, что терпимость Дубнова была проявлением не слабости, но скорее одним из его моральных принципов, которых он придерживался неукоснительно. И действительно, что касается терпимости, то тут он был истинным зелотом. Он твердо верил, что во время мирового кризиса евреи должны приложить все усилия к тому, чтобы понять друг друга, даже если они духовно далеки.

Приведу пример из его петербургского периода. В нашем институте шли споры насчет того, на каком языке преподавать, и Дубнов настаивал на равном статусе для всех трех языков: иврита, «нашего древнего национального языка», идиш, «нашего народного языка», и русского, «языка нашей страны». (Большая часть лекций читалась по-русски.) В 1920 году понадобилось получить от властей санкцию на существование института. Некоторые из нас говорили, что лучше вообще не поднимать вопрос о языке или уж, во всяком случае, умолчать насчет иврита, чтобы не провоцировать красных «индюков». Другие, напротив, полагали, что если мы напишем об идиш, то это будет расценено как уступка еврейским коммунистам. Дубнов положил конец всем спорам, сказав, что в вопросе о языке у нас нет иного выхода, как только «фанатически отстаивать принцип терпимости», и как обычно мягко и ненавязчиво дал понять, что «в случае нарушения этого священного принципа» не сможет принять участие в работе института. И правила остались неизменными, «согласно Дубнову».

Но время шло, а положение все ухудшалось. Дубнова обуяло нетерпение. В 1920 году, на собрании по поводу празднования его шестидесятилетия, после Симхат-Торы, он так истолковал слова-цифры еврейского календарного года (5691): «Исцелитесь ли вы в этом году? Что вы делаете, чтобы избежать страшной эпидемии, чумы, охватившей эту страну?» Потом он сообщил нам по секрету, что готовится эмигрировать, прибегнуть к «средству», которое помогло миллионам русских евреев избавиться от страшной чумы преследований. Грустно было нам это слышать, мы все понимали, что без Дубнова наш маленький петербургский киббуц лишится своей моральной основы. Но в то же время все мы знали, что решение Дубнова обусловлено его миссией. Десятилетиями, кирпичик за кирпичиком собирал он строительный материал для своего всеобъем-

лющего труда, который, по его мнению, должен был добавить последнее слово к современным изысканиям в области еврейской истории. Однако к 1920 году ему стало ясно, что он не доживет до того, чтобы увидеть свой многотомный труд опубликованным в России; а коли так, то пусть лучше, считал Дубнов, труд этот появится в немецком переводе, «в классической стране еврейских штудий».

Прощаясь в Петрограде в 1922 году, мы не могли предположить, что пройдет совсем немного времени — и мы снова сойдемся под одной крышей, на сей раз в свободном городе, в столице Веймарской республики, и вот тогда-то мне и доведется принять деятельнейшее участие в работе Дубнова.

Если я позволяю себе называть Семена Марковича Дубнова святым, то это объясняется не только тем, что он был для меня самой яркой фигурой на темном фоне большевистского Петрограда, но в основном благодаря моим встречам с ним в Берлине. Именно здесь я на протяжении многих лет разделял его заботы по появлению в немецком переводе его работ — десяти томной «Всемирной истории еврейского народа» (1925-1929) и двух томной «Истории хасидизма» (1931), не говоря уж о трех томах краткой «Всемирной истории» (1937-1938). В этот период жизни Семена Марковича я имел возможность оценить его не только в масштабе столетия, но и по более тонкой шкале минут, из которых складывается повседневная жизнь человека. Итог оказался тем же самым: он остается «праведником» своего и нашего поколений.

Сам он наверняка не стал бы возражать против того, чтобы его изобразили не как современного европейского ученого, каковым он и был на самом деле, но как еврейского мудреца древних времен. В крайнем случае это вызвало бы у него улыбку и замечание, что это всего лишь новомодная символистская стилизация. Но его ирония была бы неоправдана. В ней просто отразилась бы его глубокая скромность. Он не замечал, а может, не желал замечать, что его реальная жизнь мало-помалу превращалась в «служение Торе» и что распорядок его дней и лет постепенно уподоблялся стилю жизни древних мудрецов, с той лишь разницей, что его Торой была еврейская история, и он, воссоздавая ее, служил духу вечной истины. По сути дела, его твердые правила поведения, весь его распорядок жизни были строго подчинены научным занятиям. Его важнейшим правилом было: не терять времени зря.

Подобно древним мудрецам, Семен Маркович Дубнов был разом и земной человек, и не от мира сего. Он пристально следил за тем, что творилось в мире политики, особенно за теми событиями, которые могли затронуть евреев. День он начинал с изучения газет. Факты, имеющие, на его взгляд, историческое значение, тут же заносились в его «журнал», его личный дневник. С другой стороны, он полностью игнорировал все новейшие достижения естественных наук или техники, если они не оказывали положительного влияния на нравственный прогресс. Когда, к

примеру, в 1927 году весь мир восторгался успехами Чарльза Линдберга, перелетевшего через Атлантический океан, Дубнов только посмеивался: «Куда они так торопятся? Куда они летят? Люди еще не научились ладить с собственными соседями или соседними народами. Материальный прогресс, если он наступает слишком рано, может стать величайшей опасностью для духа!»

Семен Маркович обладал невероятной работоспособностью. Бывали недели и месяцы, когда он с раннего утра до поздней ночи просиживал за столом, частенько посвящая целые часы выяснению точного написания имени или установлению даты в историческом документе. В таких случаях он приводил изречение из Талмуда: «Предполагается, что коллега (то есть другой талмудист) не выпустит материал из рук, не поправив в нем чего-нибудь». В такие периоды исследовательской лихорадки подруге его жизни, Иде Ефимовне, порой приходилось чуть ли не силой заставлять его поеть.

Постоянно нуждаясь в деньгах, он ни за что не желал одалживать деньги у своих друзей и почитателей, цитируя стих из «Притчей» (Пр. 22:7): «Должник делается рабом заимодавца». «Ты меня обижаешь!» – возразил однажды на это старый друг из Одессы. «Напротив, это ты меня обижаешь, – спокойно ответил Семен Маркович. – Неужели я не могу сам решить, быть мне свободным или рабом?» И закончил перепалку, залившись смехом. Он и на самом деле чувствовал себя свободным и был в хорошем настроении. Вообще говоря, все семь черт, которые, согласно «Поучениям отцов», характеризуют мудреца, были словно списаны с Дубнова, особенно последняя и, может, самая важная для ученого – способность смотреть в глаза правде, умение признать собственные ошибки и стараться исправить их.

Последняя работа Дубнова, его трехтомная автобиография «Книга жизни», дает массу свидетельств того, как он постоянно старался извлечь уроки из своих ошибок и как корил себя за крупные и мелкие проступки. Под конец жизни он ретроспективно разделял их на три стадии – тезис, антитезис и синтез. Кое-кто был склонен усмотреть в этом влияние Гегеля, но ничего подобного! Дубнов был убежденным противником диалектической логики, которая, как он любил повторять, «уводит от разума». Он использовал гегелевскую триаду только для того, чтобы разъяснить себе и другим, что до заключительного периода своего духовного «синтеза» он блуждал из одного тупика в другой. Однако он постоянно искал связующие и объединяющие элементы, «синтезирующее» в себе самом, вокруг себя и, самое главное, в историческом мире.

Можно было бы предположить, что при такой поглощенности работой и отрешенности от внешнего мира он просто не различал отдельных людей и что вежливое дружелюбие, с которым он встречал посетителей, лишь маскировало его равнодушие. Но за этим кажущимся безразличием часто скрывалось теплое и заинтересованное отношение к людям. Вот всего лишь один пример. Однажды к Дубнову зашел еврейский писатель,

по своим взглядам страшно далекий от историка. Этот молодой «анархист» находился в трудных обстоятельствах, но гордость не позволяла ему в этом признаться. Хотя Дубнов считал время самым драгоценным своим достоянием, тем не менее он вместе с еще одним другом два дня потратил на то, что стучался в двери богатых эмигрантов, — пока наконец не собрал нужную сумму. На третий день он радостно сказал мне: «Я им говорил, что праздную мой собственный «Святой день в изгнании», и, знаете, это срабатывало!» По-видимому, наш историк, далекий от религии, все же в какой-то мере следовал хасидской традиции и не случайно его с юных лет увлекала история хасидизма.

Честь и слава еврейской истории, Семен Дубнов в старости стал ее символическим воплощением. Люди, обладавшие эстетическим чувством, мгновенно выделяли его по особому свету в лице. Одним из таких людей был Хаим Нахман Бялик, другим — Саул Черниховский. Однажды я провел вечер с Дубновым и Хаимом Житловским. По дороге домой Житловский то и дело повторял, словно про себя: «Какой чудесный старик!» На другое утро я спросил Дубнова, какое впечатление произвел на него Житловский. «Его воззрения на идиш показались мне немного односторонними, — ответил Семен Маркович. — Но какой чудесный старик!» Я с подлинным наслаждением записал в дневнике: «Эхо прекрасного — прекрасно».

Нельзя не упомянуть о поразительной скромности Дубнова. С годами она дошла до того, что в день своего семидесятилетия он категорически отказался явиться на торжества, организованные в его честь в Берлине немецкими, русскими и еврейскими друзьями и почитателями. «Нет, нет, — говорил он, качая красивой седой головой, — лучше просто выпить дома чашку чая, под конец Рош ха-Шана, со старыми друзьями.» Он, конечно, имел в виду Лещинских, Чериковеров, Равидовичей, Крупников, — не говоря уже о Штейнбергах. Но на чаепитии появился еще один гость — из Эрец Исраэль — Залман Рубашов, будущий президент Израиля (Залман Шазар), учившийся у Дубнова в Петербурге еще «до потопа». И хотя за чаем не принято произносить речи, каждый считал себя обязанным что-то сказать. Рубашов выступил со страстной речью, настаивая на том, что историку народа Израиля самое время приехать в страну, где даже камни говорят на языке истории. Хозяин (бывший одновременно нашим почетным гостем) спокойно и чуть смущенно заметил, что пока его труд не завершен, он, наверное, этого не достоин, но когда он поставит последнюю точку, то надеется исполнить свое заветное желание, и тогда ему простится его грех. Ибо, как сказано в Гемаре: «Тот, кто был занят, выполняя одну заповедь, освобождается от выполнения другой».

К сентябрю 1930 года все десять томов дубновской «Всемирной истории» вышли в свет в Германии тысячными тиражами. Со всех сторон, из уст как евреев, так и неевреев, посыпались похвалы. Автора поздравляли в частных письмах и журнальных рецензиях, но сам он уделял больше внимания критическим оценкам, нежели похвалам. В дни своей самой громкой славы Дубнов вдруг заметил, что если его десятитомную историю

удастся переиздать, он непременно учтет критические замечания, накопившиеся за пять лет. «Ведь мы-то с вами знаем, – добавил он озабоченно, – что по меньшей мере некоторые из них вполне справедливы».

В том, что касается еврейской набожности, Семен Маркович Дубнов тоже был далек от прямолинейности. Он не только жил в цитадели своего теоретического или, вернее сказать, морально-этического кредо, но в период синтеза, как он это называл, вполне тепло относился к соблюдению традиционных ритуалов, время от времени подыскивая для них какие-нибудь внерелигиозные обоснования. В Берлине у него вошло в обычай проводить первый сейдер Пасхи у Лещинских, а второй – у моего брата. Девятого аба мой брат взял его с собой в синагогу на чтение «Эйха». Дубнов объяснял: «Девятое аба не религиозный, но национальный день траура». В Шавуот он обычно бросал работу и шел гулять по лесам Грюнвальда, потому что, как я не раз от него слышал, «природа, когда ты с ней наедине, может раскрыть глубочайшие тайны творения». В год траура по моему отцу он иногда присоединялся к нашим молитвам, а однажды вечером, идя со мной после службы домой, заметил вдруг: «Кадиш (поминальная молитва) – это очень важный культурный институт. Жаль, что в молодости мы утратили навык соблюдать годовщины смерти. Смерть кого-либо из родителей – важный этап в жизни человека».

Главное творение Дубнова, десяти томная «Всемирная история еврейского народа», производит впечатление здания, построенного по точным и проверенным методам современной архитектуры, без всяких излишеств и украшательств, соразмерного в длину, ширину и высоту. За фасадом угадывается точно спланированное творение острого ума. Таково было общее впечатление, произведенное «небоскребом» Дубнова на широкую публику в Германии. Когда здание было увенчано высоким шпилем (эпилогом), все поразились, как один человек мог за такой короткий срок – всего за пять лет – сделать так много. В свое время, когда была завершена лишь половина работы (сам Дубнов называл ее «моя личная энциклопедия»), крупнейший немецкий специалист по еврейской истории профессор Эльбоген сказал мне: «Это поистине гигантский труд. Не сомневаюсь, что у нас никогда больше не будет еврейского историка, у которого достало бы духу сделать что-нибудь подобное».

У Дубнова достало духу довести работу до конца. И связано это прежде всего с его творческой отвагой, с его верой, что научная работа еврейского историка должна продолжаться всю жизнь, без перерывов и пауз, так же, как и сама история нашего народа. Да и утверждение, будто качество, то есть истинный научный дух, не сочетается с количеством, то есть с объемом исследований, тоже звучит неубедительно. Все, опять же, зависит от степени решимости, с которой историк подходит к своим занятиям. И лучший пример тому – Семен Маркович Дубнов! Его уверенность в своих силах – ключ к пониманию титанического и энциклопедического характера его труда. Приступая к изучению его главной

работы, особенно важно понять, что прочитать «Историю» необходимо от корки до корки, как увлекательный роман, ибо «Всемирная история» Дубнова, в действительности, не более, но и не менее, чем биографический очерк основного героя – народа Израиля. В общем так и получилось, ибо в ту минуту, когда ты оказываешься захваченным духом дубновского творения, тебя подхватывает поток и несет от столетия к столетию, пока ты вдруг не оказываешься в своем веке, в сегодняшнем дне.

Если источником творческой отваги Дубнова было постоянство его веры, то сама эта вера питалась еще более глубоким источником – беззаветной любовью к своему народу. Впрочем – может ли любовь питать науку? В данном контексте это скорее риторический вопрос: на него отвечает пример мастера Дубнова! Так же как любовь к человеку часто вызывала у него горячий интерес к истории этого человека, к его семье и даже к его материальным нуждам и трудностям, так и научный метод Дубнова в еврейской истории был подсказан его глубокой любовью к еврейскому народу. Этот метод, в котором сочеталось изучение духовного развития народа и его экономической истории, сам Дубнов называл «био-социологическим». Но понять это определение можно, лишь зная характер Дубнова. «Био» означает «жизнь». Искать и находить в великом прошлом еврейского народа его духовную и жизненную силу, расположить в ретроспективном порядке события его истории и взглянуть на происхождение «еврейской нации» и ее главный завет – «Народ Израиля жив!» – вот какова была главная задача историка. В этом же был источник его радости и удовлетворения. Ведь для того, кто любит, естественно черпать радость в созерцании черт предмета любви. Чтобы получить духовное наслаждение от величественного творения Дубнова, необходимо не только проникнуться творческим порывом и верой строителя, но в еще большей степени – разделять его любовь к вечным традициям «древнего Израиля», когда бы и где бы они ни существовали.

Кто-то может спросить: не слишком ли это метафорично – говорить о любви к исторической жизни народа, как к отдельному индивидууму? Но позвольте мне вновь заметить, что Семен Дубнов и его социологический метод соответствуют такому представлению. Дубнов был убежден, что с научной точки зрения оправданно рассматривать такое коллективное единство, как народ Израиля, в качестве органического целого, как единый организм с вечной коллективной душой, которая объединяет во времени и пространстве все свои компоненты. 15 октября 1931 года, завершив «Краткую еврейскую историю для детей», Дубнов записал в дневнике: «Уместить четырехтысячелетнюю историю в небольшой книге – задача не из легких», но «героем этой истории всегда был народ как целое», – то есть та же концепция, что и в его основном труде. Не будет преувеличением сказать, что, с точки зрения самого Дубнова, его био-социологический метод был лишь средством трансформировать свои субъективные чувства, любовь к своему народу в объективную историю, в биографию народа. Ведь любовь творит чудеса. Она обладает силой

делать абстрактное конкретным и превращать общее в осязаемые частности.

Таким образом ясно, что для Дубнова принцип «Народ Израиля жив!» был всего лишь вариантом формулы «Народ Израиля един» – в смысле един и единственен. В каком-то смысле живое существо всегда едино и единственно, в особенности когда это – объект любви. Как мог Дубнов, с каким бы историческим периодом он ни имел дело, не подчеркивать объективные и субъективные условия еврейского единства? Когда ему исполнилось семьдесят лет и он попытался подвести итог своей работы, он записал в дневнике (25 сентября 1930 года): «Мое единственное достижение – не напрасно я трудился пятьдесят лет – я соединил восток и запад в едином чувстве».

В этом контексте мне вспоминается, что в 1924 году, вскоре после приезда в Берлин Дубнов стал одним из основателей «Еврейской научной ассоциации», главной целью которой было установление постоянных связей между учеными-евреями Восточной и Западной Европы. Как и прежде, в Санкт-Петербурге, Дубнов твердо придерживался принципа равноправия трех языков: иврита, идиш и языка страны происхождения. Сам он в Германии писал на идиш, чтобы немцы поняли, что идиш тоже может быть языком научных исследований. Кстати, в то время он принял участие в создании Института еврейских исследований, а в 1930 году, в его честь и с его благословения, был учрежден Фонд Дубнова, задачей которого была публикация «Всеобщей энциклопедии» на идиш.

Уже на титульном листе главной работы Дубнова сказано, что еврейский народ – герой его объемистого десяти томного романа – уникален «во всех поколениях», среди всех народов мира и во все периоды существования евреев. Название книги – «Всемирная история» – по отношению к истории одного народа представляет собой неологизм Дубнова, как замечает он в третьем томе своей автобиографии. Он пишет, что поначалу сомневался насчет названия и посоветовался с профессором Давидом Койгеном и со мной. «После некоторых колебаний, – продолжает он, – мы пришли к выводу, что этот термин оправдан в контексте истории евреев, рассеянных по всему миру, особенно в том смысле, очень важном для меня, что народ этот «не привязан к некоей особой территории». Именно так! Для Дубнова ключевыми словами были «рассеянные по всему миру» – то есть народ, который сам по себе составляет целый мир. Так история народа по определению становится всемирной историей. Таково и было истинное намерение историка – показать своего любимого героя, народ Израиля, в его собственных «центрах духовной гегемонии», а его автономное существование – как существование отдельного духовного и материального сообщества.

Тут мы вновь можем спросить: не является ли такой подход к еврейской истории полностью метафизическим, быть может даже мистическим? Как сочетать его с дубновским современным рационализмом и тенденцией приносить здравый смысл в трактовку даже таких невероят-

ных «исторических явлений», как, например, патриархи, Исход, фигура Моисея, передача Закона на горе Синай, вплоть до возникновения объединенного народа Израиля? Я думаю, памятуя о личности Дубнова, мы вполне можем разрешить это внешнее противоречие, вспомнив, что наше собственное определение рационализма далеко не точно, а его философское содержание далеко не однозначно. Из работы Дубнова мы узнаем, что представляя еврейскую историю «поколениям», не связанным с религией, он тем не менее ни в коей мере не изменил своей внутренней вере, своему восторженному восприятию чуда мирового народа с собственной мировой историей. Этот восторг то и дело пробивается на страницы его повествования, особенно когда он рассказывает о том, как в тяжкие времена лекарство оказывалось под рукой чуть ли не прежде, чем начиналась болезнь. Так случилось, например, в четырнадцатом веке, когда евреи, преследуемые в Германии, нашли пристанище в Польше, где как раз в то время начинали развиваться города. В следующем столетии Оттоманская империя приняла евреев, изгнанных из Испании. И уже почти в наши дни Америка сумела спасти миллионы российских евреев. Хотя Дубнов описывает эти события по большей части как счастливые совпадения, его истинным намерением было показать руку провидения, ибо в отношении исторической судьбы еврейского народа он был скорее верующим, чем агностиком. Он не только жил и умер «в вере своей», но он и думал, и работал, и писал в ней, в ее духе.

Незадолго до начала Второй мировой войны я, будучи в Лондоне, получил от Дубнова его последний «Эпилог» к «Всемирной истории» (Обзор исторических событий за 1914-1938 гг.), с надписью на титульном листе: «Желаю Вам когда-нибудь получить возможность написать более счастливый эпилог». Будем надеяться, что это пожелание сбудется и что еврейский народ вослед Дубнову создаст целую серию новых всемирных историй, которые в совокупности прозвучат мощным аккордом. С ним в унисон звучит и эта статья – материал для эпилога, камень для памятника, который еврейский мир возводит сейчас на неизвестной могиле нашего общего биографа.

Норман Подгорец (Нью-Йорк)

НОВАЯ РЕЛИГИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Когда евреям напоминают о параноидной оценке их могущества, они с грустью улыбаются: «Дай-то Бог!» Паранойя наших ненавистников, говорят евреи, может создать неприятную для нас атмосферу в мире, поэтому следует при каждом удобном случае доказывать, что этнической общности под названием «мировое еврейство» просто нет, а «Протоколы Сионских мудрецов» – плод большой фантазии антисемитов. Пусть объяснит тот, кто утверждает обратное, как это вездесущие и влиятельные евреи, объединенные в могущественные организации, не смогли предотвратить уничтожения миллионов своих собратьев в сороковых годах...

И все-таки даже неопровержимые доказательства подделок, сфабрикованных царской охранкой в прошлом веке, не смогли воспрепятствовать распространению «Протоколов». В наши дни этот «документ» выходит в свет миллионными тиражами не только в арабском мире, ставшем центром международного антисемитизма...

Большинство евреев знают, что неспособность к единству во имя централизованного, целенаправленного действия, внутренняя потребность в плюрализме со всеми его недостатками и достоинствами – один из самых упрямых фактов действительности, характеризующих общественную и духовную жизнь еврейства. Практически по любому вопросу идеологии, политики, морали, религии в еврействе можно найти полный спектр мнений...

Однако, начиная с 1948 года, наша национальная проблематика пополнилась одним вопросом, который все более и более выкристаллизовывается как исключение из общего правила. Независимо от политических взглядов и идеологических приверженностей, религиозной градации и этнического происхождения, евреи мира оказались сплоченными во всем, что касается отношения к *государству Израиль*. До 1948 года еще велись дебаты о том, плодотворна ли вообще идея создания суверенного государства на Святой Земле. Дебаты эти, однако, стали постепенно стихать, хотя где-то на периферии внутриеврейских конфликтов они по-прежнему дают о себе знать. Последовательными антисионистами остались в основном крайние ортодоксы и некоторые левые социалисты, видящие в еврейском государстве «памятник, увековечивающий буржуазный национализм».

Эти и некоторые другие антиссионистские круги разбросаны по еврейским общинам мелкими, не связанными между собой сектами и составляют лишь незначительное меньшинство. Их периферийность, несущественность стала особенно явной после Шестидневной войны и затем после войны Судного Дня, когда опасность уничтожения большой общины – независимо от отношения к ней – побудила подавляющее большинство народа, в памяти которого еще не зажили раны Катастрофы, заявить о своей полной солидарности с евреями Израиля.

Так, благодаря событиям, происходящим в Израиле, мы стали свидетелями начала нового периода в нашей национальной истории: периода, когда можно говорить о «мировом еврействе» как о реально существующем этническом единстве, заявляющем о своей солидарности с государством Израиль.

В Соединенных Штатах, самой большой в мире еврейской общине, плюрализм которой до недавнего времени представлял из себя классический образец американской демократии, царит почти полное единодушие во всем, что касается Израиля. Социолог Натан Глейзер говорит по этому поводу, что Израиль стал новой религией американского еврейства.

Не менее поразительны процессы, происходящие в тех еврейских общинах, где до недавнего времени антиссионистские настроения доминировали. Выделяется в этом смысле Франция (община которой – четвертая в мире по величине). Французские евреи видели в сионизме «неудачную смесь религии с современным националистическим движением». Они, правда, никогда не имели ничего против Израиля как места убежища для евреев-беженцев, не родившихся во Франции... Как утверждают сами же лидеры французской общины, «возникновение еврейского государства и Война за независимость не оказали никакого воздействия на французское еврейство».

Но и здесь, как во всех других общинах мира, Шестидневная война оказалась поворотным пунктом в отношении к еврейскому государству. Даже ассимилированные французские евреи неожиданно для самих себя почувствовали, что опасность уничтожения Израиля имеет прямое отношение к их собственному существованию и что они не могут остаться равнодушными к очередной попытке «решения еврейского вопроса» спустя четверть века после почти удавшегося гитлеровского эксперимента...

Такой поворот в настроениях наблюдался во всех еврейских общинах мира. Один из выдающихся теоретиков сионизма Ахад Га'ам предвещал, что если возникнет еврейское государство, оно будет местом пребывания лишь небольшой части еврейства, его духовной элиты. Диаспора, утверждал Ахад Га'ам, по-прежнему будет составлять большинство народа, для которого еврейское государство станет духовным и интеллектуальным центром. Сегодня ясно, что это пророчество реальнее утопической мечты Герцля о «нормализации» еврейского народа, который должен уничтожить антисемитизм путем массовой эмиграции в Израиль. Случи-

лось так, что еврейское государство не смогло обеспечить возжеленной безопасности: центр антисемитизма сместился на Ближний Восток, и таким образом Израиль занял центральное место в жизни еврейских общин мира как передовая линия борьбы с антисемитизмом.

Конечно, не таким представлял себе Ахад Га'ам духовный центр еврейства. Его идея представляла собой светский вариант древнего пророчества: «Из Сиона выйдет Учение». Возрожденная на земле Израйля еврейская культура, по мнению мыслителя, распространится по всей Diasпоре, и евреи Diasпоры, черпающие из этого благодатного источника, станут носителями духовных ценностей Сиона во всем мире.

Следует заметить, что события, последовавшие за Шестидневной войной, как ни парадоксально это звучит, создали ситуацию, близкую к той, которую предвещал Ахад Га'ам. Новая волна солидарности, на этот раз – как прямой результат заботы о еврейском государстве, – привела к всеобщему увлечению национальной культурой, поискам ценностей, связанных с национальной идентификацией, а часто – и к религиозным истокам. Евреи во всем мире – особенно молодежь, – которые никогда не проявляли интереса к своим национальным корням, увлеклись изучением иврита, еврейской истории. Ассимиляция вышла из моды. Участие в еврейских религиозных обрядах, празднование еврейских праздников с соблюдением соответствующих религиозных предписаний стало признаком хорошего тона в среде ассимилированных молодых людей, причисляющих себя к универсальной элите общества и до недавнего времени относившихся к своему этническому происхождению с высокомерным пренебрежением.

В этом необычном по своим последствиям национальном возрождении есть что-то возвышенное, выходящее за пределы обычных критериев современного исторического развития.

Вначале была Катастрофа. Страшный опыт национального унижения, вплоть до того, что выжившие – и я имею в виду не только спасшихся из нацистских лагерей, но и тех, кто наблюдал за уничтожением нации из-за океана, – были на грани полного национального самоотрицания. Произошло, однако, обратное: с новой силой зазвучал лейтмотив национального возрождения и неистребимого желания жить.

Лишь очень немногие связывали такую решимость национального возрождения с религией, хотя рационального объяснения этому явлению нет. С точки зрения иудаизма, Бог избрал народ Израйля для выполнения особой миссии: нести в мир Его законы, Его Учение. А раз так, сам факт существования евреев как народа обусловлен религиозным заветом. Народ Израйля и его Тора – едины, говорит Талмуд. Поэтому не удивительно, что многие все же придают большое значение религиозному аспекту еврейского государства, которое стало воплощением неистребимого желания народа жить вопреки Освенциму.

Однако вскоре после национального возрождения, нашедшего свое выражение в провозглашении Израйля, возникла новая опасность уничтожения, на этот раз – в виде военной угрозы со стороны арабского мира. Этой военной угрозе могла противостоять только военная мощь, и

молодое государство должно было с момента своего появления на свет проявить способность к созданию военной силы. Никто – и уж тем более Ахад Га'ам – не мог предвидеть, что наиболее выдающимся учреждением будущего государства евреев станут не университеты, а военная промышленность и армия. Такое развитие событий было продиктовано желанием жить во что бы то ни стало, жить вопреки сатанинскому заговору лидеров арабского мира, с которым Израилю выпала судьба разделить один геополитический район. Поэтому не удивительно, что никто из еврейских лидеров – от древних пророков до руководителей теперешнего Еврейского Агентства – не мог предвидеть «специфику» будущего Израиля.

Израильтянин Гершом Шалом, один из выдающихся интеллектуалов нашего поколения, олицетворяющий собой мечту Ахада Га'ама о расцвете духовной культуры в Израиле, сказал однажды: «Евреи – народ талантли- вый, и талант свой они умеют направить туда, где он более всего нужен. В наше время в Израиле еврейский талант понадобился в области военной, и поэтому израильтяне преуспевают в военной промышленно- сти...»

Много говорилось о необычном воодушевлении евреев Диаспоры после блистательной победы израильтян в Шестидневной войне. Этот гипертрофированный победный дух, говорили нам, – даже опасен... Я всегда считал, что такое мнение – не что иное как поверхностная оценка (не без злого умысла) истинного значения нашего национального воодушевления после 1967-го года. Если это воодушевление и сопровождалось где-то чрезмерным ликованием, то было здесь нечто более глубокое, нежели радость сиюминутной победы над врагом: это была реминисценция чувства благодарности, нашедшего свое выражение еще в песне Моисея, чувства, знакомого каждому еврею, читающему в пасхальной Агаде: «В каждом поколении восстанут на нас, чтобы истребить нас...» Это был урок истории, который с особой силой подействовал на американское еврейство, шести- миллионную общину, гордо объявившую два десятилетия, предшествовав- шие 1967-му году, «золотым веком» безопасности, периодом небывалого в истории Диаспоры процветания своей общины.

Открыло ли для себя поколение 1967-го года заключительную фразу стиха из Агады: «...но Всесвятой, благословен Он, спасает нас от их руки...»? Несомненно, для некоторых воинствующих атеистов – да. Это касается не только американских евреев. Поколение 67-го было свидетелем возвращения к иудаизму молодых людей из среды ассимилированных французских евреев; поиски многих израильтян, в том числе киббуцников, не нашедших удовлетворения в социалистических идеях своих отцов, вели к религии; духовное возрождение, получившее свое выражение в возвращении к иудаизму, стало явлением универсальным для всего мирового еврейства.

Естественно, речь идет о незначительном меньшинстве. Однако я верю, что и среди тех, кто не отдал Богу должное за триумф 1967 года, было немало испытавших чувство свершившегося чуда, чувство Избавле-

ния в самом возвышенном смысле. И если все-таки кто-то услышал в этом всеобщем духовном подъеме воинственные нотки, то они скорее напоминали священный трепет перед совершившимся, нежели самодовольное высокомерие.

Уже в 1967 году во многих еврейских общинах, однако, можно было наблюдать неловкое чувство, сопровождавшее трубный звук победы. И действительно, почти сразу после Шестидневной войны стало ясно, что Израиль постепенно теряет симпатию и поддержку левых и либеральных кругов, в большой степени определяющих мировое общественное мнение. Евреи привыкли к враждебности правых и националистов всех мастей: «еврей-социалист», «еврей-либерал» традиционно звучали как синонимы, поэтому враждебность «слева» была шоком, от которого многие не оправились и по сей день.

Как бы то ни было, вскоре – через шесть лет – дух победы 67-го снова сменился чувством смертельной опасности. Вновь «восстали на нас, чтобы истребить нас». Сирийцы и египтяне неожиданно напали на Израиль. В очередной раз от евреев мира потребовалось выполнение «заповеди Освенцима»; на этот раз, в войне Судного Дня, движение солидарности превзошло то, что произошло в 1967 году.

Итак, период в истории нации, когда впервые за много столетий можно всерьез говорить о мировом еврействе как о единой национальной сущности, начался в недрах одной войны, продолжился и укрепился во второй. Вопрос, который нам следует поставить сегодня, 20 лет спустя, – не положила ли третья, Ливанская война, конец этому периоду?

Нет сомнения, что в разгар войны ответ на этот вопрос звучал устрашающе однозначно: да, ввод израильских войск в Ливан поколебал еврейское единство вообще и безоговорочную солидарность с Израилем в частности. Средства массовой информации США ежедневно снабжали свои репортажи из Ливана обширными комментариями, в которые непременно входили рассказы о расколе еврейской общины. Декларации лидеров американского еврейства, осуждающих «израильскую интервенцию», чрезмерное использование военной мощи – вплоть до лозунгов об «империалистической агрессии», – посыпались, как из рога изобилия. Еще хуже было положение в Англии. Шумные декларации английских евреев, отмежевавшихся от Израиля, звучали настолько бескомпромиссно, что английскому телевидению пришлось «импортировать» американского еврея – меня, с тем чтобы уравновесить телевизионную дискуссию интеллектуалов по ливанскому кризису и отношению к нему евреев Диаспоры. Но нигде не пострадал «национальный консенсус» так сильно, как в самом Израиле. Впервые в истории этого государства многие израильтяне выразили несогласие с позицией правительства по вопросам национальной безопасности.

В такой атмосфере несведущий сторонний наблюдатель мог прийти к выводу, что половина евреев, включая самих израильтян, занимают антиизраильскую позицию по крайней мере в вопросах, связанных с

Ливанской войной, а возможно – и по вопросам более общего характера...

Это впечатление лишь усилилось благодаря реакции евреев на резню, устроенную арабами-христианами в лагерях арабов-мусульман Сабре и Шатиле. По любым критериям израильтяне были последними, на кого следовало бы возложить ответственность за трагедию. И тем не менее, когда мир заговорил об ответственности израильтян за резню, мы стали свидетелями массовых демонстраций евреев... против правительства Израиля.

Такой, во всяком случае, была представлена еврейская община средствами информации. Репортеры делали все от них зависящее, чтобы доказать: единого еврейского фронта в поддержку Израиля не существует. Почему журналисты с таким увлечением набросились на нашу внутреннюю тему, зачем надо было уделять ей так много внимания?

По моему убеждению, гипертрофированный интерес журналистов к теме «евреи Диаспоры – Израиль» вызван рядом мотивов. Во-первых, многие искренне уверовали в теорию, согласно которой Израиль – единственный камень преткновения на пути к миру на Ближнем Востоке. Естественно предположить, что сторонники этой теории страстно желают убедить американскую администрацию, что пришло время оказать давление на Израиль и что еврейская община США в данной ситуации – не препятствие для такого давления. К этому политическому мотиву присовокупился моральный аспект: если еврейские лидеры Диаспоры и даже израильтяне осуждают израильское правительство вообще и агрессию в Ливане в частности, можно не опасаться, что тебя назовут антисоционистом или антисемитом.

А что же представляют из себя те люди, которые дали общественному мнению доказательства раскола в еврейских общинах?

Важно отметить, что речь идет о незначительном меньшинстве. Это подтверждают многочисленные опросы и другие данные, как, например, рост суммы пожертвований в Объединенный Еврейский Фонд, являющийся основным индикатором поддержки Израиля. Несомненно, эта поддержка по-прежнему определяет настроение на «еврейской улице», хотя последние события на Ближнем Востоке по-разному сказались в различных общинах. Около 90% американских евреев заявили в 1983 году о своей безоговорочной поддержке Израиля. Мы не располагаем подобными данными о западноевропейских общинах, однако ясно, что, скажем, во Франции это большинство вряд ли достигает 90%, а в Англии – тем более... И все-таки можно с уверенностью сказать, что 85% мирового еврейства поддерживают Израиль и после войны в Ливане. Их поддержка не зависит от того, какого они мнения о премьер-министре, о поселенческой политике ливанского правительства, о необходимости вывести войска из Ливана...

И все-таки Ливанская война дала толчок возрождению в некоторых кругах антисоционистских настроений, казалось бы канувших в Лету. (Вспомним Синайскую кампанию 1956 года, когда ортодоксы и некоторые левые интеллектуалы публично поддерживали антиизраильскую позицию Эйзенхауэра.) Антисоционизм крайних ортодоксов во главе с малочисленной, но

шумной группой «Нетурей Карта» – не новость. Вряд ли ортодоксы нуждаются в поводе для демонстрации своей бескомпромиссной позиции. Что же касается левых интеллектуалов, то для них события в Ливане послужили поводом для возобновления кампании против правительства Бегина, пользовавшегося, к их великому сожалению, широкой поддержкой в народе.

Бегин, как известно, пришел к власти после долгих лет правления социалистов. В атмосфере безоговорочной поддержки Израиля и всеобщего обожания его харизматического лидера в мире, антиизраильские выпады «слева» стали непопулярными в еврейской среде.

Особо сложной была ситуация в Израиле. Сионисты-социалисты ненавидели Бегина и не могли простить ему популярности в народе. Совершенно очевидно, что демонстрации протеста против ливанской «агрессии», беспрецедентные в истории Израиля, имеют прямое отношение к борьбе «левых» против Бегина. Как и война во Вьетнаме, Ливан стал оружием «левых», поводом для кампании против популярного лидера, в которой можно было не прибегать к идеологическим лозунгам социалистов. В Америке Никсон ушел в отставку после опубликования решений Комиссии по расследованию Уотергейта, в Израиле Бегин – после решений подобной Комиссии по расследованию резни в Сабре и Шатиле. Ни тот, ни другой не предстали перед избирателем на очередных выборах...

Итак, ливанские события стали политическим оружием оппозиции в Израиле, а оппозиция, в свою очередь, оживила антиизраильские выступления «левых» в Diasпоре. Для того чтобы понять, что Ливан – всего лишь повод для антиссионистских элементов, напомним: критика израильской «интервенции» исходила из кругов, которые и в 1948-ом, и в 1967-ом, и в 1973-м не проявляли особых симпатий к Израилю.

Для некоторых людей Ливанская война явилась основанием для возврата к радикальным взглядам: полному отрицанию сионизма как «буржуазно-реакционного национализма». Нетрудно заметить, что такая позиция – возврат к антиссионизму «бундовского» толка. Один французский еврей сказал мне, что ливанские события разочаровали его настолько, что он-де больше не в силах защищать Израиль и его политику. Он отказался согласиться с моим замечанием о том, что безопасность Израиля сегодня означает безопасность всего мирового еврейства. Евреи существовали в Diasпоре до Израиля, заявил мой собеседник, и будут существовать, даже если, не дай Бог (при этом, естественно, он не преминул вставить «Не дай Бог!»), Израиля не будет. Он же, со своей стороны, приложит все усилия к тому, чтобы содействовать процветанию еврейства в Diasпоре.

Такая трансформация взглядов бывшего сиониста и есть возврат к основным идеям канувшего в Лету «Бунда», антиссионистские взгляды которого некогда господствовали в среде реформистского еврейства, проповедовавшего «новую» теологическую концепцию, делающую упор на универсализм иудаистской миссии в мире.

Учитывая возрождение – пусть незначительное по своим масштабам – антиссионистских настроений на периферии нашего национального бытия,

можем ли мы по-прежнему говорить о едином мировом еврействе, безоговорочно поддерживающем Израиль с 1967 года?

В политике большинство в 85% считается большинством единогласным. Этим можно объяснить тот факт, что драматические сообщения о расколе в американской общине не отразились на традиционной поддержке Израйля Конгрессом США. Опытные политики знают, что, независимо от сообщений в прессе, американские евреи оказывают поддержку только тем из них, кто последовательно отстаивает произраильскую линию. Прослыть сегодня недругом Израйля в Конгрессе – опасно...

И все-таки с позиций мирового еврейства возрождение антисионистских тенденций настораживает. Незадолго до Освенцима в разных еврейских общинах звучали вполне убедительные аргументы (зачастую – убедительнее сионистских доводов!) против идеи еврейского государства. Например, в среде ортодоксальных евреев просионистские круги ничего не могли противопоставить утверждению, что возрождение Израйля без Мессии – богоотступничество. В этих идеологических спорах религиозные сионисты даже сравнивались с раскольниками времен Храма – саддукеями, а их лидеры – с царем Иеробеамом.

По иронии судьбы, ситуация сегодня такова, что если кого-то и можно сравнивать с саддукеями, то это – фанатиков-ортодоксов из «Нетурей Карта». Ведь и аргументы саддукеев казались в свое время более приемлемыми, чем доводы фарисеев. Но история решила иначе: духовное выживание и расцвет иудаизма оказались в прямой зависимости от завершения Талмуда, его канонизации и безоговорочного принятия его авторитета наряду с Ветхим Заветом. Впрочем, это не единственный случай в иудаизме, когда история принимала решение в пользу менее последовательной и, казалось бы, нелогичной позиции. Ветхий Завет рассказывает, что Израильское царство во времена Иеробеама отказалось от идеи запретить обряд жертвоприношений вне Иерусалима. Такое решение повлекло за собой разрыв между Израилем и Иудеей, а в более далекой временной перспективе – к разрушению Царства.

Наподобие саддукеев, отказавшихся канонизировать раввинские дискуссии, и Израильского царства, отдавшего предпочтение букве Торы, – нынешние антисионисты-ортодоксы, отказывающиеся еврейскому государству в праве на существование, окажутся за бортом еврейской истории. Или, в лучшем случае, им суждено превратиться в закрытую секту – такую, как самаритяне или караимы, свернувшие в свое время с основной магистрали еврейской истории...

Если евреям, беспрекословно выполняющим все 613 заповедей Торы, суждено исчезнуть из нашей истории из-за отказа выполнить 614-ю заповедь, «заповедь Освенцима» (которая призывает к спасению нации путем укрепления еврейского государства), то как быть с теми, кто далек от заповедей вообще? Возьмем, например, евреев, вернувшихся к религии или национализму после 1967 года. Не улетучатся ли из их памяти с исчезновением еврейского государства те небольшие знания иврита, которые они приобрели в Израиле или в «воскресных школах»? Не забудут ли они слова благословений, произносимых по субботам и празд-

никам?.. В отличие от фанатиков-ортодоксов, эти молодые люди, выступающие сегодня против Израиля, не превратятся в закрытую секту, а скорее всего вернуться на путь ассимиляторства и окончательно уйдут из нашей истории.

Так или иначе, мировому еврейству предстоит – впервые за последние четыре десятилетия – испытать серьезный экзамен на верность «заповеди Освенцима». До Ливана все было значительно проще: Израиль был окружен арабскими странами, которые открыто заявляли о своем намерении уничтожить еврейское государство. Угроза была явной, не вызывающей сомнений; соответственно, не менее явной была необходимость еврейской солидарности во имя ее предотвращения. Но арабы взяли на вооружение новую тактику. По-прежнему продолжая безудержную антиизраильскую пропаганду на своем внутреннем идеологическом фронте, заявляя о своем намерении стереть Израиль с лица земли, они начали нашептывать западным политикам о своей готовности жить с Израилем в мире, если тот согласится признать палестинское государство во главе с ООП в Иудее и Самарии. С помощью этой системы тщательно разработанных намеков – и не без помощи нефти – арабам удалось посеять сомнение в среде доброжелателей Израиля, включая, конечно, евреев.

Не менее важен и другой фактор – декларации некоторых еврейских лидеров о том, что Израиль-де не сможет сохранить престиж демократического государства в глазах свободного мира, если он будет контролировать Западный берег вопреки воле арабского населения, живущего на этой территории.

Что бы там ни было, подавляющее большинство в мировом еврействе готово безоговорочно поддержать Израиль и противостоять давлению извне даже в самые неблагоприятные для еврейского государства времена. Другими словами, благодаря Израилю понятие «мировое еврейство» – по-прежнему реальный фактор нашего национального бытия, за которым стоит действенная сила. Как и Израиль, мировое еврейство испытало серьезный кризис в связи с ливанскими событиями; но, как и Израиль, оно преодолело этот кризис, осознав, что никакие соблазны и никакие угрозы недругов не сотрут в национальной памяти страшный урок недавней истории и что «заповедь Освенцима» накладывает строжайший запрет на любое действие, могущее придать силы тем, кто «восстал на нас, чтобы истребить нас».

Майкл Левин (Лос Анжелес)

ИЕРУСАЛИМ В ЧЕТЫРЕХ ИЗМЕРЕНИЯХ

Сбылось ли пророчество Ахад-Га'ама, стал ли Израиль духовным центром еврейского народа?

Ответить нужно категорически – нет, не стал. Прежде всего потому, что радикально изменились исторические реалии. Доктрина Ахад-Га'ама о стране Израиля как о духовном центре еврейского народа сложилась, когда около восьми миллионов евреев жили в Восточной и Центральной Европе компактными массами, говорили на языке идиш, были обособлены от остального населения в политическом и социальном отношениях. Сегодня такого народа не существует, евреи Диаспоры (в том числе советские евреи) живут в обществах западного типа. Они говорят на языке своих стран, их гражданские и политические права не ограничены (по сравнению с основным населением), они не образуют замкнутых групп ни в социальном, ни в культурном отношении. Короче, евреи Диаспоры утратили свою исключительность, особый национальный характер, и уже по одному этому сегодня нельзя вести речь о «духовном центре народа».

Но, быть может, Израиль стал центром еврейского мира в другом, не ахад-га'амовском смысле? Быть может, он стал местом, привлекающим умы и сердца евреев Диаспоры? Одно время так оно и было. В течение трех десятилетий после своего рождения Израиль был обожаемым чадом Диаспоры. Во всяком случае, сердце каждого еврея сжалось, когда в 1967 году существование Еврейского государства оказалось под угрозой. В равной мере не было предела ликованию, когда Израиль вышел победителем в Шестидневной войне. «Произраэлизм» стал новой религией американского еврейства и доминировал во всех других общинах Диаспоры.

Так продолжалось вплоть до 1982 года, когда отношения между Израилем и Диаспорой омрачились из-за Ливанской войны. Суть конфликта была вовсе не в том, что часть еврейской общественности в Диаспоре не одобрила ввод войск в Ливан, а многие евреи в разных странах присоединились к протестам по поводу событий в Сабре и Шатиле. Дело в том, что Ливанская война открыла евреям Диаспоры простую истину: их любимое дитя – Израиль – вошло в тот возраст, когда предпочитает действовать самостоятельно, но требует от родителей – Диаспоры, чтобы они по-прежнему помогали ему и, главное, разделяли ответственность за его поступки. Именно это соображение, а не политическая неуклюжесть

правительства Бегина, предопределило особо ожесточенную критику Израиля со стороны значительной части Диаспоры.

Меньше шума, но не меньше разочарования вызвала у американского еврейства многолетняя кампания за право советских евреев эмигрировать в Израиль. Инициаторами этой кампании выступил Израиль и сами советские евреи, но здесь, в Америке, к ней подключились с энтузиазмом. Когда же после многих лет борьбы железный занавес (стараниями прежде всего американских еврейских организаций) был пробит, выяснилось, что Израиль вовсе не готов принять евреев из России. Они все больше и больше поворачивали в сторону Америки, превращая «израильскую» эмиграцию в «американскую». Наверное мы получили бы и те сотни тысяч евреев, которые уехали во времена Горбачева, если бы правительство в Вашингтоне не ввело бы вовремя жесткие квоты на эмиграцию из СССР.

Думается, что самый болезненный удар по американскому еврейству нанесла афера Полларда. Вербуя служащего американского секретного ведомства – еврея и восторженного сиониста, израильские разведывательные службы, как видно, просто не приняли в расчет, как такой шаг может сказаться на положении евреев в Америке. Еще скандальнее было поведение израильского правительства в дни после провала агента. Отказываясь длительное время возвращать украденные документы (лишь 10% которых имели отношение к Ближнему Востоку), не желая осудить аферу, взять на себя полную меру ответственности и наказать виновных, оно лишь раздувало страсти, приводя в трепет не одних только евреев, состоящих на американской государственной службе... В конце концов Иерусалим вынужден был подчиниться требованиям Вашингтона, скандал так или иначе замяли, но незаживающая рана осталась...

Стал ли Израиль культурным центром Диаспоры и есть ли у него шансы стать таковым? Ответ и здесь однозначен – не стал и практически не имеет шансов стать. Прежде всего потому, что за более чем сорок лет существования Израиля иврит не стал языком Диаспоры. Конечно, евреи разных стран читают израильских писателей, смотрят израильское кино и т.д., но только в тех случаях, когда все это становится достоянием мировой культуры и переводится на европейские языки. Дело, впрочем, не только в отсутствии общего языка. Израильское общество, увы, не добилось сколько-нибудь выдающихся успехов в области культуры, искусства, науки. Оно не дало ни одного Нобелевского лауреата (исключение составляет писатель Шмуэль Агнон, принадлежащий более Диаспоре, чем новому израильскому обществу), ни одного всемирно известного писателя, актера, художника. Лишь несколько музыкантов – уроженцев страны стали звездами мировой величины, но и они либо покинули страну, либо стоят там «одной ногой». Для большинства евреев Диаспоры Израиль – все еще развивающаяся страна, и отнюдь не светлые еврейские головы из Диаспоры стремятся в Израиль, но талантливая молодежь из Израиля стремится

попасть в американские университеты, на крупные фирмы, в известные оркестры и т.д.

Можно привести сколько угодно примеров охлаждения между Израилем и Диаспорой и даже серьезных трений между ними, но не меньше примеров и обратного – сотрудничества и проявления симпатий между еврейским государством и еврейскими общинами мира. Какая же тенденция доминирует? Ни одна. Ибо и та и другая образуют некое замкнутое поле политических сил, векторы которого направлены как от Центра – Израиля к периферии – Диаспоре, так и в обратном направлении. В этом и только в этом смысле Израиль стал политическим центром еврейского мира. Какие бы политические перипетии ни переживал Израиль, какие бы политические шаги ни предпринимал официальный Иерусалим, все это так или иначе отражается на Диаспоре, влияет на судьбу евреев в мире. Но и политические катаклизмы, происходящие в странах Диаспоры, любые политические проблемы, с которыми сталкиваются евреи в разных странах, не могут не отразиться на Еврейском государстве. Иногда, как это происходит сейчас в связи с массовой эмиграцией советских евреев, политический коллапс в стране Диаспоры, Советском Союзе, способен не только повлиять, но и радикально изменить облик израильского государства, его положение в регионе.

Израиль – не только политический, но и психологический Центр Диаспоры. Он присутствует в жизни каждого еврея Диаспоры, присутствует даже помимо его воли, присутствует не только потому, что афера Полларда приводит его в бешенство, а ночные бомбардировки Тель-Авива иракскими «Скадами» вызывают сострадание и симпатии к исторической родине. Где-то в потаенных тайниках души каждый еврей, где бы он ни жил и как бы ни был уверен в себе и благополучен, отдает себе отчет в том, что Израиль – это его последняя надежда в нашем нестабильном и быстро меняющемся мире.

В МАЕ 1991 ГОДА

АНДРЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ

САХАРОВУ

ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ

70 ЛЕТ

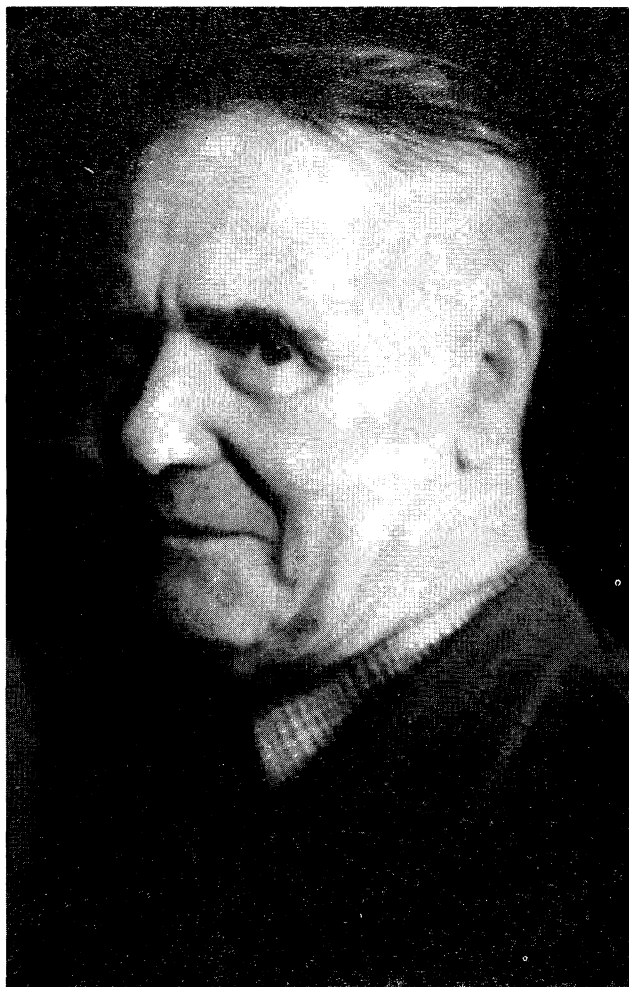

УЧИТЕЛЬ. Игорь Евгеньевич Тамм (1895-1971). Один из крупнейших физиков-теоретиков, лауреат Нобелевской премии по физике (1958). Научный руководитель Сахарова в аспирантские годы и непосредственный начальник на «объекте» в 1950-1953 годы. Будучи не только учителем, но и близким другом Сахарова, оказал огромное влияние на формирование его научных и общественных взглядов.

ШЕФ. Ефим Павлович Славский, одна из ключевых фигур военно-промышленного комплекса. С 1957 по 1986 гг. возглавлял «Средмаш» – Министерство среднего машиностроения, ответственное за разработку и производство ядерного оружия, а также за развитие атомной энергетики и использование атомных установок в мирных целях. В 1962-1963 годах Славский препятствовал попыткам Сахарова положить конец хотя бы «дублированным» испытаниям термоядерного оружия. В 1967 году распорядился отстранить Сахарова от должности руководителя теоретического отдела на «объекте» (Арзамас-16), а в 1968 году уволил его из системы Средмаша.

Петр Леонидович Капица (1894-1989), крупнейший физик-экспериментатор, лауреат Нобелевской премии по физике. Капица пытался оградить Сахарова от преследований, действуя методами «тихой дипломатии». В 1987 г., после высылки Сахарова в Горький, направил письмо главе КГБ Ю. Андропову с просьбой смягчить участь Сахарова, напоминая о его таланте и заслугах перед страной.

Вера Федоровна Ливчак. Московский врач, вдова политзаключенного «сталинского призыва». Во время первой голодовки Сахарова в защиту политзаключенных (август 1974) состояние здоровья Андрея Дмитриевича ухудшилось, но рассчитывать на помощь «академических» врачей он уже не мог. Да и рядовые врачи были так запуганы, что избегали контактов с семейством Сахаровых. В этот трудный час в доме Сахаровых и появилась доктор Ливчак. В дальнейшем она сдружилась с Андреем Дмитриевичем, Еленой Георгиевной и Руфь Григорьевной. Вера Федоровна была частым и желанным гостем на улице Чкалова 48, вплоть до отъезда из страны в 1989 году. Но и вдали от дома она сохранила верность старой дружбе и, несмотря на преклонный возраст, добралась в 1983 году до Лиссабона, где выступила на очередных Сахаровских слушаниях.

В ДЕНЬ ПРИСУЖДЕНИЯ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА.

11 ноября 1975 года, Вильнюс. Здания Верховного суда Литовской ССР, где проходит суд над правозащитником Сергеем Ковалевым, стоят (слева направо): Давид Леви (корреспондент газеты Toronto Star), Андрей Сахаров, Эйтан Финкельштейн.

«Люся и Андрей», Бостон, 1989.

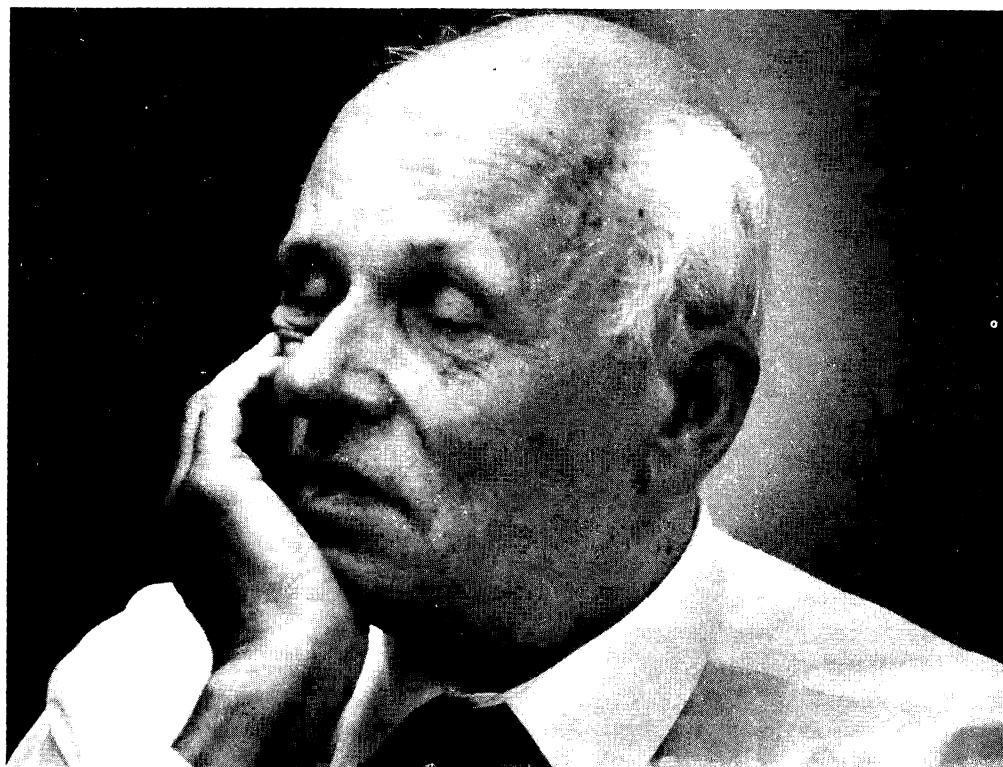

Фото М. Лемкина.

Борис Хазанов (Мюнхен)

САГА О ПАСПОРТЕ

Ваши документы!

Умрем – не забудем этот возглас.

Несколько времени тому назад мой товарищ – известный правозащитник и журналист напечатал в двухмесячнике «Страна и мир» статью о паспортном режиме, этом гениальном бюрократическом изобретении. Читатель может почерпнуть из нее немало полезных сведений о хитроумной политической и полицейской системе, оправдывающей необходимость сего института.

Но паспорт, как бы это сказать... Паспорт – сюжет особенного рода. Это не просто документ, хотя и сама по себе эта затейливая книжечка чрезвычайно любопытна, ее можно разглядывать, читать и перечитывать, находя в ней все новые красоты, новые и неожиданные смыслы. Собственно говоря, паспорт гражданина СССР – тема не для статьи, а для книги, может быть, даже предмет целой науки. Кроме того, паспорт – это род амулета, наделенного сверхъестественной силой: паспорт воплощает некий миф, управляющий сознанием каждого человека и общества в целом. Паспорт достоин лиры народного певца, кисти вдохновенного художника, паспорт мог бы дать обильную пищу для размышлений выдающихся умов, и не в моих слабых силах исчерпать его бездонный смысл.

Ваши документы!

Мистика и мифология паспорта встретила нас чуть ли не на пороге жизни, ибо задолго до того, как работник паспортного стола вручил нам картонную скрижаль, знаменующую вечный Завет человека с осеняющим его божественным государством, – мы уже знали наизусть строки поэта: «Я достаю из широких штанин... Читайте, завидуйте...»

Неповторимые строки: единственное произведение во всей мировой литературе, воспевшее удостоверение личности. Ах, в том-то и дело, в том-то и весь фокус, что советский паспорт – не просто удостоверение личности.

Нечто таинственное присутствует уже в самом этом стихотворении. «По длинному фронту купе и кают...» Где происходит действие? В вагоне или на пароходе? Обратите внимание на слово «фронт». Этот фронт пролегает на суше и на море, в поездах, на кораблях и вообще везде. Загадочным кажется и то, что поэт хранит свой молоткастый-серпастый в

штанах, а не, допустим, во внутреннем кармане пиджака, и то, что паспорт находится сразу в обеих половинах брюк: «Я достаю из широких штанин...» Понимаете, сразу из обоих карманов. И наконец, совершенно энигматическая строка: «Дубликатом бесценного груза». Что она означает? Этого никто не знает.

Ваши документы!

К числу неясностей относилось и упоминание о «краснокожей паспортине»: ведь наша паспортина была одета в мышино-серый коленкор. Мало кому из нас было известно, что «Стихи о советском паспорте» Владимира Маяковского – не совсем о том документе, который чтецы-декламаторы прославляли со всех эстрад. Ибо на самом деле речь шла всего лишь о заграничном паспорте, что же касается внутренней и поголовной паспортизации, то она была учреждена – теперь-то мы это знаем – уже после смерти стихотворца. Не совсем, правда, поголовной: та часть населения, которая в России традиционно называлась народом, – земледельцы – они-то как раз остались без серпастых дубликатов. Гениально простой прием, хоть и не новый, придуманный еще до революции: ампутировать гражданские права гражданина, не выдав ему паспорта.

Тут мы касаемся еще одного аспекта мистической диалектики паспорта: величие и власть паспорта ни в чем не проявляются так ярко, как в отсутствии паспорта. Человек без паспорта – «не лицо», как сказано об одном персонаже Сухово-Кобылина, – это как бы уже вовсе не человек. Его имя ничем не подтверждено, его происхождение никак не удостоверено; у него нет родителей, нет возраста, нет профессии, нет национальности; он никто – вот он кто. Отсутствие паспорта не только не восполняется остальными бумагами – справками, удостоверениями, свидетельствами, членскими билетами и дипломами, но, напротив, делает обладание ими подозрительным и преступным. Наконец, такой человек не может быть нигде прописан, потому что нет документа, на котором можно было бы оттиснуть соответствующий штамп. Человек без паспорта не имеет не только права и вида на жительство, но и права на жизнь. Однако и тот, у кого есть паспорт, отнюдь не может чувствовать себя брошенным на произвол своей собственной свободы. Все пункты, все реквизиты паспорта суть не что иное, как особого рода упряжь: незримые узы, плетеные канаты, цепи и цепищи, которыми владелец документа навсегда прикован к государственной колеснице. Но власть документов состоит, между прочим, и в том, что пределы ее неизвестны.

Ваши документы!

Мы приблизились к особо ответственной теме – семиотике паспорта.

Когда-нибудь я напишу трактат о неполноценном паспорте.

Человек с неполноценным паспортом свято блюдет одиннадцатую заповедь, которую русский народ прибавил к Декалогу Моисея: «Не попадайся на глаза начальству», – и переходит на другую сторону улицы, завидев издали синюю фуражку.

Человек с неполноценным паспортом гибок и натренирован, как змея; он знает, что нет такой уловки, нет такой хитрости и лжи, на которую он не отважится, лишь бы не показывать паспорт.

Неполноценным, то есть заключающим в себе указание на ту или иную степень социального и государственного несовершенства, политический дефект, национальное увечье, – было и остается, по моим предположениям, большинство паспортов; бывшие заключенные, тайные или явные евреи, словом, лица с более или менее узаконенными ограничениями – это только слой, лежащий на поверхности, это лишь наиболее представительная группа паспортных инвалидов; на самом деле все мы были отмечены тем или иным изъяном, все были подозрительны с точки зрения начальства, и паспорт тайно сигнализировал об этом. Каким образом – это особый вопрос. Ибо паспорт – это был, так сказать, наш портативный соглядатай, карманный доносчик, которого мы грели у себя на груди или, как поэт революции, – в широких штанах. Я сам владел документом, где на второй страничке, в графе «на основании каких документов выдан паспорт», стояло: «На основании справки № такой-то и Положения о паспортах». И каждый, которому положено было об этом знать, будь то постовой милиционер, управдом, начальник отдела кадров или барышня, ведающая пропиской, каждый посвященный сразу понимал, из каких лесов явился данный гражданин. Сразу, слету читал, как хиромант на ладони, глядя в паспорт, всю печальную летопись моей жизни. Точно маленькая граната, этот внешне почти ничем не отличающийся от паспорта волчий билет мог в любую минуту взорваться и сразить наповал своего злосчастного обладателя. Но, как уже сказано, это был элементарный случай. На самом деле, в чем я уверен, и все другие графы таили сверх того, что в них значилось, иной, зашифрованный смысл. Этот смысл отсылал к еще более секретным, нежели загадочное Положение о паспортах, инструкциям, эзотерическое содержание которых в свою очередь подлежало декодированию в самых высших инстанциях. А что сказать о сложном номере паспорта, об этой каббалистической комбинации букв и цифр, скрывающих в себе обширнейшую информацию, подобно тому, как буква «пи» обозначает математическую величину, численное изображение которой не уместится на сотнях и тысячах страниц. Быть может, паспорт в своих непостижимых глубинах хранит всю нашу биографию, все, что мы тщетно пытались сокрыть от начальства.

Все мы в большей или меньшей мере паспортные калеки, все ненадежны, и признаться ли? – порой мне казалось, что безгрешных вовсе нет. Кто знает, может быть, и сам Великий Ус был обладателем неполноценного паспорта; может быть, поэтому он и позаботился о том, чтобы все подданные его государства были снабжены удостоверением тайной порочности и прониклись особым психологическим комплексом, о котором не ведал Фрейд, – комплексом неполноценных документов.

Ваши документы! Проверка паспортов!

Шимон Перес (Тель-Авив)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЛЮДИ И ГРАНИЦЫ

Арабо-израильский конфликт вступает ныне в новую фазу. Новое соотношение сил, новое поколение вооружений, новые «стратегические масштабы» смещают акценты в вопросах региональной безопасности. Теперь уже не топография границ, не статус тех или иных территорий, а отношения между народами, экономическое сотрудничество – в частности, распределение водных ресурсов – и кооперация в деле охраны окружающей среды – вот те области, которым следует придавать первостепенное значение, имея в виду предотвращение новой войны на Ближнем Востоке.

С военной точки зрения наибольшую опасность для Израиля представляют управляемые ракеты и неконвенциональное оружие. Управляемые ракеты можно запускать с любого расстояния, с суши, моря, с воздуха. Их можно снабдить химическими, биологическими или даже ядерными боеголовками. Теперь, после войны в Персидском заливе, многие государства нашего региона постараются приобрести оружие нового поколения, главным образом ракеты, самолеты-невидимки и сверхсовершенные боеголовки, которые можно устанавливать чуть ли не на всех видах оружия. При этом не следует обольщаться, что в будущем мы сумеем уничтожать предприятия противника по производству особо опасных вооружений, как мы это сделали в 1981 г., разрушив атомный реактор под Багдадом. Конечно, можно уничтожить еще один реактор или какое-то другое предприятие, но невозможно уничтожить научно-производственный потенциал противника. Современная технология и научные методы таковы, что мы не сумеем отыскать и уничтожить все альтернативные предприятия, которые образуют многочисленные, часто дублированные звенья производства сверхопасного оружия.

Итак, изменившаяся стратегическая ситуация требует от нас приобретения вооружений нового поколения и создания разведывательной сети, способной охватить не только соседние страны, но и весь регион в целом. Это потребует таких расходов, каких мы до сих пор не знали. С другой стороны, массовая иммиграция обязывает нас направлять основную часть ресурсов страны на устройство новых граждан. В этом и заключается наша, если хотите, национальная дилемма.

Единственным утешением (и надеждой) для нас в этой новой ситуации

служит тот факт, что и наши противники оказались перед лицом аналогичных проблем, – во всяком случае в том смысле, что экономика большинства арабских стран очень слаба, а щедрым, порой безвозмездным поставкам оружия из СССР пришел конец. Так что противостояние является двойным несчастьем не только для нас, но и для наших противников.

Что касается экономики, то наивно думать, будто ее можно восстановить и, тем более, развивать, периодически накачивая средства в шаткие инфраструктуры государства. Тем более, если эти средства – чужие. Мы все нуждаемся в экономике, которая приносит прибыль, а не поглощает средства. Большинство государств региона слишком малы, чтобы построить экономику закрытого типа, а конкуренция в мире столь остра, что ее просто невозможно игнорировать. Так что рынки, капиталовложения, экономическое сотрудничество становятся важнее, чем границы между государствами.

Не связаны с политическими границами и такие проблемы, как распределение водных ресурсов, развитие транспортных артерий, состояние окружающей среды. Решить эти проблемы можно только на региональном уровне. Возьмем, к примеру, вопрос о водных ресурсах. Страны нашего региона больше страдают от нехватки пресной воды, чем от недостатка территорий. От важнейших рек региона – Нила, Тигра, Евфрата и Иордана – зависит судьба сельского хозяйства 13 стран, каждая из которых стоит перед одной и той же проблемой: резкий рост населения и сокращение запасов воды. Так что новая война может вспыхнуть, скорее, в результате борьбы за перераспределение водных ресурсов, чем из-за пограничных конфликтов.

Запасы пресной воды можно увеличить, прибегнув не к войне, но к помощи науки. Наиболее дешевый способ пополнить запасы воды – выпаривать ее на ядерных установках. Заводы по опреснению воды с ядерными реакторами могут быть установлены на границах между государствами и находиться под полным международным контролем. Для финансирования и строительства таких заводов можно привлечь капитал и технологию из США и стран Западной Европы.

А то, чего можно добиться в вопросе о водоснабжении, достижимо и в других областях: экологии, энергетике, туризме, компьютеризации. Ясно одно – если ближневосточные страны желают покончить с отсталостью и строить для себя новое будущее, они должны следовать по пути Европы: устранить угрозу войны, создать общий рынок, гарантировать безопасность как вкладчикам капитала, так и потребителям.

Сам же по себе факт создания зоны экономического сотрудничества будет способствовать зарождению в регионе атмосферы, ранее немыслимой. Решение обеих грандиозных проблем – предотвращения войны и обеспечения экономического роста – возможно лишь на региональном уровне и лишь при условии, что страны региона перестанут цепляться за свои границы, но, напротив, примут новую региональную структуру. Иными

словами, мир и экономическое процветание всех стран региона обеспечит не дислокация войск вдоль границ, а новая система взаимоотношений между людьми, живущими в этих странах. Однако региональное сотрудничество возможно только в том случае, если будет устранено препятствие, созданное конфликтом между палестинцами и Израилем.

Мой личный опыт убеждает меня, что приступить к диалогу и, тем более, к сотрудничеству в регионе мы не сможем до тех пор, пока не предпримем шагов к решению палестинской проблемы. Время решать эту проблему и в самом деле уже назрело, причем решение может быть найдено лишь в политической, но никак не в военной сфере. Палестинцы не могут силой одолеть Израиль, равно как и любое силовое решение Израиля, в свою очередь, не может считаться окончательным.

Палестинцы должны осознать, что никакого решения найти не удастся, если не будут приняты во внимание законные интересы Израиля в области безопасности. Равным образом, Израиль должен понять, что без учета законных прав палестинцев решения найти тоже не удастся.

Оборонительные нужды Израиля, так же как и законные права палестинцев, можно удовлетворить, решив наконец вопрос о территориях. Так что компромисса здесь не избежать. Израилю необходимы твердые гарантии безопасности его границ, а также теперешних зон безопасности и демилитаризованных районов, которые ему придется уступить. Если израильское правительство не желает вечно управлять другим народом вопреки его воле, ему придется отказаться от контроля и над территориями, на которых этот народ живет.

Когда я слышу, что мы не должны «уступать» ни единой пяди земли, я задаюсь вопросом – действительно ли речь идет об отказе от территории или только о создании «впечатления», что такая уступка может быть сделана, словно мы и в самом деле там хозяева? Кому в действительности принадлежит полоса Газы, все ее 350 квадратных километров? Тем семистам тысячам людей, которые живут там, или политикам, объявившим себя ее хозяевами?

Израиль фактически играет там роль стражника, а не хозяина. И можно с полной уверенностью утверждать, что лучше было бы, если бы израильские работники инженерами-строителями на Ближнем Востоке, а не выполняли функции охранников, патрулируя территорию Газы.

Чтобы гарантировать нужды Израиля в области безопасности и законные права палестинцев, мы должны ответить и еще на один вопрос: с кем предпочтительно, возможно и необходимо вести переговоры, чтобы решить проблему раз и навсегда? В выборе между чисто палестинской и иордано-палестинской делегациями логика диктует предпочесть последнюю. Мнение, согласно которому между населением Иордании, Западного берега Иордана и полосы Газы больше сходства, чем различия, вполне обоснованно. Во всяком случае, река Иордан не настолько глубока, чтобы навсегда разделить один кусок территории на три части. Большая часть жителей Иордании – палестинцы, население Западного берега Иордана –

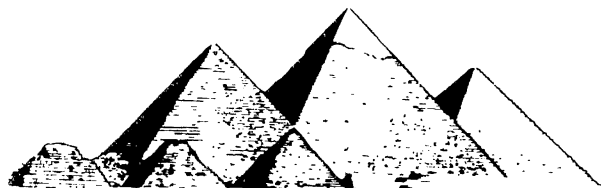
граждане Иордании, а сама Иордания выдала в свое время десятки тысяч паспортов жителям полосы Газа. Различия между бедуинами в Иордании и живущими там палестинцами гораздо незначительнее, чем, скажем, различия между чехами и словаками, фламандцами и валлонами или протестантами и католиками в ряде других стран.

Иордания – реально существующее государство с достаточно развитой инфраструктурой и собственной армией. А поэтому нет необходимости создавать еще одно государство и еще одну армию. Те территории, которые войдут в рамки федерации или конфедерации, могли бы остаться демилитаризованными – что жизненно важно для безопасности Израиля, который считает реку Иордан линией обороны.

Необходимо понять, что Израиль не вернется к границам 1967 года и не отдаст воссоединенный Иерусалим, являющийся его столицей. И коль скоро мы считаем Гуш-Эцион и ряд секторов долины Иордана необходимыми для обеспечения безопасности нашего государства, невозможно перекроить карту Западного берега, чтобы выделить там место для еще одного государства, само существование которого явится проблемой и для Израиля, и для Иордании.

В глубине души и палестинцы, и граждане Иордании понимают, что разумным решением вопроса явилось бы создание федерации или конфедерации, в которую вошли бы три территории: Газа, Западный берег и собственно Иордания. Такое образование было бы достаточно обширным, чтобы играть роль солидного государства, обеспечивающего собственное существование и мир для своих соседей. И если такое решение окажется предпочтительным, иордано-палестинскую делегацию, с которой можно начать мирные переговоры, следует создать уже сейчас.

Когда переговоры по палестинской проблеме начнутся, можно будет приступить к обсуждению региональных вопросов – таких, как ограничение вооружений и экономическое развитие. А это даст возможность нашему древнему региону занять достойное место на мировой арене – то самое, которое он занимал в прошлом, утратил в настоящем и, может быть, вновь вернет себе в будущем.

Беньямин Натаниягу (Иерусалим)

НЕТ МИРА МЕЖДУ АРАБАМИ...

Реальное противоборство, главная линия водораздела на Ближнем Востоке проходит вовсе не между Израилем и арабскими странами, а внутри самого арабского мира. Борьба между прагматиками, смотрящими в глаза реальности, и теми, кто тянет свои народы назад, в средневековье, – вот что определяет политический климат в регионе. От исхода этой борьбы зависит наше будущее.

А пока что в арабском мире нет ничего похожего на демократию, политическую и социальную стабильность. Это означает, что угроза войны в регионе сохраняется. Она может вспыхнуть в любой момент по произволу любого очередного Саддама Хусейна. Конечно, после событий в Персидском заливе шансы на мирное урегулирование возросли, ибо арабские руководители не могли не извлечь важные уроки из пусть частичного, но все же поражения иракского диктатора.

Первый урок заключается в том, что тому, кто настаивает на войне с Израилем – и не только с ним, будет легко войну начать, но трудно ее кончить: он может потерять армию, власть, а то и сам погибнуть. Второй урок состоит в том, что расходы на подготовку и ведение войны нынче так подскочили, что мирное сосуществование стало просто рентабельнее. Третий урок для всех арабов: мы, израильтяне, от войны в Персидском заливе только выиграли. Повержен наш самый могущественный враг. Но это еще не все. Организация Освобождения Палестины дискредитировала себя в глазах мировой общественности. Сегодня в мире более чем когда-либо в прошлом склонны понять наше непреклонное неприятие ООП. Наконец, Советский Союз не поддержал своего главного союзника и клиента, а советское оружие оказалось неспособным соперничать с оружием американским и западноевропейским. Арабские лидеры поняли, что не могут более полагаться на СССР как на могущественного покровителя, способного – как это было в прошлом – предотвратить их полное поражение и компенсировать потери в ходе очередной войны.

Конечно, уроки получены, но пойдут ли они впрок? Ответить на этот вопрос однозначно невозможно. Что касается Сирии, то в Дамаске отнюдь не спешат занять более умеренную позицию. Верно, Сирия присоединилась к антииракской коалиции, но здесь сказалась прежде всего смертельная вражда и открытое противоборство между Хафезом Асадом и Саддамом Хусейном. Вполне возможно, что проницательный Асад почувствовал

закат советского могущества и решил начать игру с теми, кто потенциально мог бы заменить Советский Союз в качестве источника для удовлетворения многочисленных потребностей Сирии, главным образом в области вооружений. Как бы там ни было, участие в антииракской коалиции отнюдь не привело к пересмотру взглядов сирийского диктатора, к изменению его целей. Свидетельство тому – захват под шумок войны в Заливе большого куска ливанской территории. Более того, Сирия форсировала закупки пресловутых «Скадов», а поток угроз в наш адрес из Дамаска отнюдь не ослабевает.

А между тем целый ряд острейших проблем региона требует безотлагательного решения. Прежде всего, это проблема водоснабжения и загрязнения окружающей среды. Какие-то сдвиги здесь ощущаются. Так, Совет сотрудничества стран Персидского залива согласился недавно вести с нами переговоры по второстепенным, правда, вопросам. Не исключено, что и наши непосредственные соседи согласятся обсудить с нами те или иные технические проблемы. Но дело в том, что проблемы региона – те же водоснабжение и охрана среды обитания – требуют широкого сотрудничества, координации усилий и мобилизации ресурсов всех стран нашего географического района. Приступить к такому сотрудничеству арабские страны смогут только после того, как примут политическое решение отказаться от состояния войны с нами. Мы же, со своей стороны, готовы на такое сотрудничество, как только арабы признают наше право на существование. Увы, если арабы не могут договориться друг с другом, то им тем более сложно договориться с нами!

В этом, наверное, и есть корень проблемы. Многие на Западе уверены, что достаточно усадить израильтян и арабов за стол переговоров, достаточно придумать какую-то магическую формулу и подкрепить ее авторитетными гарантиями, и мир будет достигнут. Это иллюзии. Реальный вклад Запада в дело установления мира в нашем регионе состоит вовсе не в том, чтобы усадить нас и арабов за стол переговоров и вынудить подписать договор о мире. Усилия Запада, и прежде всего США, чей авторитет в глазах арабов сейчас очень высок, должны быть направлены на стимулирование перемен в арабском мире. Перемен в сторону демократии, политического плюрализма, социальной справедливости. Запад должен действовать в отношении арабского Востока так же, как он действовал и действует в отношении Восточной Европы и Латинской Америки, то есть долго и упорно добиваться перемен в общественном и политическом устройстве этих стран. Только когда такие перемены произойдут, когда в арабских странах установится внутренний мир, тогда и появится возможность установить подлинный мир между нами и арабами.

Хафез Асад (Дамаск)

ДЕЛО ЗА ИЗРАИЛЬТЯНАМИ

(Отрывки из интервью)

Как вы оцениваете отношения администрации Буша с Израилем?

Нынешняя американская администрация состоит из людей опытных, знающих дело и хорошо разбирающихся в проблемах нашего региона. И для нас, и для всего мира это – положительный фактор.

Белый дом, как видно, твердо решил продвигать процесс мирного урегулирования. Никогда ранее мы не чувствовали столь серьезного отношения Соединенных Штатов к этому вопросу, так что и мы, в свою очередь, можем действовать в этом направлении, не ощущая, как раньше, что все наши усилия бесполезны. Ну а что касается любви Америки к Израилю, то ни одна американская администрация не сумела избежать этой привязанности. И мы не собираемся соперничать с Израилем на этом поприще. Сентименты такого рода не всегда поддаются логике.

Существует ли какое-либо взаимопонимание, какие-либо секретные договоренности или соглашения между Сирией и Соединенными Штатами по поводу Голанских высот?

Соединенные Штаты не дали нам никаких заверений. Они лишь подтвердили свою поддержку резолюциям ООН от 1967 г., 1973 г. и 80-х годов. Большого мы и не просили. Мы только хотим, чтобы США, СССР и другие постоянные члены Совета Безопасности ООН выполнили те решения, за которые они же и голосовали.

Чего же вы реально ждете от дипломатического процесса и что предлагаете сами?

Если вы спрашиваете о территориях, то никакого мира, естественно, невозможно будет добиться, пока одна из сторон продолжает оккупировать территорию другой. Понятно также, что эти территории должны быть возвращены их исконным владельцам, будь то сирийцы, палестинцы или ливанцы.

Премьер-министр Израиля Шамир охарактеризовал ваше послание как «революционное» по духу. Что в ваших идеях можно считать революционным?

Вот уже почти 20 лет мы вновь и вновь повторяем, что хотим мира. Возможно, эти заявления кое-кто не воспринимал всерьез. Следовало бы, однако, обратить внимание на различие между конференцией и перегово-

рами. Если две, три или четыре враждующие стороны решат встретиться и обсудить проблемы мирного урегулирования, невозможно представить себе ситуацию, чтобы они отправились на конференцию, сели за стол переговоров, отвернувшись друг от друга, и хранили бы полное молчание. Можно ли представить себе конференцию, которая не включала бы и переговоры?

Прямые, лицом к лицу, переговоры с Израилем?

Когда израильтяне говорят о переговорах вне рамок конференции, они подразумевают под этим заключение частичного, сепаратного и отнюдь не всеобъемлющего соглашения с какой-либо арабской стороной.

Готовы ли вы вступить в прямые переговоры с Израилем?

Сирийская делегация будет обсуждать проблему Голанских высот. Кто еще может этим заняться? Даже в прошлом, когда мы обсуждали вопрос о проведении мирной конференции, было очевидно, что ее участники разобьются на комиссии с тем, чтобы можно было обсудить интересующие их вопросы. Но в конце концов мирный процесс должен увенчаться всеобъемлющим соглашением.

Есть ли возможность, по вашему мнению, достичь компромисса, подобного плану Игала Алона, предложившего (в 1968 г.) вернуть часть территорий Западного Берега, сохранив при этом за Израилем какие-то территории по соображениям безопасности?

Проявило ли международное сообщество несправедливость, когда решило, что Израиль должен уйти с оккупированных территорий? И должна ли вообще меняться карта мира под давлением какой-либо из стран земного шара? Если для обеспечения безопасности Израилю нужна некая часть территории Сирии, а Сирия, в свою очередь, сочтет, что ей – для обеспечения безопасности – необходима какая-то часть турецкой территории, а Турция пожелает – по тем же причинам – получить часть территории Советского Союза, а СССР – Китая, а Соединенные Штаты – Канады или Мексики, одобрит ли это мир, сохранит ли он при этом стабильность? Наши территории – это наши территории, и существуют они не для того, чтобы Израиль мог их контролировать по соображениям собственной безопасности. Если мы называем их «оккупированными», это значит, что оккупанты должны их покинуть.

Мы никогда не смирятся и не свыкнутся с мыслью уступить кому-либо наши территории. Без возвращения этих территорий законным владельцам мира не будет. Если же арабы уступят, это будет не мир, а капитуляция. Никогда еще на протяжении всей нашей истории мы не капитулировали. Бывало – нас били, но мы никогда не сдавались. Мы никогда не оставляли стремления сохранить или восстановить свои права, и если Израиль не собирается уйти с оккупированных территорий, почему мы должны желать мира?

Готовы ли вы признать существование еврейского государства на Ближнем Востоке в качестве постоянного фактора в политической жизни региона?

Я могу только сказать, что Сирия поддерживает то, что гласят соответствующие резолюции ООН.

Но признаете ли вы факт существования еврейского государства на Ближнем Востоке?

Этот вопрос следует обсудить на конференции. Все заинтересованные стороны должны принять в ней участие, и в ходе мирного процесса нужно обсудить и этот, и другие вопросы. Если все можно было бы решить в этом интервью, что тогда осталось бы обсуждать на мирной конференции?

Если вы не говорите, что признаете факт существования еврейского государства, можете ли вы хотя бы подтвердить, что ваша позиция по отношению к Израилю претерпела существенные изменения?

Наша позиция нисколько не изменилась. Да и что в ней должно измениться? И сегодня, и в прошлом мы выступали за мир. В прошлом мы утверждали и сегодня повторяем, что Израиль, как показал ход событий, ведет экспансионистскую политику. Мы надеемся, что наши подозрения не оправдаются. Но доказать это должен сам Израиль. Если у Израиля и в самом деле есть серьезные намерения, тогда только он один и может развеять наши подозрения.

Полагаете ли вы, что президент Буш и госсекретарь Бейкер могут принудить Израиль пойти на уступки?

Это проблема Буша, Бейкера и США. Соединенные Штаты – сверхдержава, несущая особую ответственность за мир во всем мире. И они же оказывают Израилю постоянную, беспрецедентную по масштабам политическую и экономическую помощь. С логической точки зрения трудно представить, что эта сверхдержава не может заставить Израиль выйти на дорогу к миру.

Насколько, по вашему мнению, силен Саддам Хусейн, и долго ли он продержится у власти? Разделяете ли вы мнение, что цель антииракской коалиции – освобождение Кувейта – была слишком ограниченной?

По нашему мнению, иракский режим допустил грубую ошибку, оккупировав Кувейт. Этот грех привел к жесточайшим потерям и нанес огромный урон всему региону в целом. Иракский режим нанес величайший ущерб всем арабам, но не добился ничего. Мы считаем, что целью коалиции было положить конец оккупации, а все остальное – дело самого иракского народа.

Как вы полагаете, должны ли Соединенные Штаты нанести еще один удар по Ираку?

Мы считаем, что в этом нет необходимости. Ведь удар будет нанесен не только по правителю Ирака; жертвой окажется весь иракский народ. Это, однако, не значит, что мы выступаем за то, чтобы в нашем регионе оставался какой-то ядерный потенциал. Наоборот, мы хотим освободить регион от оружия массового уничтожения.

Но сама Сирия обладает большим арсеналом такого оружия. Для чего вы

покупаете ракеты «Скад» в Северной Корее и наращиваете свою военную мощь?

За последнее время мы не приобрели никаких систем вооружений, которых бы у нас не было в течение многих лет в прошлом. Ракеты «Скад», о которых так много говорится в последнее время в западной прессе, состоят у нас на вооружении вот уже 15 лет. В отличие от израильтян, мы не покупаем оружие за чужие деньги, мы делаем это на собственные средства. Мы закупаем оборонительное оружие, а вот Израиль закупает – с американской помощью – наступательное. Мы тратим на оборону на 20% меньше, чем израильтяне. Совсем недавно министр обороны Израиля Аренс, во время посещения военных баз, объявил, что Израиль разработал некий новый тип оружия, который обеспечит ему превосходство над противником, а под этим противником он явно имел в виду арабов. Израиль – единственная страна в регионе, обладающая ядерным оружием.

Сирия все еще находится в списке правительства США, в котором перечислены государства, поддерживающие международный терроризм. По сообщениям, на сирийской территории до сих пор обучаются террористы и разрабатываются планы террористических операций. Пришли ли вы к какому-то соглашению с госсекретарем Бейкером, которое позволило бы исключить Сирию из этого списка?

Важно определить, что мы понимаем под терроризмом. Если под этим понимать, например, убийство ради убийства, убийство с целью шантажа, мошенничества разного рода, тогда в нашем понимании это – терроризм. Но если под этим понимать действия вооруженных группировок, сражающихся за свободу и независимость своей страны и освобождение своей земли, это уже другое дело. Такие люди – патриоты и бойцы. Палестинцы, ливанцы и сирийцы – люди, чьи земли были оккупированы. Почему они без борьбы должны отказываться от собственного «я», от своей земли и своих домов? Они делают то же самое, что делали все колонизированные народы.

Похищения людей, захват самолетов или убийство отдельных граждан в Европе и где бы то ни было не имеют ничего общего с борьбой за право народов. В действительности акции подобного рода служат целям оккупантов. Мы осуждаем терроризм.

Соединенные Штаты обвиняют Сирию в поддержке террористических группировок. Они обвинили нас как-то в том, что мы поддерживали террористическую группировку, которая, по их утверждению, несет ответственность за инцидент в Локерби. Но когда мы попросили представить доказательства, они ничего не смогли предъявить.

Готовы ли вы подписать соглашение, предусматривающее вывод иностранных войск из Ливана?

И в Сирии, и в Ливане живет один и тот же народ. На протяжении истории оба народа были неразрывны. Культурное наследие, язык, песни и даже анекдоты у них одни и те же, и редко найдется такая семья в

Сирии, у которой не было бы родственников в Ливане, и наоборот. И поэтому мы отозвались на призыв ливанцев в 1976 г. и пошли на большие жертвы, и приносим эти жертвы и поныне. Несколько раз мы хотели уйти из Ливана, но ливанцы настойчиво просили нас остаться. Мы хотим, чтобы Ливан был независимым, сильным, стабильным и процветающим государством. И то, что мы – один народ, нисколько не противоречит тому, что мы живем в двух разных странах.

Но некоторые утверждают, что Сирия фактически поглотила Ливан?

Это необъективно. У нас нет никакой необходимости поглощать Ливан.

Как вы относитесь к закату тоталитаризма в государствах Восточной Европы и в Советском Союзе? Как это отражается на Сирии?

Эти перемены, может быть, и вызвали некоторое смятение, но оно быстро прошло. Мы оказались в состоянии преодолеть это. Теперь у нас очень хорошие отношения с Советским Союзом.

Состоится ли все же в октябре международная мирная конференция по Ближнему Востоку?

Позитивные сдвиги происходят, но быть до конца уверенным нельзя. Теперь очередь за израильтянами – они говорят то «да», то «нет», чаще – «нет». Может быть, сказать «да» – им не по силам?

С. Ан-ский

МЕЖ ДВУХ МИРОВ

(„Дибукъ“).

Сцена из I-го действия.

В старой синагоге поздно ночью остаются два ешиботника Хонон и Энех. Первый стоит у кивота, весь поглощенный каббалистическими вычислениями. Второй сидит у пюпитра за Талмудом.

Энех

(Поднимает голову и долго внимательно глядит на Хонона.) Хонон, ты ходишь, как во сне.

Хонон

(Оглядывается, замечает Энеха. Механически направляется к нему. Садится. Про себя.) Намеки, намеки без числа, а прямого пути не видно...

Энех

Что ты говоришь?

Хонон

(Удивленно.) Я? Ничего. Я думал... (Пауза).

Энех

(Качает головой.) Ты слишком увлекся каббалой. С тех пор, как ты вернулся, ты книги не раскрыл.

Хонон

(Силится понять.) Книги не раскрыл? Какой книги?

Энех

Как – какой? Талмуда, Постановлений. Что ты спрашиваешь?

Хонон

Талмуда?.. Постановлений?.. Кажется, не раскрыл... Кажется... Талмуд холоден и сух. Постановления холодны и сухи... (Как бы очнувшись.) Говорит сперва медленно и задумчиво, затем все более оживляется.) Под землею находится точно такой же мир, как и над землею. Там имеются глубокие моря и бездонные пропасти, большие и грозные пустыни, густые, непроходимые леса. И по морям там носятся огромные корабли, и подымаются страшные волны. По пустыням проносятся сильные ветры и ураганы. А в дремучих лесах царит грозное величие. Только одного там нет. Нет высокого неба, не видно ни яркого солнца, ни ослепительных молний, не слышно громов. Таков Талмуд. Он велик, он грозен, он беспределен. Но он приковывает к земле, не дает подниматься ввысь! А каббала! А каббала! Она раскрывает перед глазами все врата небес! Она яркими молниями освещает тысячи миров! Она великими порывами устремляет душу к бесконечному! Она ведет в чертоги высших Тайн, доводит до Пардеса*, приподнимает Великий Полог!.. (Откидывается, обессиленный.) Тяжело говорить... Сердце замирает.

Энех

(Очень сосредоточенно.) Все верно. Но ты забываешь, что ввысь надо подниматься медленно и осторожно. И чем выше ты взлетишь одними порывами, тем труднее удержаться там, тем страшнее может быть падение в пропасть. Талмуд поднимает душу к бесконечному медленно, без порывов, но он защищает человека. Он плотно обхватывает его, как стальным панцирем, и не дает уклониться от прямого пути ни вправо, ни влево. Он бдит над человеком как верный страж, который не спит и не дремлет... А каббала? Ты помнишь? (Талмудическим напевом.) Четверо вошли в Пардес: Бен-Азай, Бен-Зоймо, Ахойр и раби Акиво... Бен-Азай заглянул и был сражен; Бен-Зоймо заглянул и был задет в рассудке; Ахойр подрубил Насаждения, отрекся от Бога, и только раби Акиво вошел с миром и вышел с миром.

Хонон

Не пугай меня ими. Мы не знаем, каким путем и зачем они шли в Пардес. Может быть, они были задеты потому, что шли смотреть, а не

* Небесный сад.

исправлять. Ведь вот, последующие великаны от святого Ари, от святого Бешта шли и не были задеты.

Энех

Ты сравниваешь себя с ними?

Хонон

Я не сравниваю. Я иду своим путем.

Энех

Каким?

Хонон

Ты меня не поймешь...

Энех

Я тебя пойму. В моей душе тоже живет стремление к высшим ступеням...

Хонон

(После некоторого колебания.) Деяния цадигов, великанов поколений заключаются в том, что они исправляют души, срывают с них цепи греха и поднимают их к светлому первоисточнику. Эта борьба очень тяжелая. Ибо «грех лежит у дверей». Одержана победа над одним грешником, является другой человек с новыми грехами; одержана победа над одним поколением – и его сменяет другое, опять с грехами. И приходится начинать все сначала. А поколения становятся мельче, а грехи сильнее, а цадики слабее.

Энех

Что же, по-твоему, делать?

Хонон

(Тихо, но очень определенно.) Надо не бороться с грехом, а исправлять его. Как золотоделатель очищает огнем золото от шлака, как земледелец отделяет полновесное зерно от пустого, так надо очистить грех от его скверны и оставить в нем только искру святости.

Энех

(Удивленно.) Искру святости в грехе?

Хонон

Да. Нет такого греха, в котором бы не было искры святости. Все, что создано Богом, должно иметь в себе святое начало.

Энех

Что ты говоришь! Грех создан не Богом, а дьяволом!

Хонон

(Спокойно.) А дьявола кто создал? Тоже Бог! Значит, и в дьяволе есть святость.

Энех

(Испуганно.) В дьяволе? В Самоэле? Святость?!

Хонон

Самоэль называется еще «Ситро-Ахро» – обратная сторона Божества. И раз он сторона Божества – в нем должна быть святость.

Энех

(Потрясенный.) Я не могу! Дай мне сообразить! (Закрывает лицо руками, наклоняется к пюпитру и опирается на него головой. Остается все время в такой позе.)

Хонон

(Оживленно.) Какой грех всего страшнее для человека и все больше влечет его? Какой грех всего труднее победить? Грех стремления к женщине? Да?

Энех

(Не поднимая головы.) Да.

Хонон

(С трепетной радостью.) А если это греховное стремление очищать в огне до тех пор, пока в нем останется одна лишь искра Божества, – тогда

величайшая скверна превратится в высшую святость, в «Песню песней», в «Песню песней»! (Выпрямляется, закрывает глаза и, откинув немного набок голову, тихо и восторженно поет.) «Ты прекрасна, подруга моя, ты прекрасна. Глаза твои голубиные выглядывают из-под кудрей твоих; волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской. Зубы твои, как стадо выстриженных овец, вышедших из умывальни, из которых у каждой пара ягнят, а бесплодной меж ними нет...» (Слабый стук. Дверь тихо открывается, входят нерешительно Лия, Фрада и Гитель.)

* * *

Русско-еврейская литература, т.е. еврейское литературное творчество по-русски (которое никак не следует смешивать с участием этнических евреев в русской художественной словесности!), известна сегодня слишком мало. Среди немногих имен, которые все же говорят что-то как специалистам, так и публике, читателям, – имя С. Ан-ского. Точнее – не имя, а псевдоним: так подписывал свои сочинения по-русски и на идиш Шломо (Шлойме) Занвл Раппопорт (1863-1920), который в обыденной жизни звал себя и звался Семеном Акимовичем; так что «С» в псевдониме следует расшифровывать как «Семен». Он был плодовитым и достаточно высоко оценивавшимся современниками прозаиком, замечательным публицистом, руководил первой в истории русского еврейства комплексной этнографической экспедицией (1911-1914), весьма активно участвовал в русской (не еврейской!) политической жизни, сперва в рядах народников, потом в партии социалистов-революционеров (эсеров), от которых был избран во Всероссийское учредительное собрание. Но если его помнят сегодня, то совсем не по тем трудам и заслугам, которые исчислены выше; помнят его лишь как автора пьесы «Диббук», которая обошла сцены всего мира, с постановки которой Евгением Вахтанговым в Москве в 1922 на иврите начинается, по сути дела, история национального театра Израиля «Габима»; по которой ставились фильмы и делались балетные либретто, которая и в 1991 году с успехом шла в Париже и Брюсселе (во французском переводе, понятно).

«Диббук» (это слово означает неприкаянную душу умершего, вселившуюся в живого) написан по мотивам народных преданий, которые собирал Ан-ский-фольклорист. Юноша и девушка были сосватаны родителями в раннем детстве. Прошло много лет, и отец девушки, не узнав жениха в бедном слушателе иешивы (йешиве-бохер), который столуется («ест дни») в его доме, отдает дочь другому. Юноша умирает, и душа его овладевает телом девушки. Хасидский цадик-чудотворец с величайшим трудом изгоняет злого духа, но девушка не желает расставаться с суженым и после экзорцизма умирает. На этот фабульный скелет Ан-ский накладывает в изобилии поэтические и философские мотивы, которые привлекали и продолжают привлекать людей театра богатством возможных интерпретаций и, следовательно, сценических воплощений. Однако цель этой заметки – не анализ пьесы Ан-ского, а рассказ об удивительной истории ее текста. Впервые «Диббук» был напечатан в ивритском переводе, выполненном Хаимом Нахманом Бяликом (по настоящей

просьбе автора!) в 1918, в Москве, в журнале «Ха-ткуфа» («Эпоха»). Как вспоминал много позже, в 1933, сам Бялик, для перевода он располагал двумя оригиналами – по-русски и на идиш. Осенью того же года Ан-ский бежал из большевистского Петрограда в Вильно; в этом поспешном переезде оригинал на идиш был потерян. Оказавшись в Вильно, Ан-ский в удивительно сжатые сроки (может быть, в течение одной недели) реконструировал пьесу на идиш – с помощью бяликовского перевода. На идиш она и увидела впервые огни рампы – в декабре 1920, в Варшаве, к памяtnому тридцатому дню (шлошим) после кончины автора.

А русский оригинал?

Работа над «Диббуком» началась еще в 1912. На каком языке она шла в этот начальный период, сказать невозможно, но скорее – все же по-русски, потому что первые публичные чтения пьесы на идиш, засвидетельствованные в эпистолярных и мемуарных источниках, относятся к концу 1916, между тем как уже в 1915 московская газета «Русские Ведомости» сообщала, что Ан-ский работает над пьесой для Художественного театра и что Станиславский относится к его работе благосклонно. Действительно, письма Ан-ского подтверждают, что Константин Сергеевич Станиславский внимательно читал «Диббука» и что, следуя его замечаниям, автор внес в текст значительные изменения, вплоть до включения новых действующих лиц. Сотрудничество со Станиславским продолжалось, по-видимому, более двух лет; только в конце 1917 Ан-ский окончательно изверился в надежде увидеть свою пьесу на русской сцене. Именно тогда он и обратился к Бялику с просьбой, почти мольбой перевести «Диббука» на иврит.

Все эти факты – в числе многих иных! – собраны в обстоятельнейшей работе известного израильского ученого Шмуэля Версеса, которая озаглавлена «Цвишн цвей велтн (Дер Диббук)» / «Бен шней оламот (Хадиббук)» / «Меж двух миров (Диббук)» С. Ан-ского: история текста»; работа была напечатана по-английски в Иерусалиме в сборнике «Studies in Yiddish Literature and Folklore» («Исследования по литературе и фольклору на идиш») в 1986. По словам одного мемуариста, которые цитирует Версес, «единственный экземпляр русского варианта остался у Станиславского, когда Ан-ский впопыхах покинул Москву». Версес уточняет, что судьба этого экземпляра неизвестна и что русский текст полностью утрачен.

Дадут ли какие-либо результаты новые поиски в архивах Художественного театра, я не знаю, но одно не подлежит сомнению: шедевр еврейской драматургии, «Диббук» принадлежит русско-еврейской литературе в той же мере, что литературе на идиш. А может быть, и в большей.

Русский же текст, как оказалось, утрачен не полностью. В одной из библиотек Тель Авива я просматривал подборку (к сожалению, не совсем полную) еженедельника «Еврейская жизнь», выходившего в Москве с июля 1915 по июнь 1917 гг.; это было сионистское издание, заменившее сионистский же «Рассвет» (так называемый «Рассвет III»), который выходил в Петербурге и был закрыт властями в июне 1915. В номере первом за 1916, от 3 января по старому стилю, я с огромным удовлетворением обнаружил тот отрывок, который публикуется выше.

Шимон Маркиш

Фрида Полякова (Свердловск)

ФЛИГЕЛЬ

Еще в старое время каждый хозяин из мещан или торговцев, построив добрый дом фасадом на улицу, обязательно во дворе справлял избу. Одну, а то и две. Использовали такую избу по хозяйству – у кого какое было: кто товар держал, кто сено, а чаще всего скотину – корову, лошадь. Но город рос, ширился во все стороны, расползлся – мещанская улица оказалась чуть не в центре. Скотину держать получалось уже не с руки. А народ из деревень все валил: от постояльцев отбою не стало. Тут кое-кто и смекнул. И начали дворовые избы переделывать: печь поставят, побелят, иконку в угол – вот и пускай деревенщину; глядишь, живая копейка! Кто не постояльцев пустит, так родню, что победней, а кто до прислуги дотянет, так ее сам Бог велел туда... И как-то само собой повелось дворовые избы флигелями называть. Скоро и вовсе к тому привыкли – флигель да флигель, словно так оно всегда и было.

Вот и Филимон Павлыч как только дом кончил, передохнуть не успел, а за флигель взялся, – никак ведь без него нельзя!

Но тут-то и начало не везти Филимон Павлычу. А почему – он в толк взять не мог. Жизнь его была трезвая, исправная. Еще мальчишкой, мотаясь по белу свету, он везде – на кузне или в трактире, на приiske или в заводе – старался и дело смекнуть, и хозяину угодить. А когда попал в город, то был уже и по металлу специалист и по дереву, и печь выложить мастер и сруб поставить. Потому без труда определился в мастерские по слесарной части. Заработок имел неплохой и с хозяином ладил. Вскоре женился. Жену взял чистую, работающую, да с деньжатами. И с женой жил ладно, по совести, хотя Бог наследников им так и не послал.

Через какое-то время стал Филимон Павлыч о собственном деле помышлять. Однако сначала решил домом обзавестись. Дом – дело первое, а уж там видно будет. И справил Филимон Павлыч дом. Да не какой-нибудь – два этажа, в три окна каждый. Стены – в метр, раствор на белках. Углы и другие важные места сам клал – не доверял. Сил не жалел – три годка, день в день! Только вот двор маловат оказался. И тут делал, что мог, даже на соседа с топором ходил, но у того кум в городской Управе сидел, и одолеть его Филимон Павлыч не сумел.

Но не в том не повезло Филимон Павлычу – в мечте не повезло. Только успел он за флигель взяться, началась война. Потом революция, потом разруха. И вроде бы все беды Филимон Павлыча стороной обошли

– и на войну не взяли – в детстве еще правую руку повредил, так она у него на всю жизнь кривой и осталась, и в революцию не тронули – был он из рабочего сословия, и разруху худо-бедно пережил, но вот как все улеглось да устоялось, почувствовал Филимон Павлыч – что-то в жизни сильно переменилось, что-то главное из нее ушло. И хотя насчет этого главного он в толк взять не мог, сердце его чувствовало – не сбыться мечте!

Как только самые трудные дни миновали, решил Филимон Павлыч флигель кончать. Но только за дело взялся, сразу и обнаружил, что все кругом переменилось да перепуталось. Не знаешь ни где взять, ни где дать. Чего и вовсе даром добыть можно, а чего и днем с огнем не сыщешь. Иной раз целую подводу досок с казенной стройки завезут и за бутылку самогона выгрузят, зато за гвоздями целый месяц бегать будешь. Гвозди раздобудешь – кирпич исчезнет. Кирпич с грехом пополам достанешь – кровли ни за какие деньги получить не сумеешь. Какое уж там строительство!

Забегался Филимон Павлыч, измотался вконец. И плюнул.

И осталась изба недостроенная – стоит скелет под крышей и пустыми глазами-окнами укоряет – чего, мол, не достроили, жизни не дали?!

Жена Филимон Павлыча нет-нет, да и займется пилить:

– Хоть бы ты, Филимон Павлыч, окна-то во флигеле заколотил – не ровен час вор какой заберется али бродяга. А то и мальчишки лазить повадятся – упаси Бог, пожар сделают.

– Ну и пушай горит – туды ему и дорога, – в сердцах отрежет Филимон Павлыч, а у самого душа ноет, кровью обливается. Да и как ей не ныть – последнее в дом вложил, себя не жалел, все торопился, все хотел побыстрее хозяином зажечь. А вышло-то как! Теперь хоть жильцов в дом пускай.

Думал Филимон Павлыч, думал, кряхтел-кряхтел и пустил. Весь нижний этаж сдал – две комнаты под жилье, а одну под мастерскую, – со знакомым евреем-переплетчиком договорился. Ну а раз постояльцев в дом пустил, какой уж ты хозяин-барин!

А дела шли все хуже. В мастерской стали количество гнать. Кто ладно да надежно работал, копейку и вовсе потерял. Уйти бы Филимон Павлычу, с канителью этой развязаться. Дом-то, слава Богу, есть, люди опять же знают – работы по гроб бы хватило. Да никак нельзя, время не то, сразу в «хозяева» запишут. А с хозяевами другой разговор. Растерялся Филимон Павлыч: и на работу ходить перестал, и за дело взяться боялся. А денег-то нет, жить да крутиться нечем. Тут ему нижняя еврейка и говорит:

– Сдали бы вы, Филимон Павлыч, флигелек – у меня и жилец есть.

Не хотел Филимон Павлыч, противился поначалу, но ничего другого придумать не мог. Сам пошел к нижней еврейке:

– Пусть жилец-то приходит.

Начал было Филимон Павлыч флигелек в порядок приводить – ведь сруб под крышей, и все тут, но только за дело взялся, новый жилец тут как тут. И не на подводе даже, а так – в руках сундучок да кошелка. Сам маленький, хроменький – одна нога короче другой, а лицо доброе, улыбочное. И с ним девка – дородная, румяная, с косой по пояс – русская, сразу видать. Тоже сундучок тащит и узел. Потерялся Филимон Павлыч – вроде не положено так: и флигелек не готов, и вообще не солидно как-то. Но хромой чуть не в плач и давай уговаривать, упрашивать и деньги совать. Что тут поделаешь!

Наскоро соорудил Филимон Павлыч стол, скамейку, кровать из чулана притащил, окна застеклил как мог.

– Ну и живи, коль хошь.

Новый жилец оказался человеком тихим, степенным. Звали его Исай Юльевич. Был он, как и отец его, ювелир и часовщик. Первым делом взялся Исай Юльевич флигель оборудовать. Филимон Павлычу слова не сказал, рабочих нанял, да материалу всякого навез. Рабочие-то, правда, халтурщики оказались – материал на дворе лежит, под дождем мокнет, а они день придут, другой нет, а на третий и вовсе пьяные. Да и драли с Исай Юльевича три шкуры. Но он все терпел, только перед хозяином извинялся.

Худо ли, бедно ли, но дело все же двигалось. Сначала крыша железом закрылась, а потом и наличниками резными украсилась. Окна добрым стеклом застеклились и закрылись ставнями. Над входной дверью навес козырьком заторчал.

Острый глаз Филимон Павлыча все замечал – и наличники слишком вычурные и для простой избы не подходящие, ворованные, видать, и ставни криво посажены, и навесы не на месте. Смотрел, про себя сокрушался, но молчал, не мешался. А Исай Юльевич больше того – стены решил штукатурить и побелку кругом произвести.

– Ну и дела, жилец-то, видать, и впрямь решил из избы хоромы соорудить! – ухмылялся про себя Филимон Павлыч.

Однако, когда к морозам работы все кончили, и из трубы повалил первый дымок, не узнал Филимон Павлыч флигеля своего – чисто терем-теремок! Стоит под красной крышей и белой трубой дышит.

Исай Юльевич, меж тем, мебель всякую завез, да утвари целую подводу. Словом, устроился как положено. Устроился и стал каждый день уходить. Ровно к девяти на работу ковыляет, бритый гладко, чистый, а девка его до калитки провожает. Как проводит, сразу за работу. Все крутится, вносит, выносит. Работящая, стало быть, была. И к Исай Юльевичу относилась с почтением, иначе как именем-отчеством не называла. Но и он ее вроде как уважал, величал Настасьей Петровной. Ни он ей грубого слова, ни она ему.

Филимон Павлыч все приглядывался, все соображал, необычное

дело-то! Любопытно ему, но ведь не пойдешь к нижней еврейке, не станешь расспрашивать. К тому же Филимон Павлыч знал, что баба она болтливая, сама рано ли, поздно расскажет. И рассказала.

Отец Исая Юльевича был человеком богатым и меж евреев почитаемым. Дом имел полный и семейство большое. Все дети, кроме Исая Юльевича, женаты были и при нем жили. Только Исая Юльевича никак женить не могли: никто за него, видно, идти не хотел. Настасья же Петровна у них в доме в прислугах состояла – откуда-то из деревни пришла. Девка она была ладная, на все руки мастерица. Однако не сладко жилось Настасье Петровне в их доме, хозяин был нрава крутого, а хозяйка сварливая и привередливая. Один Исая Юльевич к ней доброту проявил, даже грамоте обучать стал. Она к нему, понятно, благодарность питала. Так они и сошлись.

Как все открылось, отец терпеть не стал, велел Настасье Петровне убираться, да побыстрее. Но Исая Юльевич без нее уже не мог. Прихватил первые попавшиеся под руку вещички и ушел вместе с ней. А деваться-то им некуда. Евреи-хозяева пускать его не решались: и не положено у них такое, да и отца Исая Юльевича побаивались. Нижние евреи тут и подвернулись. Были они из бедных, невидных – вот им и польстило, что со знатными да богатыми людьми какие-никакие дела имеют. А риску никакого – не они же сдают!

Наблюдал Филимон Павлыч жильца, наблюдал и все смекал – что же из того получится? Вроде с виду все гладко, но ведь против отцовской воли пошел, против всей родни да всего племени, – ничего хорошего выйти из того не могло. Однако не так все обернулось, как Филимон Павлычу думалось.

В то самое время в городе начали «сундуки трясти» – золотишко у людей отбирать. А поскольку отец Исая Юльевича первый ювелир был, к нему раньше всех и явились. Золотишко потребовали. Он, поговаривали, все отдал, а ему: «Давай да давай еще, укажи, где зарыл». Несколько дней дома допытывались, а потом увезли Бог знает куда. Через какое-то время жену взяли и сыновей. Так дом и разорили. Да ладно бы дом. Как выпустили старика, он несколько дней прожил, а потом и помер, – видать, крепко били. И сыновей не обошло – кто вовсе пропал, кто калекой вышел. Одного Исая Юльевича не тронули, жил он отдельно, да и работал по найму.

После такой беды и разбоя горе всех придавило – какая уж там вражда! Пошел Исая Юльевич в родительский дом, понес еды всякой да из вещичек кое-чего. Там, видать, с горя да голода его не выгнали, приняли. Вскоре и вовсе главным кормильцем сделался. А как мать похоронил, так и Настасью Петровну в родительский дом посылать стал. И смирились все – доброта Исая Юльевича свое взяла. Да и Настасья Петровна во всем угодить старалась – и к синагоге идет Исая Юльевича встречать, и на праздники ихние порядок наводит и чистоту. Исая

Юльевич этому нарадоваться не мог и всякий раз Настасью Петровну похвалить и одарить старался.

Дела его, меж тем, хорошо пошли. После того, как сундуки потрясли, ювелиров и часовщиков в городе почти не осталось, разве что бывшие подмастерья. Исаю Юльевичу заказы и пошли. То один, то другой клиент к дому завернет, скрипнет калиткой, спросит: «Тут ли ювелир Исай Юльевич проживает?»

Шире стал жить Исай Юльевич, веселей. Гостей часто созывал, но особо любил ребятишек собирать и подарками одаривать. А однажды надумал снова строиться. Опять добра разного завез, мастеров пригласил. Мастера первым делом козырек, что над входными дверями торчал, сняли и перед входом веранду устроили. Со столбами, да со стеклянными окнами. Веранда получилась – любо-дорого посмотреть. Теперь уже в теплые вечера гости на веранде собирались. Задуют самовар, патефон закрутят и веселятся, песни поют.

Глядя на все это, Филимон Павлыч не знал что и думать. И огорчительно было, что не он, хозяин, все в доме сооружает и устраивает, и радостно, что зажил все же флигелек, огоньком засветился. Но одно смекнул Филимон Павлыч – недолго у него Исай Юльевич задержится. Раз уж дела пошли, дома подрабатывать начал, значит, тесно ему будет во флигеле. И не ошибся. Однажды встретились во дворе, о здоровье-погоде обмолвились. Исай Юльевич издалека и начал:

– А я, Филимон Павлыч, расширяться задумал, тесновато нам с Настасьей Петровной во флигельке-то...

И давай извиняться. Но что уж там извиняться – задумал, так задумал. Через какой месяц и съехал. Тоскливо стало Филимон Павлычу. Привык к жильцу, да и новых людей в дом пускать было неохота.

Охота – неохота, а жить-то как? Кроме платы нижних жильцов никаких доходов Филимон Павлыч не имел. Жена на толкучий рынок повадилась ходить. То одну вещь прихватит, то другую. От Филимон Павлыча скрывала, но он видел все, все примечал.

Совсем горько стало Филимон Павлычу. Захандрил он и слег.

Но чем дальше, тем больше. Как-то вечером подседа к нему жена и начала разговор:

– Может нам, Филимон Павлыч, дом-то продать?

– Да ты что, старая, совсем с ума спятила? Мало того, что на толкучий рынок пошла, продукты в госмаге берешь, еще и последнего лишить хочешь!

– Ну чего ты, не подумавши-то, кричишь? Сколько нам жить осталось? Продадим дом, тыщ пять возьмем, на старость, небось, хватит.

– Глупость говоришь, ей-Богу, глупость. И хотел бы продать, так кто же его купит, коли в доме ни одной свободной комнаты нету?

– И не глупость вовсе. А что комнаты занятые, так не беда, нонче

государство и занятые дома берет, а мы... вроде как жильцы будем. Я вот намерен с одним грамотным человеком говорила, он вроде стряпчий по-старому, так он мне обещал так все устроить, что с нас и за проживание брать не будут...

– Это как же, в своем доме жильцом быть? Ох, и дожил я! Пока жив – не бывать тому, поняла?

Стряпчий оказался мужичок липкий. Язык имел гладкий, и манеру обходительную. Постучит, ноги оботрет, дальше порога – ни-ни. О здоровье справится, нуждой поинтересуется, а потом все о деле – уговаривает да убеждает.

– Своей выгоды вы, Филимон Павлыч, не разумеете. Кто же нынче хозяйствовать хочет? Нынче у нас один хозяин – государство, а если кто какое хозяйство имеет, так тот его сбыть побыстрее старается. Да и что теряете-то вы, милые люди? Жить будете по-прежнему, тронуть вас никто не мог, а забот никаких – раз дом государственный, значит дворника наймут, печника, все как полагается. Вам, с другой стороны, кругленькая сумма.

До того прилип стряпчий, до того закрутил, что уж засомневался Филимон Павлыч – может, и впрямь он своей выгоды не понимает?

Допекли Филимона Павлыча, уломали. Подписал он купчую. Однако, чтоб деньжата свои получить, нужно было бумаги все подписать и заверить. Поднялся с трудом Филимон Павлыч с постели и пошел по начальству. Но дело оказалось непростым. Очередищи везде, толкучка. Всякий нахал норовит вперед залезть. Один говорит – оттуда-то, другой отсюда. У них, видите ли, дела государственные. А поди ты знай, откуда они, да какие у них дела! Простоишь полдня, а там обед. После обеда начальство само отбывает. Так неделю и проходил Филимон Павлыч. Наконец, попал. В кабинет вошел, поздоровался, а тот, не глядя:

– Что у вас?

– Подпишите, ради Христа, бумагу, вторую неделю к вам хожу!

Тот бумагу прочитал и говорит:

– С какой-токой стати я вам подписывать стану, откуда я знаю, чем вы до революции занимались, с каких доходов дом построили? Может, вы эксплуататор, может, с рабочего человека кровь пили, а я вам сейчас от имени советской власти документ подпишу? Ну нет, не пойдет! Вы сначала представьте мне все справки – из какого вы класса происходите и использовали ли наемный труд при строительстве. А если использовали, мы дом-то у вас живо заберем и передадим его тем, чьими руками он создан. Так-то, папаша, советскую власть не обманешь! И вот еще что – про Бога ты забудь, нет его, Бога-то. Это попы сказки про Бога выдумали, чтобы задурманивать простой народ, помогать буржуям-эксплуататорам, понял?

Не нашел, что сказать Филимон Павлыч, стушевался, задом все, задом, и вон из кабинета. Добрался до дома, лег на койку и застонал.

К вечеру стряпчий стучит.

– Ну как, Филимон Павлыч, дело-то продвигается?

Рассказал Филимон Павлыч.

– Так что ж тут удивляться-то, мил человек? Государство – оно не частный сектор, здесь порядок нужен, строгость. А то ведь каждый проходимец и, пуще того, враг трудового народа норовит кусок урвать. Тут все проверить надо, уточнить и согласовать. Но если трудно вам, могу на себя хлопоты взять. Какую копейку это вам стоит будет – сами понимаете...

Слушает Филимон Павлыч стряпчего, а у самого жар по телу да кошмары в глазах. Слушает и не слышит. Жена видит, что с Филимон Павлычем неладное творится, быстренько стряпчего выпроводила, бумаги ему сунула:

– Делай как знаешь, заступник ты наш, а я, как Филимон Павлыч очухается, все ему сама растолкую.

Но Филимон Павлыч не очухался. Первую ночь то застонет, то зохаёт, то вдруг начнет бормотать что-то несвязное. Наутро жена за доктором побежала. Доктор внимательно посмотрел на Филимон Павлыча, покачал головой, велел настойки давать и полотенце прикладывать. Однако к вечеру Филимон Павлыча опять в жар бросило. Ночь всю он промучался, а к утру приказал долго жить.

Похоронили Филимон Павлыча тихо, скромно. На похоронах и на поминках стряпчий был. С видом ходил важным и все рассказывал, как сложно по дому хлопотать, сколько это дело у него сил и времени отнимает. Но деньги все же вернул. Правда, говорят, вместо обещанных пяти тысяч вдове и половины не досталось, но старухе было уже все равно. Долго она Филимон Павлыча не пережила.

После смерти хозяев дом вовсе даже не осиротел. Он стоял, как и прежде, и хотя улицу перед ним мели теперь раз от раза, а от снега и вовсе убирать перестали, зато на каждый праздник над воротами флаг вывешивали – дом-то ведь стал государственный!

В Почтовом управлении, что дом у Филимон Павлыча купило, собрание устроили. Длилось собрание долго, но в конце концов решено было комнаты, что после смерти хозяев освободились, выделить человеку присланному, не из первого начальства, но все же персоне. Тот, как въехал, сразу определил, что в доме еще и флигель есть. Он было туда родню пихнуть хотел, но раз дом государственный, значит прописку в Управлении получить надо. Пришел в Управление, заикнулся, а там шум да гам поднялся. Оказалось, о флигеле и вовсе не знали. Опять собрание устроили, опять до полуночи заседали и постановили отдать флигель холостяку-фотографу. Тот при Управлении работал и по работе в отдельности нуждался.

Злился верхний сосед, злился, да против собрания пойти не мог.

Фотограф долго ждать себя не заставил – на другой день после собрания и объявился. Годков ему было за пятьдесят, ростом он был высок, худ и сутул изрядно. Потертый пиджак на нем висел, брюки лоснились, зато подбородок подпирал галстук-бабочка, а на носу поблескивало пенсне. Фамилия фотографа была Суворов, и поговаривали, что это был тот самый Суворов, который когда-то в городе модный салон держал. Тот это был Суворов или не тот, никто в точности не знал, зато по лицу его каждый мог определить, что пил он крепко.

Въехал Суворов и первым делом обнаружил, что во флигеле электричества нет. А как фотографу без электричества! Но огорчаться не стал – «мне-то живо проведут, не для личной нужды, по работе требуется». Долго не думая, сел и прошение составил. Составил и отнес куда положено.

– Ну-с, теперь будем мастеров дожидаться, – раскладывая склянки да банки, бормотал про себя Суворов. Но не тут-то было! День ждет, два. Неделю. Наконец не выдержал – пошел. Там его заявку искали-искали, не нашли – «затерялась, стало быть». Суворов ругаться не стал, вежливо попросил бумагу и, не сходя с места, новое прошение составил. Расписочку потребовал.

– Учтите, барышня, дело государственное, особой важности...

– Да неужто особой – в простую избу свет, – съязвила моложавая женщина, поправляя косынку.

– Именно, именно особой. Изба-то простая, да дела в ней, любезная, не простые. В этих делах наше Управление очень даже заинтересовано. Да что наше Управление – весь город, весь. Стало быть, и вы тоже. Так что не задержите прошение, голубушка...

– Ну, уж не задержу, – смилостивилась моложавая, – ждите комиссию.

Комиссия пришла, флигель осмотрела, вокруг покрутилась. Через неделю вышел ответ: «Отказать, столбов нет». Суворов – к себе в Управление.

– Так мол и так. Дайте столбы. Без столбов не могут электричество во флигель провести, а без электричества работать не могу.

В Управлении подумали, дали. Суворов новое прошение составил, насчет столбов указал. Опять к моложавой явился.

– Вот, красавица вы моя, столбы вам принес... И еще кое-что-с, уж не откажите, – и достает из-за спины корзиночку с пирожными. Та зарделась, пожурела Суворова, но не отказалась. Велела ответа ждать.

Ответ, однако, был тот же: «Отказать. Проводов нет». Суворов опять в Управление: «Столбы дали, дайте и провода». Дали. И бумагой сопровождали. Только не прошение – требование составили. Суворову оно не понравилось, покачал он головой и нехотя пошел бумагу отдавать. А там в крик.

– Вот еще, будут нам кто ни попадя ультиматумы ставить. Подумаешь,

дело – в избу свет провести! У нас электрификация – заводы, стройки, а тут...

Отказали, одним словом. Суворов снова к своему начальству. Не в приемную, в кабинет вошел. Начальство только руками развело: «Нельзя, так нельзя, будем вам в Управлении помещение выделять».

Но Суворов заупрямился, запротестовал.

– Позвольте, как же это получается, не для себя ведь стараемся, для государственного дела. Обязаны свет-то провести, обязаны, ведь электрификация же у нас... Вы уж позвольте дело до конца довести.

Не хотелось начальству, ясно было ему, что дело безнадежное, но с другой стороны – электрификация: откажешь, вроде саботируешь...

И забегал Суворов, и завертелся. От одного начальника бежит к другому, от другого к третьему. К кому с подарком подойдет, к кому с услугой. Недельку бегают, другую, а дело все ни с места.

– Да уж бросили бы вы дело это. Начальство-то на что? Пусть оно и думает, – жалели Суворова сослуживцы. – Ваше-то дело маленькое – сиди себе и фотографии печатай.

– Позвольте, позвольте, ежели не я, так кто же этим делом заниматься станет, кто его до конца доведет? Никак мне нельзя отстраняться, – отвечает Суворов, удивляясь про себя, как это люди не понимают, что сидеть целыми ночами, возиться с растворами и бумагами дело вовсе скучное, неинтересное. И совсем другое, когда ты с начальством крутишься, вопросы разные разрешаешь, споришь, советуешь... Такая жизнь еще на что-то похожа.

Добился Суворов своего. Хотя отдельной линии во флигель не провели, но подключиться к соседям на счетчик разрешили, – одна как бы квартира, а плата по договоренности.

– Ну что ж, и то дело, – пошел Суворов к верхнему соседу договариваться. Зашел, вежливо поздоровался, ситуацию объяснил. На мытарства пожаловался. Но верхнего не разжалобил.

– Ну уж, извиняюсь, откуда я тебя знаю? Тебя подключишь, а платить кто будет?

Суворов к нижним соседям с той же просьбой. Нижняя еврейка, долго не думая, согласилась флигель на свой счетчик взять – как-никак надо с новыми людьми контакты устанавливать! Однако и она сообразила, что новый жилец больно на пьяницу похож, и когда пришел монтер, она ему наказала:

– Ты, мастер, так сделай, чтобы я его и включить могла, и выключить.

Ну а раз просьбу рублем закрепила, мастеру чего же не сделать!

Повозился мастер недельку – на крыше железные рога установил, повозился другую – провода на рога подвесил. И хоть очень уж эти рога с проводами да белыми бомбошками к флигелю не вязались – точь-в-точь

на корове седло, однако по-городскому получилось, по-современному. Ну а когда монтер дело кончил и, пропустив с Суворовым по стаканчику, влез на табуретку и ввернул лампочку, – из всех окон свет так разом и брызнул.

И нет больше прежней избы, и следов ее нет – дом городской, да и только!

На радостях Суворов в запой ушел. Недельку пьет, другую – надо бы и жить начинать, работать. Но Суворов словно весь кончился – день работает, два нет. С утра куда-то уйдет, а к вечеру едва ноги волочит. Огонь зажжет, да так его всю ночь и не гасит. Нижняя еврейка не стерпела:

– Что-то у вас всю ночь свет горит – много нагорит, много платить придется.

– Ну, и должен гореть, – пробормочет Суворов в ответ, – кто его сделал, свет-то, кто его сотворил? Я! А зачем я его сотворил? Чтобы он горел. Вот пусть и горит. А деньги? Деньги ваши – ерунда, пшик...

Ерунда-то ерунда, но как к первому числу – нижняя сама бежит платить, а потом с Суворова денег не допросится. Все он ворчит, все недоволен. Сначала просто отмахивался, потом сумма ему не та: «что-то многовато». Совсем замаялась с ним нижняя. Решила ночью подсмотреть, что же это он колдует. Глянула в окно, – а у него все разложено, все включено, а сам в чем есть на лавке лежит и храпит. Стала она его выключать. Он же как к вечеру домой – стук в окошко и пальцами знак подает: включи, мол. А она ему тоже пальцами – денежку гони. Ну а когда поняла, что платить он не будет, и вовсе фигу показывать стала. Ссорились они, ссорились, и написала она на него жалобу и пригрозила флигель отключить.

В Управлении, коль скоро писанная жалоба пришла, стали ее разбирать. Суворова, конечно, пристыдили, но главное было решить, как ему снова электричество подключить. Решали и решили – обязать верхнего соседа подключить Суворова к себе. Нижняя соседка – человек посторонний, а он свой работник, значит обязан...

Суворов, понятно, пить меньше не стал и платил верхнему соседу так же, как и нижним. А вот исчезать стал все чаще и чаще. Маялись с ним на работе, маялись – на собрания вызывали, слово брали, что, мол, пить бросит, но толку было чуть. Суворов в грехе каялся, слово давал, но пил пуще прежнего. Наконец, рассчитали. Однако ж он этого вроде и не заметил. Все, что имел, стал спускать. Трезвым его больше никто не видел.

А тут беда случилась – война началась. Худо стало, ох как худо! Мужиков всех на фронт позабирали – и верхний сосед пошел, и у нижней еврейки сына да зятя взяли. Как назло, зима выдалась лютая – холод людей мучал, а голод и пуще того. Не до жиру стало – спасались как могли. Заборы, скамейки да беседки на дрова пошли, а чтобы с голоду не помереть, стали люди в деревни ездить – вещи на хлеб менять.

Плохо стало Суворову – собутыльники поисчезали, притоны позакрывались, не то что выпить – корки хлеба вымонтировать стало негде. Начал он пухнуть с голоду и пропал бы, наверное, совсем, если бы не сжалился над ним один из его бывших друзей. Определили Суворова на завод, где он с утра до вечера таскал стальные болванки и имел за это хлебную карточку.

Кое-как народ зиму пережил, а как потеплело – вздохнули люди свободнее. Сначала солнышком пригрелись, а как крапива высыпала, так ее тут же в ход пустили. Со второго года вообще легче стало. Кое-кто из мужиков вернулся. У нижней еврейки сын пришел – по здоровью отпустили, и зятя привезли – израненный весь. А от верхнего соседа посылки пошли – то мыла придет, то махорки или леденцов. Поговаривали, что он где-то начальником полевой почты служит и возможность такую имеет.

Только Суворову не полегчало. От голода, холода, труда тяжелого и непривычного высох он совсем. Разговаривать перестал и ноги таскал едва-едва. Все же лето продержался, хоть и старался лишний раз с койки не вставать и из дома не выходить. Но лето пробежало, морозы ударили вновь, и стал Суворов таять...

– Кого-то теперь вселят? – гадали соседи, с опаской поглядывая на большой замок, что висел на дверях флигеля.

Новых жильцов никто не вселял – они вселились сами. Среди бела дня толпа баб, мужиков и ребятишек ввалилась во двор. Впереди решительно шагала расфуфыренная, напoмаженная баба в пестрой юбке и с папиросой в зубах. Подойдя ко флигелю, она раз-другой дернула замок и, повернув голову к одному из мужиков, процедила:

– А ну, давай.

Мужик пару раз махнул топором, и вся ватага с визгом ввалилась во флигель. Весь день и всю ночь не прекращалась возня – кто-то приходил, кто-то уходил, что-то вносили, что-то выбрасывали вон.

Расфуфыренная баба была никто иная, как Лушка-потаскушка, известная всей округе воровка и потаскуха.

– Вот беда – теперь жизни не будет, – со страхом думали соседи, в глубине души надеясь, что управа на Лушку найдется и ее рано или поздно из флигеля выставят.

Управы на Лушку не нашлось. Как-то пришли из Управления две женщины. Но только постучали в дверь, как пьяная ватага обступила их со всех сторон. Посыпались отборные ругательства, кто-то свистел, кто-то визжал, кто-то махал руками. Чуть было до кулаков дело не дошло, но испуганные женщины во-время подобрали юбки и бегом со двора. Разные приходили люди, пытались Лушку урезонить, но кончалось всегда одним – летели прищельцы со двора, словно пробки из бутылки.

Наконец, с полевой сумкой через плечо явился участковый милиционер. Лушка встретила его на пороге.

– Ну, что пришел? Выселять будешь? Попробуй, попробуй, только скажи сначала, где такой закон есть, чтобы меня с грудным младенцем на мороз, а?

Строго начал участковый, серьезно. Грозил, обещал «меры принять». Но Лушка, скрестив руки на груди, только ухмылялась и папиросой попыхивала. А как достал участковый какую-то бумагу и протянул ее Лушке, та и вовсе задом к нему повернулась и юбку задрала. Побагровел участковый, повернулся, сплюнул и хлопнул калиткой...

Утвердилась Лушка. Утвердилась и начала жить. А жизнь ее была – сплошная пьянка и разгул. Пили утром и вечером, днем и ночью, в праздники и по будням. Но все знали, что гульба продлится недолго, – месяц, два, три. А потом, попавшись на очередной краже, отправится Лушка в тюрьму. Знали все также и то, что в тюрьме она долго не задержится и, забеременев, выйдет на свободу, чтобы произвести на свет очередное дитя, у которого не то что отчества, даже имени толком не будет. Одного молва нарекнет Следователь, другого – Прокурор, третьего – Оперативник. И имена эти останутся за ними навсегда. Когда подрастет дитя и придет ему время вымолвить первое слово, то на радость пьяной компании непременно изречет оно что-нибудь матерное. А уж только начнет ходить, тут же будет обучено стащить где-нибудь чего или обобрать дружков-приятелей.

Только старший, довоенный сын Лушки имел имя. Звали его Петька. Добровольцем в первые дни войны ушел на фронт отец его, школьный учитель.

– Не горюй, Лукерья, не лей лишних слез... Долг свой иду исполнять. А уж если суждено мне погибнуть, родина вас с Петькой не оставит...

Ушел. И исчез – пропал без вести. Долго лила слезы молодая женщина и уж выплакала все, но помощи так и не дождалась...

И еще оставил учитель сиротами своих стариков-родителей. Потеряв единственного сына, те души в Петьке не чаяли, в ногах у Лушки валялись, просили внука отдать. Но та ни в какую. Не то, чтобы ей Петька очень был нужен, – мешался вовсе, но не хотела она лишаться надежного куска хлеба, того самого, что выделяли старики любимому внуку, отрывая от себя последнее.

Не только с людьми не церемонилась Лушка. Пьянка – пьянкой, а мороз – морозом, топить флигель было нечем. То и дело посылала Лушка кого-нибудь из дружков стащить у соседей пару поленьев, ободрать какой-нибудь забор или выворотить «ненужный» столб. Ну а когда стащить ничего не удавалось, Лушка, недолго думая, распорядилась снять с окон ставни, ей ли кого-то бояться! После ставней пришел черед наличников, а там дошла очередь и до веранды.

Оголился флигель. Общипанный и ободранный, придавленный снежной шапкой, смотрел он на свет божий и, казалось, спрашивал: за что меня так, за какие грехи?

Между тем соседям житья не стало вовсе. Понавешали они везде замки, позапирали двери да окна, детишек боялись на двор пускать. Но все равно, нет-нет да и пропадет у кого чего. Нет-нет, да побьют кому-то стекло, высадят замок, отлупят ребятишек. А уж крики и пьяная брань не прекращались во дворе с утра до ночи. Целыми днями таскалась во двор разная публика, целый день хлопала во дворе калитка. Маленький, неприметный флигель в глубине двора превратился в известный всей округе притон.

Только когда в очередной раз отправлялась Лушка в отсидку, с облегчением вздыхали соседи. Пьяная публика исчезала. Во флигеле появлялись Петькины дедушка с бабушкой. На мизерную пенсию свою, на пособия и подачки выращивали они внука, а заодно и других Лушкиных ребятишек. Через какое-то время, неся очередное дитя, Лушка возвращалась, и все начиналось сначала.

Рожала Лушка одних мальчишек. Петьке шел уже четырнадцатый год, а в доме бегали и ползали еще пятеро. Росли они сами по себе и Лушку ничуть не интересовали, но как подрастали, тут же пристраивала она их к делу. И пристроила.

Первым пошел Петька. Вырыли как-то напротив дома, прямо по дороге, большую яму. А чтоб машины или телеги туда не свалились, огородили ее столбами. Лушка столбы заприметила и, как только стемнело, велела Петьке их выворотить – и в дом.

Под утро в яму военный грузовик свалился. Машина вдребезги, шофер – насмерть. Через какой час солдаты из комендатуры явились, стали разбираться, что и как. Явились к Лушке. Глядь, столбы пиленые, колотые у печки лежат. Пять лет колонии Петька и схлопотал. А Лушке не то что огорчение – даже гордость какая-то.

Колония, где Петька срок отбывал, исправительной называлась. Вышел он оттуда законченным бандитом. Как вернулся, первым делом напился, мать избил и компанию ее разогнал – мелких воришек презирал. Не успел еще Петька от первой попойки просохнуть, как взяли Следователя: на карманном деле вместе с матерью попался. Мать в тюрьму, его – в колонию.

Полностью завладел флигелем Петька. Шуму и крику во дворе поубавилось. Перестал с утра до ночи таскаться во двор пьяный народ, перестала день-деньской хлопать калитка. Лишь по ночам слышно было тихое поскрипывание снега, лишь изредка, ранним-преранним утром видели соседи, как выходили из флигеля какие-то люди. Только люди эти были такие, что и взглянуть страшно...

Брали их на рассвете. Дом обложили, стрельбу подняли, соседей перепугали насмерть. Петька в перестрелке уцелел, получил двадцать пять и отправился туда, откуда недавно явился.

Через положенное время Лушка вернулась. Опять с младенцем на руках. Только младенец на сей раз девчонкой оказался. Нарекла Ньюкой,

устроила, как пришлось, и все началось сначала. Пьянки и воровство, гулянки и проводы. В тюрьму проводила Прокурора, в колонию – Оперативника. Встретила Следователя и опять провожала, встречала и провожала. Быстро старилась, становилась тощей и страшной. Хирел и ее притон – все меньше и меньше народа заглядывало во флигель, все реже и реже слышны были оттуда крики и брань. Наконец и вовсе стало тихо. Оборванные, грязные таскались теперь целыми днями мать и дочь по базарам, крутились на вокзале, терлись среди цыган. Лишь к вечеру тянулась из трубы флигеля тонкая струйка дыма, а из окон виден был тусклый свет.

Неожиданно вернулся Петька. Лушка и не думала, что когда-нибудь его увидит, но срок свой отбывал он в урановых рудниках – ему день за два и посчитали. Скрюченный, лицо синее, голова бритая, вся в болячках. Зашел, встал на пороге, оглядел все кругом, чуть задержал взгляд на Нюрке. Бросил мешок в угол, сел на лавку. Молчал. Лушка поставила бутылку, стакан, собрала закуску. Петька первый стакан выпил, посидел, выпил второй. Занюхал корочкой, закусывать не стал. Еще молча посидел, встал, подошел к Нюрке, схватил ее, бросил на кровать.

– Ты что, спятил? – завопила Лушка.

Бритая голова медленно повернулась, в глазах блеснуло.

– Зарежу, – тихо прошептали синие губы.

На мокром деле взяли Петьку: не то за кошелек, не то из удовольствия человека зарезал. Дали расстрел.

Убогая, высохшая старуха жила во флигеле одна, сыновья ее сидели по тюрьмам, дочь ходила по рукам. Никому не было дела до нее, да и ее уже ничто не интересовало на этом свете.

Совсем захирел и флигель. Покосившийся, вросший в землю, стоял он и грустно смотрел в небо своей латанной-перелатанной крышей. Видно, чувствовал, что недолго ему осталось. И однажды, когда тощая, сморщенная старуха внесла в дом охапку дров и, не разгибая спины, бросила ее возле печки, шум раздался не снизу, а сверху. Подняла было Лушка голову, но увидеть уже не успела, – прогнившая балка, уложенная наскоро полвека назад, рухнула, а за ней обвалилась и крыша.

Похоронили Лушку за казенный счет. Рабочих прислали флигель разобрать. Рабочие флигель разобрали, часть вывезли, а из остального поставили уборную. Уборная получилась большая, просторная, и кому доводилось ей пользоваться, никак не могли понять – зачем это в таком маленьком дворе такая большая уборная. ●

Александр Липков (Москва)

КИНОЕВРЕИАНА – 91

Косяком пошли фильмы на еврейскую тему. А если не на еврейскую, то с каким-нибудь персонажем-евреем, а если даже и без такового, то с обсуждением каких-то связанных с евреями проблем. Евреи-режиссеры стали плодиться и множиться и, естественно, потянули за собой шлейф еврейской тематики. А поскольку тематика эта долгие годы была запретной, то оказалась она весьма притягательной и для режиссеров-неевреев.

Доходит почти до курьезов: три экранизации одесского цикла Бабеля почти одновременно! В доброе старое время самому народному и лауреату Иосифу Хейфицу и одну не позволили поставить. И остались мы тогда без Бени Крика – Высоцкого, без Сергея Лукьянова – Менделя, без Татьяны Дорониной (той, молодой еще) – Марусечки. Да что там говорить, даже чудом поставленную в качестве курсовой работы на Высших режиссерских курсах ленту Ивана Дыховичного по Бабелю «Про Элиа Исааковича и Маргариту Сергеевну» зампред Госкино СССР Борис Павленок не допустил к показу ни на одном фестивале, хоть предложений было достаточно.

Случалось, на арийское происхождение проверяли и актеров. Запрета на профессию евреям, правда, не было, но когда дело касалось героев по начальственным меркам положительных, то догляд был особый. А вдруг еврей станет претендовать на превосходство перед «старшим братом»? Судьба «Фокусника» Петра Тодоровского, официально не запрещенного, но зрителями так и не увиденного, определена была именно тем обстоятельством, что фокусника Кукушкина играл Зиновий Гердт, внешность которого говорила сама за себя. Бескорыстный чудак, готовый раздать все людям, был авторам явно симпатичнее, чем его начальник, сыгранный Евгением Леоновым. Те же соображения сыграли немалую роль в судьбе чуть было не смытой ленты «Операция "С новым годом!"» Алексея Германа: очень уж раздражал начальство Ролан Быков в роли партизанского командира Локоткова, которому была отдана авторская любовь.

Не будем вспоминать, как рубили евреев на приеме во ВГИК, а тех, кто все же прорывался, мариновали потом годами, не давая дебютировать. Как ложилось на полку все, связанное с самим фактом существования евреев (достаточно назвать «Комиссара» Александра Аскольдова и «Тему» Глеба Панфилова, неосторожно затронувшую проблему эмиграции).

И вдруг прорвало. Что случилось? Неужели кончился антисемитизм? Хорошо бы, но так не бывает. Просто он из дела государственного опустился на уровень дела личного, иногда общественного, но не вмененного в служебную обязанность. Функции Суслова выполняют сегодня в меру своих сил общество «Память», журнал «Молодая гвардия», а, допустим, ведомства телевизионное и кинематографическое по этой части хранят лояльный нейтралитет.

Подхлестнула сдвиг в «кинематографическом еврейском вопросе» «реабилитация» религии и церкви. Вакуум, образованный крушением государственной идеологии, должно было чем-то заполнить, и заполнила его религия. Соответственно, экранное место Карла Маркса – единственного еврея, беспрепятственно допущенного в кино, – занял еврей Иисус Христос. Появились фирмы импортные («Иисус») и собственного производства («Мать Иисуса») на темы евангельские, библейские (американский телевизионный мультсериал «Суперкнига») или современные их парафразы («Руфь» Валерия Ахадова). Короче, зритель получил возможность вспомнить, а многие – впервые узнать не только о божьих заповедях, но и о роли евреев в их зарождении, а через это – в духовном движении человечества. Не знаю, что было большим криминалом в брежневские годы – упоминание о евреях или о Боге, но в любом случае поводом отправить на полку ленту Михаила Калика «Любить» были проходившие через весь фильм титры из «Песни песней» соломоновой. (В реставрированном варианте режиссер их восстановил.)

Увлечение, а скорее просто мода на религию, привели на экран многочисленные сюжеты религиозные и церковные; нашлось место и синагоге: в документальной короткометражке Герца Франка «Молитва», снятой единым непрерывным кадром, запечатлен момент общения с Богом иудейским.

Постепенно начало утрачивать инфернальные черты государство Израиль, наделенное таковыми многолетними стараниями антисемитов по службе и по призванию. Результаты их упорных трудов замечательно проявились в памятной истории с бандитами, угнавшими самолет, взяв в заложники школьный класс заодно с учительницей. Куда они потребовали себя доставить? Естественно, в Израиль, где их встретили... не с цветами, а с наручниками. Сегодня эта история уже стала сюжетом фильма Георгия Натансона «Взбесившийся автобус». Премьеры фильма в Москве еще не было, но зная кое-что о творчестве этого режиссера, не жду не только художественных откровений, но и профессионального уровня, возвышающегося над самым средним.

Частично фильм снимался в Израиле. Советский кинематографист в эту страну сегодня зачастил и, судя по всему, не без приятности. Пусть «Неизвестный Израиль» А. Буримского – фильм вполне туристского свойства, но примечателен он уже тем, что о своем предмете говорит с симпатией, интересом и даже оттенком зависти: вот же, живут себе нормальные люди в нормальной стране, которую любят, которой гордят-

ся, в которой все сделали своими руками. Не успел посмотреть еще один документальный фильм на сходную тему – «Рай и три процента» об израильских киббуцах (производство «Киностудии независимых»), но знаю, что оба сняты при участии израильских кинематографистов, о чем в былые годы и помыслить было невозможно, а сегодня – на тебе: и в «Паспорт» Данелии, и в «Мать Иисуса» Худякова вложены «сионистские» шекели. Разгул масонов дошел до того, что в советском фильме снимается израильский актер (Иосиф Поллак из тель-авивской «Габимы» в «Изгое» В. Савельева, студия им. А. Довженко), советскую киностудию возглавляет израильский режиссер (Михаил Калик делает на студии Горького фильм по мотивам собственной биографии), а патриоты не бьют в набат!

Стали позволительными для экранизации произведения литературной классики, так или иначе затрагивающие еврейскую тему. Правда, и в прежние годы, случалось, просачивались на экран предосудительные «пятипунктники» («Степь» Бондарчука по Чехову, «Маленькие трагедии» Швейцера по Пушкину), но заведомо не могло попасть на экран произведение, главным героем которого был еврей. Пример тому – снятый на Одесской киностудии «Гамбринус» Дмитрия Месхиева по Куприну. Кстати, и в другой экранизации писателя, в «Яме» Светланы Ильинской (студия имени А. Довженко), евреи тоже не были забыты и получили достойное место в колоритном ряду посетителей заведения под красным фонарем.

Перестала быть табуированной тема Голокауста. Никто теперь, говоря о жертвах Бабьего Яра, не спешит присовокупить спасительный пассаж, что там-де погибли и люди других национальностей. Евреям позволено взглянуть в собственную историю, поучительную, кстати, не для них одних. То, что первые ленты, касающиеся этой темы, сделаны советскими документалистами для зарубежных фирм («Собибор» Павла Когана, снятый для голландской фирмы; «Из бездны. Люди и война» Марины Голдовской, «Эко-медиа», Австрия), – обстоятельство вполне объяснимое косностью советской системы, вроде бы и отрешившейся от государственного антисемитизма, но не избавившей режиссеров от его психологического давления. И тем не менее кое-кому преодолеть психологический барьер удается. Подтверждение тому хотя бы «Дамский портной» Л. Горвица, где в советском кино впервые вспомнили про Бабий Яр, впервые воссоздали страшное шествие евреев навстречу гибели. Впрочем, отдавая должное гражданскому и национальному чувству режиссера, не могу столь же высоко отозваться о его чувстве кинематографа. Фильм похож на старательно снятый театральный спектакль с хорошими, по-театральному играющими актерами (приятно видеть И. Смоктуновского в роли еврея, но здесь он явно не на уровне своего Гамлета или дяди Вани), режиссерский инструментарий автора более чем умерен, что-либо принципиально новое в разработке темы, давшей многие прекрасные фильмы, в том числе и шедшие в начале 60-х на советском экране – «Эшелон из рая», «Звезды», «Магазин на площади» и др., – обнаружить трудно.

«Дамского портного» сделала независимая фирма «Фора-фильм».

Момент примечательный. Независимые на то и независимые, что ни с кем ничего не утрясают, поскольку делают все на свои деньги. Им, конечно, потом придется получать разрешительное удостоверение, но для отказа нужны внятные причины – личный антисемитизм высокого киноначальника к их числу не относится.

Появление независимых стимулировало интерес к еврейской тематике не только потому, что они не ограничены в выборе материала, но и в силу изначальной ориентации на рынок. Надежда найти этот рынок за рубежом, где новоиспеченному советскому кинобизнесмену мерещатся богатящие евреи, страстно желающие видеть на экране своих российских собратьев, думаю, тоже одна из причин «экранной экспансии» малого народа.

Интерес к советской «киноевреиане» у зарубежных продюсеров в общем-то существует, но интерес этот отнюдь не благотворительный, а вполне прагматический. Не удивительно, что шведское телевидение приняло участие в постановке документального фильма «Миссия Рауля Валленберга» (сценаристы – Л. Гуревич, А. Роднянский, режиссер – А. Роднянский); интересовали шведов не евреи вообще, а их собственный соотечественник, чья трагическая судьба по-прежнему продолжает беспокоить мир.

Впрочем, фильм этот лишь условно можно отнести к интересующей нас теме, поскольку он о человеке, спасшем десятки тысяч евреев. Однако и в большинстве других случаев мы приходим к тому же: «еврейская тема» слита с иными человеческими темами, неотделима от них. Скажем, проблема эмиграции сегодня в СССР равно остра для всех. Характерна, кстати, перемена отношения к эмиграции – ведь в прежние годы кинематограф ни о чем подобном старался не вспоминать.

Документальный фильм Р. Нахмановича и Ю. Марьямова «Еврейское кладбище» примечателен уже тем, что об эмиграции в нем говорится как о нормальном процессе, вытекающем из тысячелетней истории евреев, из их естественного желания жить в своей стране, говорить на своем языке, молиться своему Богу. Для героев фильма это свершение их давней мечты, за которую они боролись, сидели в отказе, а иные и в тюрьме. Что оставляют они на той земле, где родились? Могилы. Если бы фильм был четче по мысли и форме, можно было бы сказать, что еврейское кладбище – это и есть страна, которую евреи покидают. К сожалению, мысль в фильме тонет в ворохе материала маловыразительного, художественно неосмысленного. На уровень реквиема он не тянет.

Если для авторов «Еврейского кладбища» эмиграция – свершение заветных чаяний, то для поэтической короткометражки А. Рудермана «Гуд-бай, СССР» она – трагедия. Речь в фильме идет не об эмиграции сугубо еврейской. В сутолоке шереметьевского аэропорта лица самые разные, нет лишь лиц счастливых. Не слышно слов, весь фильм как одна скорбная пауза: помолчим, прощаясь навсегда. Нужно сказать – фильм задержался доставкой. Вот если бы его снять во времена, когда аэропорт

в Шереметьево действительно становился рубежом бытия и небытия, тогда дело другое. Трагическая интонация все же присутствует – не пропадут ли наши люди за кордоном, найдут ли себя? И почему так равнодушна родная страна к покидающим ее сыновьям? Не буду выступать арбитром в споре двух этих лент. И если симпатии мои на стороне второй, то только по критериям художественным. В отличие от первой, она проходит по разряду искусства.

И еще по разряду искусства проходит получасовой фильм-документ «Шаббат», снятый дебютанткой Гульбахор Мирзоевой на «Таджикфильме». Речь в нем о бухарских евреях. Работа эта замечательна грустно-щемящей интонацией, нежностью, поэтической зоркостью взгляда, умеющего находить красоту в реалиях скудного быта. Она хороша умением вглядываться в лица, способностью жить всем тем, чем живут герои, – радостью надежд молодости и отрешенной мудростью старости, заботами будней и торжественной праздничностью субботы, горькой неизбежностью прощаний с теми, кто ушел навсегда, с теми, кто уезжает в Израиль.

Завершая тему, остановлюсь на прекрасной по искренности и мастерству документальной ленте Самария Зелинина «Исход», рабочую копию которой просмотрел в последний момент.

Фильм снимался в московских интеллигентских домах и в самаркандской махале, в синагоге и летнем лагере для чернобыльских детей, у ворот голландского консульства и в шереметьевском аэропорту. Сняты активисты «Иргун Циона» и общества «Память», процесс Смирнова-Осташвили и интервью с отцом девушки, сожженной в своей квартире единомышленниками теперь уже покойного «фюрера», сняты евреи, рассказывающие, что гонит их с насиженных мест, прощающиеся с близкими, с покинутыми жилищами, с землей, где столько всего было – счастья, грусти, надежд, отчаяния!

Замечателен финальный кадр – врезающийся в небесную синь лайнер, снятый через колючую проволоку аэродромной ограды, словно бы прорывающий ее, уходящий в свободу.

Глядя этот фильм, я впервые всерьез задумался о том, что всплеск еврейской темы в советском кино неминуемо скоро пойдет на убыль, – при таких темпах исхода делать еврейское кино в СССР скоро станет и некому, и не для кого.

Впрочем, когда это произойдет, никто не знает. Между тем общественные страсти, благодаря дозволенному плюрализму, выплеснулись на экран. Дело дошло до того, что ныне телепрограмма помещает рядом анонсы о встрече с Вадимом Кожинным, идеологом «Нашего современника», и передачи о фильме Клода Ланцмана «Шоах». На том же телеэкране, где лидеры разных ветвей «Памяти» спорят о принципиальной правильности именно своего антисемитизма, виноват, патриотизма, вдруг появились люди, называющие себя сионистами и нормальными человеческими словами объясняющие, что это такое.

Что касается «памятного» крыла, то в кинематографе оно представлено в весьма ослабленном виде. Начнем с экранизации романа Василия Белова «Все впереди», которой порадовал нас Николай Бурляев. Так как премьеру фильма он устроил в кругу почитателей своего таланта, то не приходится удивляться, что публика горячо приветствовала бескомпромиссного художника, наконец-то разъяснившего простодушному зрителю, кто виноват во всех его бедах. Персонифицирующий злокозненную нацию некто Бриш занят в картине тем, что привозит из-за границы желтые звезды в виде сувениров, почитывает журнал «Огонек» и спаивает доверчивого русского Иванова, бросая его на растерзание обнаженным девицам. Дома он оказывается причастен к аварии на производстве, а в грешной Франции склоняет к измене жену главного героя.

– Оглянитесь вокруг, – суммировал пафос своего творения автор, – и вы везде обнаружите бришей! Они захватили литературу, прессу, кинематограф. Они окружают алкоголизированного Ельцина и действуют в команде Горбачева.

Если черносотенная тенденция пока что не получила впечатляющего воплощения на экране, то самим черносотенцам в этом плане повезло больше. «Театр времен перестройки и гласности» Аркадия Рудермана дал колоритный портрет образчика этой человеческой породы, портрет тем более любопытный, что принадлежит он не к области экранной фикции, а к жанру документальному.

Героиня – сотрудник «Белорусской энциклопедии» Ирина Шеленкова, место – суд, где она судится с издательством, уволившим ее в связи с конфликтом вокруг заказанной ею статьи о Марке Шагале. В дни, когда отмечался столетний юбилей художника, местный партийный идеолог Бовш начал крестовый поход против сионизма и его прислужников, в том числе и Марка Шагала. В результате был положен на полку снимавшийся на студии фильм о художнике, изъят с выставки его скульптурный портрет, а уже написанная для энциклопедии статья заменена на пасквиль. Шеленкова воспротивилась, а этого ей простить не могли.

«Театр времен перестройки и гласности» закончен не был. Студия остановила производство, объявила фильм несуществующим и отказалась выдать материал Союзу кинематографистов СССР. Но страна фильм все-таки увидела: Рудерман успел снять черновой монтаж ленты на видео. Эта запись и была показана по Центральному телевидению.

В целом антисемитизм в кинематографическом сообществе особым уважением не пользуется. Можно услышать, однако, и иные мнения. Скажем, Владимир Матусевич в передаче радио «Свобода» заявил, что со времен фашистского «Еврея Зюсса» не было на киноэкране фигуры еврея, воплощенной с таким же злым антисемитизмом, как это сделано в фильме Александра Прошкина «Николай Вавилов». Смею с этим мнением не согласиться не только потому, что знаю режиссера и настроение его ума, но прежде всего потому, что видел фильм на самом экране.

Естественно, неприятно сознавать, что Исай Израилевич Презент,

сыгранный Сергеем Газаровым, принадлежит к твоему племени. Но что поделаешь, фигура эта придумана не авторами и, как считают люди, знавшие Презента не понаслышке, никак не преувеличена в своей черной сути.

Как видно, мы все еще не можем излечиться от комплекса гонимого народа, видя в любом недобром слове по поводу любого еврея враждебность ко всему племени в целом. Оснований для такой реакции, конечно, предостаточно, и все же не стоит консервировать ее на века.

Тот же Сергей Газаров, который сыграл «антисемитского» Презента, в другом недавнем фильме «Сэнит зон» Ефима Гальперина появился в роли «положительного» отказника Миши, именующего себя диссидентом. То есть как бы загладил свою вину перед евреями. Не будем, однако, спешить с оценками, хоть вокруг фильма как произведения сильно «левого», высмеивающего КГБ и даже пострадавшего от цензуры, и поднят большой шум (из-за нее авторам пришлось отказаться от любезного их сердцу названия «Бля!»). Лично для меня этот опус – пример вопиющего непрофессионализма, бессмыслицы. Роль еврея-ученого, шляющегося по общественному сортиру с полным купюр чемоданчиком, украденным из чужого сейфа, простите, не кажется мне выражением любви режиссера к своему народу.

Чтобы завершить тему, вспомню еще один фильм, камерный, скромный, весь погруженный в сегодняшний быт. Речь идет о «Ребре Адама» Вячеслава Криштофовича. Героиня фильма, которую играет Инна Чурикова, мается в своем «бабьем доме» с дочерьми, с матерью-паралитичкой, с самой собой, уставшей от одиночества. А одиночество, между прочим, оттого, что мать разрушила ее брак с евреем, который был и хорошим мужем и хорошим отцом. И хотя мать – антисемитка, эгоистка, стервоза, допекающая всех своими капризами, героиня ее любит. Ведь она – жалкое, беспомощное существо, нуждающееся в сострадании и защите.

Вообще-то персонаж-еврей, ставший обычным для многих нынешних советских лент, в большинстве случаев нужен авторам просто потому, что в его судьбе и характере контрасты и конфликты, свойственные и иным представителям рода человеческого, обозначены острее. Думаю, мало что изменилось бы, если бы саксофонист из «Такси-блюз» Павла Лунгина оказался неевреем. Но раз уж он еврей, тем острее контраст между ним, человеком, с помощью музыки «разговаривающим с Богом», и гегемоном-таксистом, персонажем во всех отношениях приземленным, живущим физиологическими радостями бытия. Тем парадоксальнее ситуация, когда русский – сама целеустремленность и порядок, а еврей – гуляй-Вася, упивающийся до зеленых чертиков.

И в герои фильма Ираклия Квирикадзе «Путешествие товарища Сталина в Африку», разрабатывающего версию подготовки двойника для дряхлеющего диктатора, вполне мог быть взят и грузин и русский, но копия Сталина по имени Моисей, по фамилии Пичхадзе, исправный прихожанин синагоги, ко всему прочему еще и имеющий любовницу по

имени Фаина Каплан, – это как-то забавнее, колоритнее. Что ж, колорит – штука важная.

Вполне мог бы быть и неевреем герой «Шапки» Константина Воинова по сценарию Владимира Войновича. Это злая, горькая и печальная история о писателе Рахлине, авторе тринадцати книг, вступившем в яростный бой с бюрократами из родного творческого союза за меховую шапку, ставшую для него чем-то вроде шинели Акакия Акакиевича. Шапки в союзе, как известно, распределяются соответственно месту писателя в номенклатурной иерархии, а потому право на приличную шапку становится для героя синонимом права на самоуважение. Все то же самое, впрочем, могло бы произойти и не с русскоязычным, а с русским писателем. И все же выбор национальности героя, очевидно, не случаен. Еврей – это вдобавок к приниженности социальной еще и приниженность национальная. Это внутренняя закомплексованность и подавленность. Это предел терпения и покорности. И если уж такое существо взрывается – значит, перейдена последняя грань.

И даже «Паспорт» Георгия Данелия, действие которого в основном происходит в Израиле, к еврейским делам имеет отношение весьма косвенное. Прежде всего, герой фильма нееврей. Но у него есть брат, как две капли на него похожий, – так тот еврей, потому что его мать была еврейка. А у этого – грузинка, и сам он себя считает грузином, и в Израиль попал по глупой случайности. И мается, потому что хочет оставаться самим собой, быть прежде всего не евреем, арабом, русским, даже не грузином, а человеком. А раз так, то никто не только не хочет принять его за своего, но видит в нем чужого, шпиона, агента КГБ, короче, врага. Речь в фильме идет о ценностях общечеловеческих, а еврейская фактура просто оказалась и колоритной, и выигрышной, да и, как подсказывает опыт, именно еврейская эмиграция создала коллизии, таящие ни с чем не сравнимое богатство поворотов темы.

А вот в фильме «Попугай, говорящий на идиш» (копродукция с ФРГ) Эфраима Севелы, в прошлом советского сценариста, ныне американского писателя и в свободное от основной работы время кинорежиссера, ситуация словно бы нарочито обратная данелиевскому «Паспорту». Здесь герой на самом деле еврей и именно евреем хочет быть. Из уютного квартала родной Вильны мировая война потащила его по белу свету и в какие только передряги не втягивала! И всюду его числили то поляком, то англичанином, то французом, то русским, а ему хотелось домой, к маме, к тихому местечковому уюту, к попугаю, говорящему на идиш. Хотелось своего маленького счастья, в котором судьба ему категорически отказывала.

Севела – прирожденный рассказчик, и фабула его фильма придумана с юмором, со множеством занимательных поворотов и подробностей. Хуже обстоит дело с кинематографической формой. Автор полагается только на анекдот, на историю, на актеров, с которыми не слишком умеет работать, а второго – метафорического – плана в фильме нет. Великое

чаплинское умение, смеясь, говорить о трагическом Севеле, увы, не дается. Фильм выглядит плосковатой местечковой байкой, временами смешной, временами – трогательной, но не заставляющей ощутить трагизм судьбы маленького человека, прокрученного через мясорубку истории.

О «Закате» Александра Зельдовича стоит размышлять и писать всерьез. Это вольная фантазия на темы одесского цикла Бабеля, который одновременно экранизировали еще и Виктор Алейников, и Георгий Юнгвальд-Хилькевич. Фильм первого из них – мюзикл «Биндюжник и король» – и как мюзикл так себе, и как экранизация Бабеля тем более. Что касается «Искусства жить в Одессе», то тут вообще катастрофа. Господи, насколько все убого! И евреи, скверно, в анекдотическом ключе сыгранные талантливыми актерами – русскими и еврейскими, и романтический Беня Крик, в котором автору мерещится то ли граф Монте-Кристо, то ли Робин Гуд. Трудно поверить, что можно вот так читать Бабеля и ничего в нем не понять.

Чем отличен от этих фильмов «Закат» Зельдовича? Тем, что ни в чем на них не похож. За каждым кадром – огромный пласт культуры, умение чувствовать слово, экран, понимать язык искусства. А ведь бабелевское слово и экранного языка требует столь же гиперболизированного! Зельдович добивается этого обращением к условности, эстетизации кадра, пластики, движения, жеста, речи героев, местами – почти к балету.

Зельдович опирается не только на Бабеля, но еще и на документ и факт, на российскую послереволюционную историю. Судьбу Бени Крика он продолжает до финальной точки его жизненного прототипа – расстрела над склизкой раковиной в подвале одесской ЧК. Не нужен такой человек в светлом коммунистическом будущем...

Еще один пласт, важнейший в фильме Зельдовича – Библия. На семейную драму биндюжника Менделя Крика он смотрит сквозь призму истории царя Давида и его сыновей, из нее черпает ощущение вечного трагизма отношений отца и сына, их любви и ненависти, их необходимости друг другу и одиночества каждого наедине с собственной судьбой.

Это пронизывающее фильм дыхание Библии сообщает ему удивительную емкость, насыщенность, способность в едином экранном мгновении сказать бесконечно много. Таков завершающий кадр картины. Идет съемка фильма. Декорация Вавилонской башни та же, на фоне которой снимали и в прежние, дореволюционные годы, только действие уже иное: работницы в красных косынках размахивают красными знаменами. Камера панорамирует и открывает в просвете громаздящихся поодаль камней седого человека в библейских одеждах, а еще поодаль – двух молодых, извивающихся в любовной истоме женщин. Это Лот и две дочери его. А значит, и происходящее вокруг – Содом и Гоморра...

«Закат» Зельдовича, быть может, первый фильм, позволяющий говорить о еврейском кинематографе не просто как о некой новой тематической ветви того же самого советского кино, каким оно было и в годы

своего тотального «обезъевреивания», но как о явлении национальном, художественно уникальном, явлении высокой кинематографической культуры. А значит, о явлении, в равной мере принадлежащем культуре еврейской и общечеловеческой.

Постскриптум

После собственных огорчительных прогнозов, что евреев в России то ли уже нет, то ли скоро не останется напрочь, выяснилось, что они все же есть, причем в количестве весьма достаточном, чтобы фестиваль еврейского кино в Киновидеоцентре национальных кинематографий (так ныне именуется бывший кинотеатр «Москва» на площади Маяковского) прошел с преогромным успехом, вплоть до того, что смекалистый директор Расим Даргях-Заде арендовал просмотровый зал в соседнем проектно-м институте и крутил там ту же программу для невместившихся в основном зале.

Программа фестиваля заставляет пополнить «киноеврейяну» документальными фильмами «Только одна судьба» Петра Мостового, «Мир вам, Шолом!» Владимира Двинского, «Все хорошо» Юрия Хашеватского. Обойдемся по недостатку места без критических оценок названных лент, заметим лишь, что в каждой есть замечательные куски. Как много, оказывается, сохранилось старой хроники, запечатлевшей еврейский быт первой четверти века, обитателей местечек! Как страшны подлинные фото- и кинокадры (наверное, любительские съемки эсэсовцев) ужасов Голокоста! Как обаятельны в фильме Двинского жители Шаргорода, островка шолом-алейхемовского еврейства, чудом сохранившегося в наши дни! Как убийственно неопровержимы кадры, снятые анонимными авторами по горячим следам еврейско-армянского погрома, случившегося с год назад в Андижане! И что делать, если погромы (не только еврейские, но разве это утешает?) по-прежнему продолжают? И хватит ли горького еврейского юмора, чтобы повторять: «Все хорошо!»?

А вот известие с еще одного фестиваля, уже не еврейского, а всесоюзного, проходившего в конце мая в Сочи: приз критики получил на нем фильм Дмитрия Астрахана «Изыди», обратившийся к неиссякаемому материалу еврейских погромов.

Одним словом, киноеврейяна продолжается. Несть ей конца.

Шимон Маркиш (Женева)

В ДВУХ МИРАХ

Парижское издательство «Синтаксис» выпустило в свет мемуары Аарона Штейнберга*. Московская «Независимая газета» уже откликнулась, пока (предварительно!) – информационной заметкой, но информация перемежается похвалами книге и благодарностями тому, кто подготовил издание, женеvскому профессору Жоржу Нива.

Но кто такой Аарон Штейнберг? Что знал о нем читатель – российский или, скажем, американский – в прошлом? Да и ныне – что знает? Почти ничего. В старой, дореволюционной «Еврейской энциклопедии» его нет: слишком рано. Соответствующий том «Краткой еврейской энциклопедии», выходящей по-русски в Иерусалиме, еще не появился. Заглядываем в главную справочную книгу сегодняшнего еврейства – в «Encyclopaedia Judaica»: длинная (полторы колонки) статья о старшем брате нашего автора, Исааке Нахмане, левом эсере, первом нарконе юстиции в первом ленинском правительстве, плодовитом литераторе, писавшем на идиш, по-русски, по-немецки, по-английски, фигуре колоритной и характерной в самой несведенности концов с концами (крайне левый, народопоклонник, причем под народом следует разумеvть не еврейского бедняка, а русского крестьянина – и ортодоксальный еврей, строго блюдуvщий все заповеди, еврейский политик, одушевленный еврейскими национальными идеалами). Прекрасно, но нас-то занимает Аарон. Об Аароне – семь строк в виде добавки к Исааку Нахману. Вот они полностью: «Его брат ААРОН, род. 1891 в Двинске, писал на философские темы и преподавал философию в С.-Петербурге (1918-1923), переехал в Берлин в 1922, в Англию в 1934. Там продолжал писать, работал во Всемирном еврейском конгрессе, возглавляя отдел культуры до 1971 и выступая как представитель Конгресса в ЮНЕСКО с 1945. Писал о советской политике и о Достоевском, а также на еврейские темы». Вот и все. Не густо и, мягко говоря, не очень вразумительно.

Между тем Аарон Захарович Штейнберг – один из интереснейших деятелей русско-еврейской культуры, ничуть не менее яркий и представительный, чем его старший брат. Особенно интересен он для нас –

* А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет (1911-1928). Изд. «Синтаксис», Париж, 1991.

российских (и бывших российских) евреев. Он являет нам особого рода пример двучивилизационности, двойной культурной принадлежности – к русскости и к еврейству; эту особость я попытался бы определить (ценою риска навлечь на себя со стороны друзей из числа строгих христиан обвинение в кощунстве) словами из так называемого Афанасиева Символа веры: нераздельность и неслиянность. Только вместо «и» я сказал бы «но».

Аарон Штейнберг скончался в Лондоне в 1975. Умер не просто выдающийся организатор еврейской жизни в диаспоре, один из лидеров Всемирного еврейского конгресса – умер крупный деятель еврейской культуры, историк еврейской мысли и еврейского национального сознания, друг Дубнова и переводчик многих его трудов (в том числе десяти томной «Всемирной истории еврейского народа») на немецкий, один из основателей Еврейского научного института, знаменитого ИВО, ныне обретающегося в Нью-Йорке, один из тех, кто определил главные направления деятельности Мемориального фонда для развития еврейской культуры. Словом сказать, умер «профессиональный еврей», человек, посвятивший свою жизнь, свои труды еврейским заботам и еврейскому будущему. В предисловии к сборнику его работ «История как опыт», вышедшему по-английски посмертно, в 1983 (Нью-Йорк), доктор Герхарт Ригнер пишет, что еврейство было для Штейнберга пробною мерою для оценки разных идей и событий, что будь Штейнберг жив, он мог бы сказать: смотрите, снова оказывается, что мир будет судим по его отношению к еврейскому вопросу.

И вот на старости лет, уйдя от трудов, в конце 60-х, Штейнберг пишет (вернее, диктует на магнитофон – расшифровка пленок и составит рецензируемую книгу) свои воспоминания. Что же извлекает он из богатейших кладовых своей феноменальной памяти? Только то, что связано с Россией. «Мои встречи с русскими интеллигентами» – вот каково первоначальное, авторское заглавие этих мемуаров, заглавие многозначительное в своей простоте и даже бесцветности. Из него следует, во-первых, что писавший на семи языках, печатавшийся по-русски, по-еврейски (иврит), на идиш, по-английски, по-французски, по-немецки, по-испански, проживший полжизни в Англии и чуть ли не четверть жизни в Германии, Штейнберг до конца считал себя русским евреем, а русскую интеллигенцию – своей главною «питательною средой». И во-вторых – что он себя с этой средою не отождествлял, сознавал особость своего положения, свою «непринадлежность». А ведь он входил в число создателей и активнейших участников Вольфилы – Вольной философской ассоциации, которая стала последним бастионом свободы мысли (а во многом – и слова) в большевистской России, входил локоть к локтю и вполне наравне с Александром Блоком, Андреем Белым, Ивановым-Разумником. И, вспоминая, сознавал полностью значение Вольфилы и собственного в ней участия: «Оглядываясь назад, решаюсь сказать, что Белый, Блок, Иванов-Разумник и другие члены нашего содружества совершали в малых

размерах подвиг. На одном из первых собраний, посвященном декабристам, на тему «Зачем нужен напрасный подвиг», мы пытались подчеркнуть и доказать, что подвиги никогда не бывают напрасными» (стр. 79)... Уже в эмиграции он издал книгу «Система свободы Ф.М. Достоевского», которая выросла из его доклада в Вольфиле «Достоевский как философ». Лев Платонович Карсавин, которого без колебаний можно назвать великим русским мыслителем XX века, сделал для немецкого издательства обзор всего, написанного о Достоевском, и высказал убеждение, что «иностранцам не может быть доступен Достоевский, они не в состоянии понять его сущности, только русские могут понять и писать о нем. Чтобы понять Достоевского, кроме того, недостаточно быть только литературным критиком, надо быть еще и философом. И потому лучшей книгой о Достоевском является книга русского философа – и он (т.е. Карсавин. – Ш.М.) назвал мою работу «Система свободы Достоевского» (стр. 208-209). И опять-таки Штейнберг сознает достоинства и значение своей книги и предварившего ее доклада: «...Я был первым, кто в сердце своем провозгласил Достоевского национальным русским философом» (стр. 65).

Историка русской культуры привлекут в книге Штейнберга именно русские ее стороны и начала: Вольфила, ночной диалог с Блоком на тюремной койке в Чека, целая галерея портретов, столпы Серебряного века – Иванов-Разумник, Андрей Белый, Петров-Водкин, Карсавин, Брюсов, Шестов, Розанов... На редкость интересная зарисовка Горького... Неожиданный и захватывающий этюд об Ольге Форш... Попутные наброски многих более и менее известных фигур эпохи... Все это, как и должно быть, отмечено и разъяснено публикатором, Жоржем Нива, русистом высшего класса и мировой известности. Но автора этих строк притягивает еврейское начало. Не отношение русских интеллигентов к евреям (хотя и оно вполне заслуживает внимания, в частности – скрытый, а не то и откровенный антисемитизм многих, если не большинства), но то, как осмысляет и «переживает» свое еврейство обрусевший в первом поколении; обрусевший, но не ушедший, не порвавший, не оторвавшийся, иными словами – долженствующий чувствовать себя дома в обеих цивилизациях, еврейской и русской. Как чувствовал себя – самый яркий пример! – Исаак Бабель.

И вот оказывается: должен бы чувствовать, но не чувствует. Свидетельства тому разбросаны по всему тексту; попробуем дать краткую их сводку.

Во-первых, русский интеллигент, патриот своего отечества – и тут называются столь несхожие лица, как Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник, Петр Лаврович Лавров, – без русской речи, постоянно звучащей вокруг, жить не может. А Штейнберг – может: «Наблюдая себя, свое окружение и его отношение ко мне, я пришел к выводу, что не могу называть себя русским, таким русским, какими были Блок, Белый, Иванов-Разумник. У них любовь к своему языку напоминала религиозный восторг, что-то, что можно сравнить с обоготворением атрибутов Создателя мира»

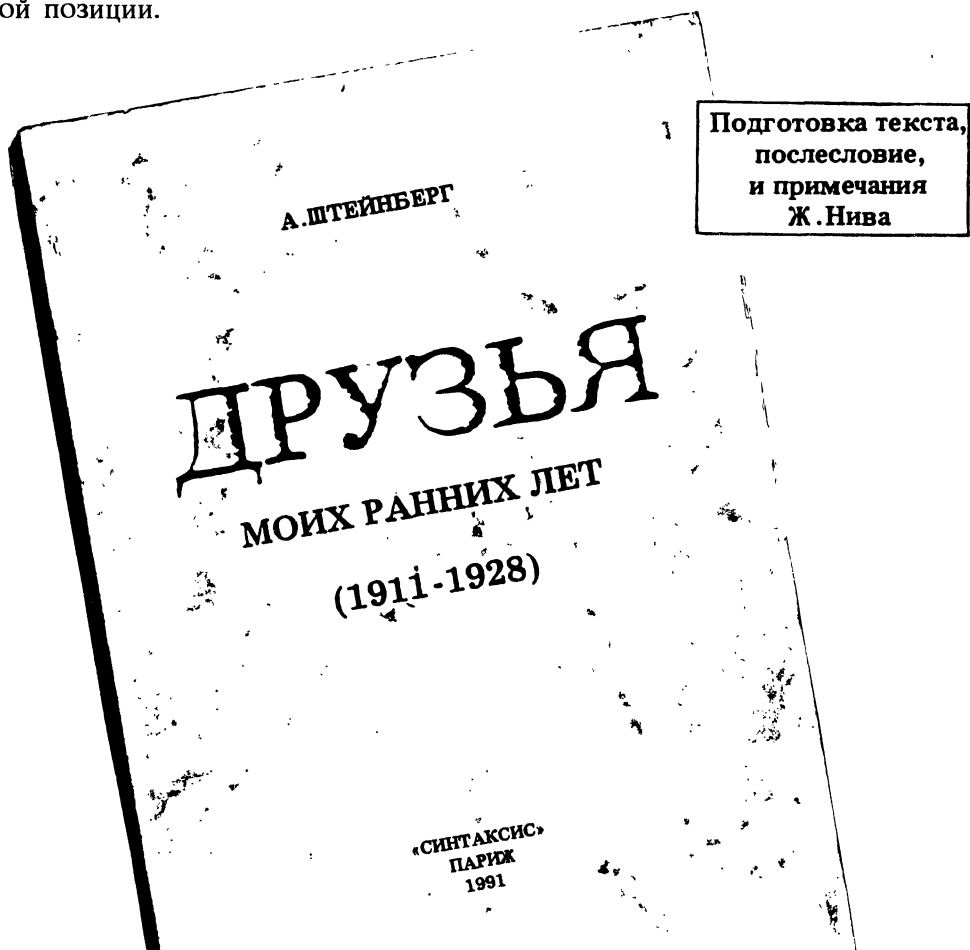
(стр. 127). (Заметим, кстати, что к перечислению Штейнберга не только можно, но необходимо прибавить, по крайней мере, еще одно имя – Иосифа Бродского.) И дальше, из своего разговора с Андреем Белым в Берлине, в эмиграции, в канун возвращения Белого в Россию: «...Не только вы, но и Александр Александрович Блок – русские патриоты, а я, при всей моей глубокой преданности и любви к России, – чужестранец. Если бы я был русским, как вы, то, вероятно, тоже не мог бы чувствовать себя как дома вне России» (стр. 128). Вспоминая прошлое, Штейнберг признается (или, скорее, просто констатирует): я всегда ощущал «колоссальное различие в отношении к России и ее будущему» евреев и «настоящих русских по природе» (стр. 195). Как человек верующий и соблюдавший религиозные заповеди и обряды, Штейнберг, по-видимому, соглашался со своим горячо любимым другом Карсавиным, что суть русского – это православие, и потому на замечание Карсавина, что в нем, Штейнберге, больше русского, чем чего-либо иного, возражал в высшей степени примечательно, своего рода апофтегмой: «Какой же я русский? Суть русского человека – православие. Как же я могу быть больше, чем я есть? Русский еврей – это я согласен. То, что Россия оказала на меня огромное влияние, – тоже согласен» (стр. 200). Здесь, впрочем, возникает важное мировоззренческое противоречие, которое я считаю совершенно необходимым подчеркнуть: всем, кто хотя бы мало-мальски знаком с писаниями и деятельностью Штейнберга, известно, что иудаизм не был для него необходимым и достаточным критерием принадлежности к еврейству. Чтобы не быть голословным, приведу свидетельство доктора Ригнера, на которого я уже ссылался выше: «Его концепция еврейства была универсалистской, всеобъемлющей. Он был верен и предан религиозному иудаизму, считал законы Галахи для себя обязательными и связывающими. Но он принимал и другие течения в еврействе, ... допускал все формы еврейского самовыражения и мысли, независимо от их происхождения – светские, религиозные, сионистские, идишские, сефардские, социалистические и любые иные». Как же, в таком случае, мог он, вслед за Карсавиным, сводить русское к православному?

С еврейской точки зрения, с еврейских позиций особый интерес представляет очерк о Льве Шестове, «русском Ницше», в котором Штейнберг усматривал «эллинско-иудейское двуединство», который после «долгих странствий по извилистым путям... «вернулся» к себе и «обратился» в веру праотцев, как он ее толковал» (стр. 238). Шестов – опять-таки особый случай двучивилизованности, глубоко отличный от Штейнберга, и говорить о нем надо особо и подробно. А потому ограничимся лишь одной выдержкой – из горячей тирады Иванова-Разумника в защиту Шестова: «...Евреи, отказывающиеся от еврейского происхождения, прежде всего, своего собственного, охвачены «древним ужасом», знаете: террор антиквус. Им нелегко жить без корней и почвы... И потому они настаивают, – на смех врагам, – что они русские, французы, немцы, что у них нееврейские национальные корни. ...Но Льву Исааковичу нет нужды утверждать себя как одиночку. У него есть корни. Его беспочвенность –

не без почвы (намек на одну из самых известных работ раннего Шестова «Апология беспочвенности», 1905. – Ш.М.). У него еврейская почва – мудрость тысячелетий...» (стр. 233).

Считая своего друга, в первую голову, русским, Карсавин пытался уговорить его перейти в православие, а отчаявшись в своих попытках, убеждал его, по крайней мере, примкнуть к модному в русской эмиграции движению евразийцев. Штейнберг вспоминает: «Я старался объяснить ему, что после нашей Вольфила я не в состоянии уже ни к чему присоединяться, а буду стараться делать свое дело, как могу, не знаю какое, какое Бог пошлет» (стр. 201). Бог послал еврейское дело. Но книга мемуаров Аарона Штейнберга свидетельствует: простившись с русским делом, уйдя с головою в еврейское, русский еврей остался самим собою до конца – нераздельным, но неслиянным в двух своих половинах-ипостасях.

Хорошо это или нет? Не берусь судить. Знаю только, что так бывало и так бывает сегодня. И с полным пониманием и уважением отношусь к такой позиции.

Григорий Шур

ВИЛЬНО, ГЕТТО, ДЕНЬ ПРЕДПОСЛЕДНИЙ

Отрывки из дневника

Эта рукопись – два десятка тетрадей – не дневник. На пожелтевших, небрежно исписанных листах ничего не говорится об авторе; слово «я» – непрменный атрибут любого дневника – здесь полностью отсутствует. Да и редко встречающиеся даты означают не день, месяц или год из жизни автора, а те или иные события в истории Виленского гетто, тот или иной этап на пути к его уничтожению, к гибели его обитателей. Чудом сотворенная и чудом сохраненная, рукопись Григория Шура – это материал для будущего историка. Но это и подвиг. Подвиг простого человека, страстно желавшего рассказать людям о последних днях Литовского Иерусалима, о невероятных страданиях и гибели земляков.

Об авторе, Григории Шуре, известно, что он был потомственным скорняком. Немецкие власти, устраивая «новый порядок», учли это и направили его на меховую фабрику «Кайлис», что расположена в предместье Вильны – Панарах, в двух шагах от недостроенного нефтехранилища, резервуары которого скоро станут братской могилой 76 тысяч евреев Вильны. Фабрика «Кайлис» производила столь ценное для немецкой армии теплое обмундирование, что ее долго не решались закрыть. И это спасало жизнь работавшим там евреям.

Спасало, но не спасло. Последняя «акция», описанная в дневнике Г. Шура, была в самом деле предпоследней; последнюю он не пережил. Впрочем, наш летописец отдавал себе отчет, что ему вряд ли удастся закончить свой труд: «... Мне кажется, я не успею все переработать, переписать и подготовить к печати. Пусть это сделает тот, кому попадут в руки эти черновики. Да простит он мне неряшливость, неразборчивость, несистематичность писания – условия работы были уж очень ненормальными...»

Призыв автора нашел отклик в душе московского писателя Владимира Порудоминского, который и подготовил к печати этот отрывок из рукописи, ждавшей своего часа около пятидесяти лет.

25 сентября 1943 г. Уже несколькими неделями раньше стало известно, что с приездом Кителя гетто в Вильне будет ликвидировано... Но никто не ожидал, что это произойдет так быстро. Еще накануне рокового дня из гестапо сообщили, что срок выдачи людей отложен до 25 сентября и что они требуют только тысячу мужчин. Но уже на следующий день все изменилось. «Акция» началась в пять часов утра. Гестаповцы вошли в гетто и потребовали выдать им тысячу здоровых мужчин. Представители гетто обещали выполнить требование и начали собирать людей. Но большинство мужчин спряталось, и до пяти часов вечера успели собрать только 600 человек. Гестапо предъявило ультиматум: до семи часов вечера требуемое число людей должно быть выдано. В противном случае немцы начнут брать людей сами. Недостающие 400 человек, по-видимому, не были найдены, и гестапо пустило в гетто эстонских полицейских солдат. Началась резня. Послышались взрывы гранат, стрельба из револьверов и пулеметов. Стали вскрывать «малины», т.е. заранее устроенные в стенах и погребках укрытия. Пробив дыру в стене или в полу, где находилась «малина», солдаты бросали туда ручные гранаты. Гибли сразу несколько десятков человек. Евреев, взятых живыми, поодиночке выводили из гетто, тщательно обыскивали, бросали в приготовленные грузовые машины и увозили. За каждым грузовиком ехала машина гестапо с установленными на ней пулеметами.

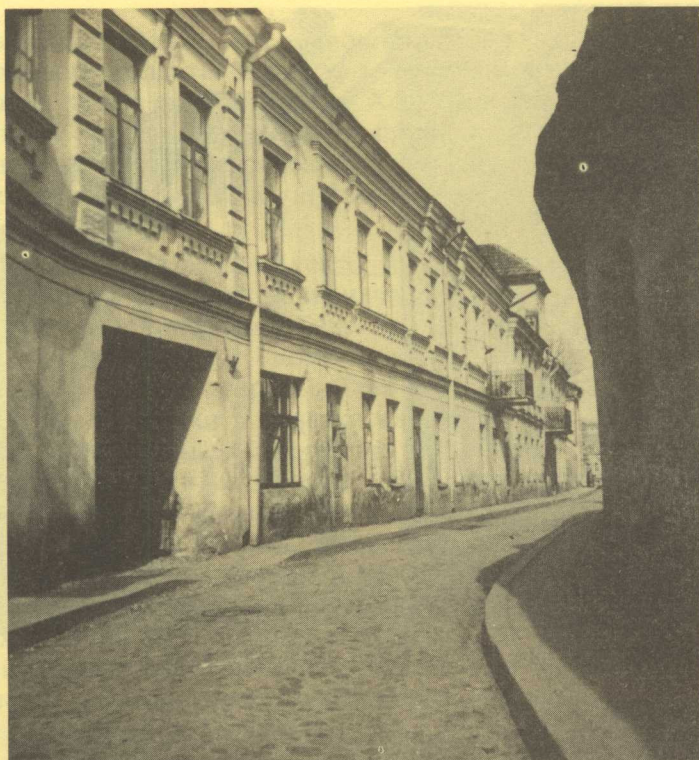
Первыми, еще до начала общей «акции», начали выводить молодых мужчин и женщин, которые принадлежали к организации, решившей защищаться с оружием в руках. Их, по-видимому, выдали провокаторы. Этих людей приводили в здание гестапо и страшно избивали, допытываясь о соучастниках. Иногда их даже возвращали назад в гетто, требуя показать места, где хранится оружие. Когда все эти молодые люди были захвачены, началась большая облава. Гестаповцы говорили, что, мол, вначале они требовали только тысячу мужчин, но так как сами евреи не дали к сроку этого числа людей, то теперь нужно сдать три тысячи человек. Но это, конечно, были только слова. Выходило, что евреи сами виноваты – не хотели добровольно дать тысячу человек, вынудив тем самым немцев прибегнуть к силе и взять больше. На самом деле началась полная ликвидация гетто. Люди, не имевшие приготовленных «малин», метались с места на место, некоторые прятались на крышах, чердаках и в погребках. Одна польская женщина, увидев спрятавшегося на крыше еврея, сообщила об этом гестаповцам. Окрестные жители уже ждали, как черные вороны, того момента, когда можно будет расхищать вещи, оставленные в гетто увезенными на расстрел евреями...

«Акция» продолжалась четыре дня: среду, четверг, пятницу и субботу 1 – 4 сентября 1943 г. Четыре дня и четыре ночи продолжалась кровавая драма виленского гетто, четыре кошмарных дня и четыре кошмарных ночи пережило его население. Увы, не все этот кошмар пережили. Несколько сот человек было убито на месте обломками взорванных домов, и около 8000 человек было схвачено и вывезено из Вильно...

В первый день хватали всех без разбору мужчин – кто только

УЛИЦЫ ГЕТТО

Из архива Э. Финкельштейна

Больничная улица. Малое гетто. Вильнюс, 1972 г.

Улица Гаона. Малое гетто. Вильнюс, 1976 г.

Еврейская улица. Малое гетто. Вильнюс, 1979 г.

Улица Страшуна. Большое гетто. Вильнюс, 1979 г.

попадался под руку. Без вещей и даже без шапок. Врачей в одних лишь больничных халатах эстонские солдаты погнали к воротам и бросили в грузовые машины. Женщин тогда еще не брали. Хаос был невероятный. Когда представитель гетто Генс увидел, что дела приняли катастрофический оборот, что существование гетто в опасности, он взял инициативу в свои руки и пришел к соглашению с гестапо о том, что выдаст требуемое число людей.

После этого эстонских солдат вывели из гетто, и «акцию» продолжала проводить еврейская полиция, которая первоначально разбежалась и спряталась. На помощь своим полицейским Генс призвал всех подонков, воров и ломовых извозчиков, которые помогали ему в предыдущей «акции» по «добровольному» вывозу евреев. Тем, кого г. Генс хотел спасти, он выдал специальные карточки и повязки на рукава как «вспомогательной полиции», и все они принялись энергично за «работу». Первым делом они начали выманивать людей из «малин». Для этого прибегли к такой хитрости: войдя во двор, где находилась «малина», полицаи громко, во всеуслышание кричали, чтобы все вышли, т.к. весь дом будет взорван. Когда люди выходили, их немедленно хватали и увозили. В других домах еврейская полиция объявляла, что если мужчины добровольно не выйдут, то кроме затребованных мужчин заберут также их семьи. И тогда жены сами уговаривали мужей добровольно выходить. Некоторые жены переодевались в мужское платье и уходили вместе со своими мужьями...

Генс хотел во что бы то ни стало собрать нужное число людей и выдать немцам, чтобы только избежать вступления гестаповцев в гетто. Но людей все еще не хватало. Чтобы заполучить сразу большое число людей, еврейская полиция пошла на обман: войдя в дом, где жили рабочие автомобильных мастерских, полицейские сказали им, что выведут их из гетто на работу в мастерские. Но когда рабочие в количестве 300 человек вышли, их окружили и вывезли на грузовых машинах из гетто прямо на железную дорогу, где тут же запихали в вагоны. Начальник автомобильных мастерских майор Плуге, человек приличный и очень энергичный, сейчас же поспешил на железную дорогу, чтобы спасти своих людей. Он пришел к соглашению с г. Кителем о замене хоть некоторой части необходимых ему для работы специалистов на других евреев. Около 50 человек уже были выведены из вагонов и готовились уйти, как вдруг появился начальник виленского гестапо Нойгебауэр и велел им немедленно войти обратно в вагоны. Таким образом, были забраны и те люди, которые приведены были для замены...

Одна группа молодых людей хотела было защищаться до последней капли крови. Они были хорошо вооружены и хотели вступить в борьбу с гестаповцами. Но г. Генс, узнав об этом, решил не допустить уничтожения гетто, к чему непременно привела бы такая схватка. Главная группа бойцов находилась в одном доме на улице Страшуна, и г. Генс всячески старался не допустить туда гестаповцев и их прислужников. Он говорил им, что там нет мужчин, что там уже все проверено, что там находится только арестантское отделение. Таким образом удалось избежать катаст-

рофы... Приготовившаяся к самозащите группа была отстранена от борьбы. Во время «акции» в гетто были выключены электричество и вода. Были также взорваны минами три больших каменных дома, и под их обломками погибло несколько сот человек. Паника была неимоверная. Еврейская полиция была жестока и действовала предательски. Женщины и дети, а отчасти и мужчины, слыша взрывы и видя разрушения, стали сдаваться, вылезать из своих укрытий. Жены и дети, чьих мужей и родителей схватили в первые три дня, на четвертый день сами добровольно соглашались присоединиться к своим мужьям. Но мужчины были уже увезены. Несчастных отправляли группами сразу же, как только грузовики привозили их на железную дорогу. Товарные вагоны подавали составами по 50 вагонов в каждом на железнодорожную ветку на улице Россу, где был раньше склад дров и каменного угля. В каждый вагон назначался комендант из числа находившихся в нем людей. В вагон загружали хлеб, консервы и бутылки с водой, затем двери закрывались, закручивались проволочкой, пломбировались, и через несколько часов поезд отъезжал под охраной гестаповцев и вооруженных солдат. Куда везут этих людей, отдельно мужчин и отдельно женщин и детей, тогда никто не знал. От людей, уехавших в первых транспортах 5 и 25 августа, получили письма с пути. Но что с ними стало дальше, неизвестно. Умрут ли они от голода и холода на тяжелых каторжных работах или от пуль гестаповцев где-нибудь на лесной поляне, не все ли равно?..

После вывоза людей гетто выглядело как поле боя после затишья. Разваленные дома, засыпанные погреба, а под обломками – трупы людей. Живые люди выглядели тогда тоже как трупы. Почерневшие, исхудалые, с осунувшимися от голода и страха лицами, с воспаленными лихорадочными глазами, они бегали по улицам, спеша узнать, кто из знакомых остался в живых, кто вывезен и кто убит. Некоторые сошли с ума и бродили по улицам в тихом помешательстве, другие с воплями и дикими криками бежали по улицам гетто, ломая руки и заливаясь горячими слезами...

В понедельник 5 сентября 1943 г. виленское гетто было объявлено закрытым, т.е. никто не мог ни войти туда, ни выйти оттуда. На виленском вокзале был вывешен плакат, гласивший: «Вильно свободно от евреев». Действительно, ни один еврей не показывался больше на улицах города. Если немцы все же брали иногда евреев из гетто для работы, то они прежде всего снимали с них желтые латы. Еще задолго до последней «чистки» и закрытия гетто гестапо забрало оттуда тех, кто его обслуживал. Всех их, около 70 человек, они перевели на ул. Россу, где находились огороды гестапо и тюрьма для уголовных преступников-«арийцев». Этих евреев снабдили арийскими удостоверениями личности и сняли с них желтые знаки. Кроме того, на каждого из них был составлен акт, будто он совершил какое-нибудь уголовное преступление и приговорен к определенному сроку заключения...

В закрытом гетто уже оставалось только десять тысяч человек. Дороговизна там была неимоверная. Хлеб стоил около 100 рублей за килограмм, картофель – 60 рублей, масло – 300 рублей за килограмм.

Сообщение между евреями, жившими в гетто, и евреями, живущими в блоках «Кайлис» и других местах, было окончательно прервано. Раньше можно было ходить туда-сюда по желанию – в баню, в госпиталь за лекарствами, что-нибудь купить, с кем-нибудь повидаться и т.п. Теперь же все контакты были прерваны. В городе были устроены, кроме блоков «Кайлис» и гетто, еще несколько блоков: один при военном госпитале на Антоколе для 50-ти евреев, два – для рабочих военных автомобильных мастерских на Легионовой и Сиротской улицах. Все они стали теперь оазисами в пустыне; никакого сообщения между ними и каждым из них в отдельности с евреями гетто больше не было...

18 сентября 1943 г., в субботу, около 10 часов утра виленское гетто опять было окружено – теперь латышскими солдатами, переодетыми по обыкновению в немецкие мундиры, и в гетто вошел знаменитый г. Китель. Все поняли, что опять начинается что-то недоброе, и в ожидании новой «акции» люди стали разбегаться и прятаться в «малины». Полновластный хозяин гетто, г. Китель уселся на стул посреди Рудницкой улицы и потребовал, чтобы к нему немедленно явились 150 мужчин, якобы необходимых для работы в блоке военных автомобильных мастерских. Туда еще накануне охотно переехало около тысячи евреев, стараясь как можно скорее уйти из кошмарного гетто. Эти требуемые 150 человек немедленно явились. Тогда г. Китель потребовал еще 500 мужчин. Когда через несколько часов было собрано и это число, правда, уже не добровольно, а по выбору самого Кителя из состава так называемой «вспомогательной полиции», то г. Китель потребовал еще тысячу человек, а затем 2800 человек. Все поняли, что это не что иное как издевательство над несчастными евреями, и никто на улицах гетто больше не показывался. Между тем над опустевшими улочками гетто опустился темный вечер. Тогда г. Китель вдруг приказал всем собравшимся евреям, а также и тем, которые были уже загружены в большой грузовик, разойтись по домам. Вместе со своими солдатами он, опасаясь по-видимому темноты, ушел из гетто, сняв также и наружную охрану из латышских солдат. Говорили, что он получил какой-то приказ из гестапо «приостановить эту работу»...

Гетто осталось одно – без руководителя и самого заботливого истинного хозяина г. Якоба Генса, убитого гестаповцами несколько дней тому назад. Его заместитель, начальник еврейской полиции г. Деслер, видя приближающуюся катастрофу и конец гетто, сбежал вместе с начальником воротной стражи г. Левасом, не забывшим забрать портфель с золотом и крупными суммами. Гетто совершенно осиротело.

Среди оставшихся еврейских полицейских воцарилась анархия. Власть взяли в свои руки противники официальных ненавистных, продажных руководителей полиции гетто. Шапку убитого коменданта Якоба Генса надел Обергарт, бригадир еврейских рабочих на немецких амуниционных складах. Он перенял пост шефа полиции гетто. Раньше он все время ходил без желтых лат, считаясь у немцев «полезным евреем». Но став начальником, он не обнаружил ни организаторского таланта, ни умения ориентироваться в сложной обстановке.

В это время кое-кто пытался спастись из гетто через тайные наземные ходы, выводящие на соседние улицы вне гетто. При этом велика была опасность быть пойманным. Более безопасно, но несравненно труднее было выбраться из гетто по подземным каналам, устроенным для городской канализации и водостоков. Но чтобы из этих подземных каналов выйти на поверхность, нужно было предварительно подготовить выход из канала в какой-либо дом в городе. Подготовить себе такое могли только некоторые рабочие, например водопроводчики, которые раньше работали в городе при полицейских участках. Хождение под землей в низких канализационных каналах было сопряжено с огромными трудностями. Все время надо было двигаться в согнутом положении, сгибаясь кое-где, что называется, в три погибели, т.к. канал в некоторых местах был высотой всего 40-50 сантиметров. Иногда приходилось пролезать даже лежа на животе. Воздух в каналах был тяжелый, мокро и грязно было повсюду. Только на разветвлениях улиц, в подземных башнях, можно было отдохнуть и выпрямиться. Чтобы пройти подземными каналами одну улицу, нужно было потратить целый день...

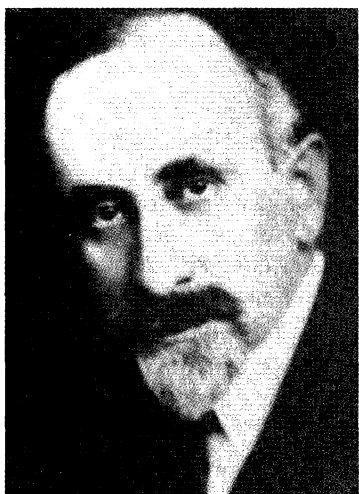
После вывоза людей в первых числах сентября и закрытия наглухо гетто, пошли слухи, что с понедельника 20 сентября 1943 г., т.е. через два дня, гетто перейдет из подчинения гестапо в ведение немецкой армии или обычной немецкой полиции. Говорили, что с 20 сентября гетто будет называться рабочим лагерем, где работающим будут давать, как во всех рабочих лагерях, по 42 декаграмма хлеба, два раза в день кофе и суп. Люди хотели верить, что это правда, тем более, что оставалось пережить одну ночь и один день – воскресенье. К тому же все думали, что в воскресенье, в праздничный день, вообще не будет никаких «акций», и с нетерпением ждали, когда минуют сутки. Но увы! Уже с самого утра в воскресенье 19 сентября 1943 года в гетто явился так называемый «особый отряд» литовских «активистов», которые, исполняя приказ гестапо, расстреливали евреев в лесу в Панарах. Опять началась страшная паника.

Все были уверены, что новая «акция» означает окончательную ликвидацию гетто. Хаос и паника усилились оттого, что в гетто фактически не было никакой власти, не было с кем говорить. Положение было поистине трагическое. Все думали, что настал последний день существования гетто. Как обидно! Евреи виленского гетто за последние два года пережили столько горя и лишений, столько страшных, мучительных дней и ночей, и теперь, когда близко казалось освобождение, когда видится конец войны, нужно умирать от рук палачей. Нет! Это слишком безжалостная, слишком горькая ирония судьбы! Но... Вдруг, что за чудо! Неожиданно весь отряд страшных литовцев покинул гетто и ушел, приказав еврейским полицейским, стоявшим у ворот гетто, никого туда не впускать. Они, по-видимому, ожидали приказа вершителя еврейских судеб в гетто г. Кителя, но не дождавшись такового, сами ушли.

Что-то будет завтра? Что-то будет впереди?!

К УБИЙСТВУ ГЕНРИХА ЭРЛИХА И ВИКТОРА АЛЬТЕРА

В декабре 1941 г. в подвале Куйбышевского НКВД были расстреляны выдающиеся лидеры еврейского рабочего движения Г. Эрлих и В. Альтер.

Генрих Эрлих

Виктор Альтер

АМЕРИКАНСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ ВСЕОБЩЕГО ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА (БУНД) В ПОЛЬШЕ*

28 февраля 1943 г., Нью-Йорк

Дорогие товарищи,

С чувством глубочайшей скорби, величайшего возмущения и негодования узнали мы о новом трусливом убийстве, совершенном сталинской диктатурой, о расстреле ваших вождей, наших товарищей и друзей Генриха Эрлиха и Виктора Альтера.

Наша скорбь по старым друзьям и соратникам, погибшим от руки

* Сообщение из газеты «Социалистический вестник» № 5-6, от 6 марта 1943 г. Нью-Йорк.

палачей, была бы безмерно велика и в том случае, если бы они погибли в застенках фашистских разведок или Гестапо. Но во сто крат непереносимее и мучительнее мысль, что пламенные революционные социалисты Эрлих и Альтер, всю свою жизнь и все свои силы безраздельно отдавшие служению рабочему классу, беззаветно ратовавшие за идею единства рабочего класса, десятки лет бесстрашно боровшиеся у себя в Польше против реакции и фашизма, за сближение и единство с рабочими СССР, — пали от руки тех, кого они так страстно хотели считать братьями по классу и соратниками по социалистической борьбе.

И наше возмущение не знает пределов, когда мы видим, с каким наглым и разнузданным цинизмом сталинские агенты совершенно по-гребельсовски ими же растерзанные трупы социалистических мучеников пытаются облить грязью гнусной клеветы. Виднейших и любимейших вождей еврейского пролетариата продажные перья пытаются изобразить агентами польской охранки и наемниками Гитлера.

Увы, политический смысл этого убийства не подлежит более сомнению: подготавливая почву для монопольного господства во всех освобождаемых Красной Армией территориях, включая и значительную часть Польши, коммунистическая диктатура заранее расчищает себе путь, обезглавливая некоммунистические рабочие организации: неустойчивых и колеблющихся лидеров коррумпируют, мужественных и стойких вождей демократического социализма физически уничтожают.

Ведя эту политику, гибельную не только для судеб международного социализма, но, в конечном счете, и для самой русской революции, — как была гибельна политика Сталина в Германии в период прихода Гитлера к власти, как была гибельна политика советско-гитлеровского пакта (Риббентропа—Молотова.—Ред.) 1939 года, большевистская власть, выродившаяся в диктатуру тоталитарно-националистического типа, цинично рассчитывает на то, что сейчас, в момент побед Красной Армии, общественное мнение союзных стран не решится на резкий протест против убийства и клеветы в адрес социалистических вождей.

Возможно, что расчет большевиков оправдается в части, касающейся буржуазных слоев, которых -и судьбы мирового социализма, и судьба русской революции чрезвычайно мало занимают. Господствующие классы имеют свои собственные счета с большевизмом и свои собственные методы защиты от него. Но когда вопрос ставится в такую плоскость, это означает, что террористическая тактика большевизма наносит непоправимый вред всему делу обеспечения длительного мира и переустройства международных отношений на новых демократических началах. Из творческой и ведущей силы, какой наша великая страна могла бы стать при изменении режима в духе демократии, СССР, благодаря сталинскому терроризму, окончательно становится в сознании всех демократических слоев мира союзником, хотя и ценным в чисто военном отношении, но опасным политически для дела народной свободы. Морально же СССР стоит на уровне тех самых тоталитарных сил, против которых сейчас борется все свободолюбивое человечество.

Но еще гораздо более страшный, смертельный удар убийство Альтера и Эрлиха наносит всем надеждам мирового рабочего класса на создание атмосферы сотрудничества со страной, гордо называющей себя «страной строящегося социализма». Рабочим массам Европы и Америки не безразличны ни судьба мирового социализма, ни участь русской революции. Социалистические партии мира слишком хорошо знали Эрлиха и Альтера, чтобы поверить нелепым наветам ГПУ на этих честнейших и чистейших представителей демократического социализма в еврейском народе и в Польше. И тогда перед ними встает трагическая и неразрешимая проблема: как сочетать веру в будущее социализма с непререкаемым теперь уже, увы, убеждением, что господствующая в СССР диктатура сознательно ставит своей целью моральное и физическое уничтожение других ветвей международного социалистического движения, – если ветви эти не подчиняются добровольно коммунистической гегемонии и пытаются отстоять свое собственное представление о социализме как идеале, основанном на свободе и демократии?!

Выражая от имени нашей партии сердечное и товарищеское соболезнование вам, а через вас всем тем героическим еврейским рабочим, с которыми наша партия плечом к плечу боролась еще в годы царизма, мы твердо верим, что и ваша партия и весь международный демократический социализм не ослабнут в беспощадной борьбе против фашизма и всякого тоталитаризма, за те идеалы свободного и подлинного социализма, за верность которым трагически погибли ваши героические вожди – эти Матеотти еврейского социализма.

С товарищеским приветом,

Заграничная делегация РСДРП

Председатель *Р. Абрамович*

Секретарь *М. Кефали*

* * *

Виктор Эрлих (Нью-Хейвен)

КОНЕЧНО ОНИ БЫЛИ ГЕРОЯМИ

Поскольку мне посчастливилось родиться и вырасти в доме Генриха и Софьи Эрлихов и начать свою политическую деятельность в рядах движения, направляемого мудростью Г. Эрлиха и неиссякаемой энергией Виктора Альтера, я хотел бы предложить вниманию читателей несколько обрывочных воспоминаний об этих замечательных людях.

Позволю себе начать с воспоминания, относящегося, как мне кажется, к 1932 году, году 35-ой годовщины основания Бунда. Отец вернулся с юбилейного банкета, на котором главную речь держал Виктор Альтер. Помню, еще не успев снять пальто, отец сказал матери: «Сегодня Виктор

превзошел самого себя». «Он, что, был в ударе?» – поинтересовалась мать. «О да, – ответил отец, – но я не об этом. Виктор растрогал всех, потому что в кои-то веки говорил о себе. Он рассказывал, чем лично обязан Бунду». Я, разумеется, не могу припомнить в подробностях рассказ отца, но суть его осталась в моей памяти на всю жизнь. В тот вечер Альтер поделился с аудиторией ощущением большого личного счастья оттого, что ему удалось влиться в ряды движения боевого, жизнеспособного, тесно спланивающего людей, но в то же время позволяющего свободно высказываться, спорить, сомневаться, движения глубоко еврейского, но лишенного всякого национализма и шовинизма.

Смею добавить к этому, что будучи человеком одаренным и прекрасно образованным, Виктор Альтер мог сделать блестящую профессиональную карьеру и жить несравненно более комфортабельно. Даже посвятив себя социалистической идее, он мог найти место в основном русле польской политики, но предпочел связать свою судьбу с еврейскими трудовыми массами. Должен заметить, что Альтер руководствовался не амбициями и не жадой власти, а следовал голосу своей совести и чувству солидарности. И поэтому ему никогда не приходило в голову, что он, быть может, принес себя в жертву; именно поэтому он говорил о чувстве благодарности за то, что ему удалось стать членом той сплоченной и весьма боевой семьи, которой был Бунд. Возвращаясь к рассказу отца о тогдашнем выступлении Альтера, я вспоминаю, что был потрясен и самим рассказом, и тоном отца. Должно быть, я уловил в отцовском голосе гордость, которую чувствуют за любимого младшего брата, и сильнейшее чувство сопричастности. Для меня очевидно, что Альтер, говоривший от всего сердца, говорил и за моего отца.

Эрлих и Альтер и в самом деле были замечательной парой, ибо взаимно дополняли друг друга и в деле, и по темпераменту. Отец был главным редактором партийного органа «Найе Фольксцайтунг», главным знаменосцем Бунда и лидером фракции бундовцев в Городском совете Варшавы. Альтер возглавлял профсоюзное движение Бунда и снискал себе широкую известность как член Городского управления Варшавы от партии Бунд. В личном плане они походили друг на друга, но в то же время были очень несхожи. Они были сродни в том, что касалось их непоколебимой приверженности принципам, их величайшей гуманности и блестящего интеллекта. Но там, где Эрлих был рассудителен, беспристрастен, вдумчив и сдержан, Альтер легко загорался, был вспыльчив, задирист и импульсивен. Кроме того, в их настроении – особенно в 30-е годы – наметилась отчетливая разница. Мы, семья, хорошо знали, как необычайно глубоко у отца было развито чувство юмора. Оно особенно ярко проявлялось в те редкие минуты, когда он был свободен от общественных дел, – во время коротких летних каникул. Но по мере наступления зловещих 30-х годов я чувствовал, как в нем нарастает чувство тоски и уныния – не в личном плане, а, я бы сказал, в историческом. Отец, у которого чувство истории было в крови, был явно подавлен ощущением все нарастающей угрозы нацизма, представлявшего смертельную опасность всему тому, что было ему дорого. Альтер полностью разделял

взгляды отца на ситуацию в мире. Но было, однако, что-то неистребимое в его врожденной веселости и жизнерадостности. Этого «веселого воина», казалось, невозможно повергнуть в уныние.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, позволю себе вызвать к жизни несколько эпизодов, относящихся к более позднему времени.

Был сентябрь 1939 года. Через несколько дней после того, как гитлеровцы вторглись в Польшу, подверглась нападению Варшава.

По изначальному стратегическому замыслу, Варшаву предстояло сдать немцам, после чего ее должны были объявить открытым городом и создать вторую линию обороны в центре страны, вдоль реки Буг. Ночь с 6 на 7 сентября стала свидетельницей массового исхода из Варшавы. Молодые люди, способные носить оружие, но еще не призванные на военную службу, уходили на восток, чтобы присоединиться к отступающей армии (это предстояло и мне). Многие видные деятели нашего движения шли в том же направлении, чтобы не попасть в лапы наступающему врагу. (Следует заметить, что мэр Варшавы Стефан Старжиньский, чрезвычайно высоко ценивший Эрлиха и Альтера, хотя и был их политическим противником, умолял их немедленно покинуть город, ибо понимал, что они неминуемо окажутся в числе первых жертв нацистских палачей.)

Мы – я, мои родители, брат и невестка, Виктор Альтер и ряд других активистов Бунда – оказались в числе большой группы людей, уходивших на восток. По пути мы часто пересекались с отступающей польской армией и то и дело попадали под обстрел немецкой авиации. Помню один такой случай. Мы шли вдоль шоссе, когда над нашей головой появились немецкие самолеты. Мы все, конечно, бросились на землю. Все – но не Альтер. Когда ему крикнули: «Ложись!», он спокойно ответил: «По теории вероятности шанс, что в меня попадет бомба, чрезвычайно мал». И в этом был весь Альтер, сочетававший несокрушимый оптимизм с неестественным бесстрашием, подкрепляемым научными формулировками. На следующий день наши пути разошлись. Основная часть нашей группы направилась в сторону Пинска, Альтер же с несколькими другими товарищами избрал путь на юг – сначала в Люблин, а оттуда в Ковель, где 26-го сентября он и был арестован сотрудами НКВД.

Его поведение во время воздушного налета было одним из моих последних впечатлений о нем. Месяцы спустя отцу и Альтеру суждено было встретиться в одной из московских тюрем, и с тех пор их судьбы окончательно переплелись, причем самым трагическим образом.

Излишне говорить, что Эрлих и Альтер умерли так же достойно, как и жили. Вряд ли стоит напоминать, что два последних года их жизни не только лишний раз продемонстрировали нравственный облик и смысл борьбы двух этих людей, но и палаческую природу режима, в лапах которого они оказались. Политическая деятельность Эрлиха и Альтера в течение последних двух с половиной месяцев, что они были на свободе, – в промежутке между освобождением из тюрьмы в сентябре и исчезновением в декабре – служит ярким свидетельством того, что именно они считали своими морально-политическими приоритетами.

После московских процессов, после договора между Сталиным и Гитлером и - не в последнюю очередь - после двух лет, проведенных в советских тюрьмах, у Эрлиха и Альтера уже не оставалось иллюзий относительно сталинского режима. Но поскольку злейшего врага они все-таки видели в Гитлере, а союзников по смертельной борьбе выбирать особенно не приходилось, они были готовы взять на себя ведущую роль в Еврейском антифашистском комитете, создававшемся в то время под эгидой советского правительства. Может быть, мы так никогда и не узнаем, что произошло в ходе предшествовавших их исчезновению долгих переговоров с советскими властями по поводу состава и целей этого Комитета. Логично предположить, что занятая ими позиция убедила Сталина, - если у того и были какие-то сомнения по этому поводу, - что моральный авторитет вождей Бунда, которым предстояло воспользоваться для мобилизации еврейского общественного мнения в мире, послужит в послевоенные годы серьезным препятствием на пути осуществления коварных замыслов относительно Польши. (Сталину, очевидно, стало ясно, что ни Эрлих, ни Альтер не останутся пассивными перед лицом угрозы покушения на польскую независимость.) Таким образом, холодный политический расчет послужил, видимо, еще одним поводом для мщения, давно уже замышлявшегося. Сталин, должно быть, помнил - известно, что память у него была отличная, - как 7 ноября 1917 года Эрлих и другие представители социал-демократического лагеря покинули историческое заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в знак протеста против захвата большевиками власти в ходе т.н. Октябрьской революции.

Когда я думаю об испытаниях, выпавших на долю Эрлиха и Альтера в Советском Союзе, мне приходит на ум то, что я прочел в очерке Ксаверия Пружиньского «Два человека». Пружиньский был одаренным польским журналистом и эссеистом, придерживавшимся умеренно консервативных взглядов. Во время войны он занимал пост культурного атташе в польском посольстве в СССР, познакомился с Эрлихом и Альтером в Куйбышеве в период эвакуации и хорошо узнал их в те последние месяцы их жизни. Его свидетельство важно во многих отношениях. Оно рисует живой и в общем очень точный портрет этих людей. Более того, Пружиньский - польский интеллигент-дворянин - принадлежал к кругам, абсолютно чуждым еврейскому рабочему движению, и ему пришлось преодолеть естественное изначальное предубеждение, чтобы понять и оценить в полной мере всю глубину их порядочности и интеллекта. Приведу здесь отрывок из его воспоминаний. «Позднее мне как-то довелось разговориться с одним католическим священником, человеком умным и высоконравственным. Он сидел в одной камере с Эрлихом и Альтером. То был очень тяжелый период - СССР аннексировал прибалтийские государства, Франция уже пала, поражение Англии казалось неминуемым. Ксендз вспоминал о времени, проведенном вместе с двумя еврейскими социалистами. Их поведение произвело на него неизгладимое впечатление, хотя представлялось просто невероятным. «Я не мог понять, - заметил он, - как эти два человека, лишенные той моральной

поддержки, которую дает религия, могли вести себя столь твердо и достойно.»

Не приходится сомневаться, что в условиях чудовищного давления на человека религия может послужить источником мужества и стойкости. И тем не менее, взгляд этого католического священника представляется мне несколько односторонним, ибо не допускает мысли, что атеист может черпать моральную поддержку в идеалах лучшего и более гуманного общества, как в данном случае и было.

Одно из многочисленных преступлений советского режима состоит в том, что он сделал понятие «социализм» подозрительным, если вообще не ругательным, для многих порядочных и думающих людей, особенно тех, кто живет в странах бывшего «социалистического лагеря». Предоставим другим и дальше спорить о том, какие политические выводы следует извлечь из недавних событий в Восточной Европе. Во всяком случае, остается спорным вопрос о том, требует ли распад советской системы и внезапный крах режимов, навязанных Советами странам-сателлитам, пересмотра фундаментальной социалистической доктрины, – а этот процесс, смею заметить, уже довольно давно идет во многих социал-демократических партиях на Западе. Развал советской плановой экономики доказал, что система централизованного планирования как единственного руководящего принципа в экономике зашла в тупик. Но банкротство этой пародии на социализм никак не обесценивает и не бросает тени на основополагающую идею социализма – приверженность идеям политической свободы и социальной справедливости, – которая формировала жизнь Эрлиха и Альтера.

Закончу эти воспоминания на личной ноте. Около полутора лет назад мне удалось, наконец, установить контакт с моей двоюродной сестрой, живущей в Москве. Я знал о ее существовании многие десятилетия, но только теперь, в эпоху «гласности», благодаря оживившемуся обмену людьми между американскими и советскими академическими кругами, мне удалось наладить с ней связь и более или менее регулярно обмениваться информацией. (Как и большинство моих корреспондентов в СССР, сестра не доверяет советской почте.) В одном из первых писем сестры я прочел фразу об отце, поразившую меня. «Конечно он был героем», – писала она.

Эти слова потрясли меня и показались симптоматичными. Дело в том, что осенью 1941 года, в период между освобождением отца из московской тюрьмы и эвакуацией в Куйбышев, сестра часто видела его, так как он часто навещал моего дядю по матери, которого очень любил. Я прекрасно понимаю, что характерные для отца достоинство и мягкость поведения могли произвести большое впечатление на девочку и покорить ее, а уважение и любовь, которые мой дядя питал к отцу, отложились и в ее душе. И все же я задаюсь вопросом: могла ли она еще тогда, в 1941 году, до конца понять его моральную позицию? Мне кажется, что ее видение отца как героя, скорее всего, являет собой результат более зрелых раздумий в нынешний период пробуждения от кошмаров преследований и предательств, в период поисков – пусть болезненных – правды о последних

74 годах российской истории, которые ныне охватили думающую часть русского общества.

Одной из основных тем в нашей с сестрой переписке было горячее желание воспользоваться случаем, чтобы попытаться выяснить истинные обстоятельства расправы над Эрлихом и Альтером и, что не менее важно, – довести это до сведения общественности в СССР. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Несколько месяцев назад в одном из русско-еврейских изданий, выходящем в Ленинграде, была опубликована статья, в которой приводились основные факты о деле Эрлиха и Альтера, уже известные на Западе.

Будет ли слишком самонадеянным ожидать, что когда обстоятельства зверской расправы над двумя еврейскими социалистами станут известны широким кругам советского общества, имена их не будут просто внесены в список очередных жертв сталинского режима? Оправдается ли надежда, что истинные российские демократы сочтут себя должниками этих двух людей, отдавших свои жизни в борьбе «за вашу и нашу свободу», выражаясь словами тех, кто боролся за независимость Польши в 19-м веке?

* * *

ПОСЛЕДНИЕ НЕДЕЛИ ГЕНРИХА ЭРЛИХА И ВИКТОРА АЛЬТЕРА

Тов. Люциан Блит, представитель Бунда в Социалистическом Интернационале Молодежи и член Городской Думы города Варшавы, недавно прибыл в Лондон после двух лет пребывания в Советской России. Вот что он рассказывал в газете «Работник Польски» (орган ППС в Англии) о последних неделях тт. Эрлиха и Альтера.

Освобожденный в сентябре 1941 г. на основании польско-советского договора из концлагеря под Архангельском, тов. Блит 30-го октября приехал в Куйбышев и поселился в Гранд-Отеле, в одной комнате с жившими там тт. Эрлихом и Альтером. С разрешения Интуриста тов. Блит прожил в этой комнате до 4 декабря, до момента, когда обоих вождей Бунда арестовали.

В течение этих пяти недель тов. Блит имел возможность не только ознакомиться со всеми деталями и обстоятельствами жизни товарищей Эрлиха и Альтера за истекшие два года, но и самым подробным образом обсудить с ними все политические проблемы и задачи.

Как известно, т. Эрлих был арестован в конце сентября 1939 г. на вокзале в Брест-Литовске. После нескольких дней содержания в местной тюрьме, его перевезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. Там его без конца допрашивали разные следователи НКВД, а один раз его удостоил подробного допроса «сам» Берия.

Больше всего следователей интересовало отношение Бунда к всевозможным проблемам и явлениям общественно-политического характера, но не было недостатка и в попытках «пришить» ему уголовно-полицейское дело. Так, от него требовали, чтобы он «признался» в организации, при помощи польской Дифензивы (контрразведки), актов саботажа и террора на территории СССР.

Эрлих на все вопросы отвечал письменно, обширными докладами и разъяснениями. Делал он это – как потом объяснил Блиту – для того, чтобы в архивах советского правительства осталось нефальсифицированное отражение взглядов и деятельности Бунда в Польше.

Когда произошло нападение Гитлера на Советскую Россию, Эрлиха перевезли из Москвы в Саратов. В июле 1941 г., т.е. через месяц после начала советско-германской войны, его привели в небольшую комнату в тюрьме, в которой за столом сидело несколько военных – все высшие офицеры. Ему объявили, что это военный трибунал, который его тут же будет судить. Один из офицеров выступил в качестве прокурора. Защитника Эрлиху не дали. Ему было предъявлено обвинение в актах террора против граждан СССР и в приготовлениях к вооруженному нападению на Советский Союз в сообщничестве с фашистами. Эрлих в обширной речи дал ответ на предъявленное «обвинение». После очень краткого совещания трибунал вынес Эрлиху смертный приговор, причем ему не было дано право апелляции или прошения о помиловании. Его немедленно перевели в камеру смертников, в которой он просидел около двух недель, – до того момента, когда ему было объявлено, что смертный приговор заменен 10 годами исправительных работ.

Аналогичный путь проделал и тов. Альтер. Он был арестован в конце сентября 1939 г. в городе Ковеле. После нескольких недель пребывания в местной тюрьме, его перевезли в Москву, в те же Бутырки, что и Эрлиха, но они друг о друге ничего не знали.

Очень часто брали на допросы и Альтера, но, в отличие от Эрлиха, он отвечал очень лаконично: «Это ложь», и больше ничего. Несколько раз тов. Альтер прибегал к голодовкам. Иногда для того, чтобы отстоять свое человеческое достоинство, иногда из солидарности с другими товарищами по камере. В общей сложности он голодал более 30 дней. Этим путем он добился, между прочим, права писать научную работу (по физике). Для того, чтобы сломить его строптивый дух, его перевели на несколько дней в каторжную Лефортовскую тюрьму в Москве. Тем не менее Альтер, как и Эрлих, отказался подписать «признание». В июле 1941 г. его, как и Эрлиха, судил военный трибунал и приговорил к смертной казни. После 12 дней пребывания в камере смертников, ему объявили о замене смертного приговора 10 годами исправительных работ.

Освобождены вожди Бунда были в октябре 1941 г., причем высшие чины НКВД выразили им официально, от имени советского правительства, сожаление по поводу «ошибки, которую совершили некоторые органы НКВД, держа их в тюрьме, предавая их суду» и т.д. Полковник НКВД Арон Волковичский, один из наиболее влиятельных руководителей этого

учреждения, немедленно после освобождения нанес им визит как представитель правительства СССР и выразил пожелание, чтобы они забыли об обидах, которые им были нанесены. Их поместили в «Метрополе» – одном из самых роскошных московских отелей, дали им по несколько тысяч рублей в возмещение «убытков» и т.д. Старания советского правительства предоставить тт. Альтеру и Эрлиху хорошие материальные условия объяснялись тем, что после двухлетнего пребывания в тюрьме они находились в состоянии чрезвычайного истощения и слабости. Чиновники польского посольства, которые видели тт. Эрлиха и Альтера через несколько недель после их освобождения, рассказывали Блиту, что Альтер и Эрлих были просто неузнаваемы, до того они постарели и физически опустились.

Упомянутый уже полковник НКВД Арон Волковыский, который, кстати, позже стал представителем советского Генерального штаба при высшем командовании польской армии в СССР, – сейчас же после освобождения Эрлиха и Альтера обратился к ним от имени советского правительства с предложением создать Еврейский антигитлеровский комитет наподобие образованного в сентябре 1941 г. комитета Славянского.

После совещания с польским посланником в Москве профессором Станиславом Котом, Эрлих и Альтер выразили согласие на создание такого комитета. Состоялся целый ряд совещаний между ними и представителями советской власти. В одном из таких совещаний принял участие и Берия.

Был выработан устав этого комитета, план работ и т.д. В президиум Комитета должны были войти Эрлих в качестве председателя, известный еврейский артист Михоэлс в качестве вице-председателя и Альтер в качестве генерального секретаря. Обсуждался вопрос о посылке делегата в Соединенные Штаты, и на эту роль был намечен Эрлих. НКВД перевел в Москву из различных провинциальных городов ряд польских бундовцев, которые должны были принять участие в работах Комитета (в числе их был доктор Шрейбер из Кракова, который позже умер в СССР).

Представители советской власти выразили свое согласие с политическими задачами и методами работы проектируемого комитета, заявляя только, что окончательное решение может быть принято лишь с одобрения Сталина. По соглашению с Берия, Эрлих и Альтер представили соответствующий доклад на имя Сталина.

Как раз в этот момент началась эвакуация Москвы. Вместе с правительством и польским посланником были эвакуированы и тт. Эрлих и Альтер. В Куйбышеве органы НКВД просили их подождать решения вопроса Сталиным, которое-де будет им своевременно сообщено. Полковник Волковыский советовал заранее приготовить целый ряд документов – как, например, воззвание к еврейским массам в Польше и в Соединенных Штатах.

Во время пребывания в Куйбышеве тов. Блит несколько раз был свидетелем такого рода совещаний между представителем НКВД, фамилия которого была, как кажется тов. Блиту, Хазанович, и тт. Альтером и

Эрлихом, причем Хазанович все время заявлял, что ответа Сталина еще нет, так как он сейчас занят более серьезными делами, связанными с тяжким военным положением в России в тот момент.

3-го декабря 1941 г. Блит, в отсутствие Эрлиха и Альтера, принял телефонограмму Хазановича, который просил немедленно ему позвонить, ибо у него имеются для них чрезвычайно важные сведения, только что привезенные специальным курьером из Москвы. В половине первого ночи с 3-го на 4-ое декабря к столику, за которым сидели в ресторане Гранд-Отеля Эрлих, Альтер, Станислав Натансон и Люциан Блит, подошел служащий ресторана и вызвал Альтера к телефону. Через несколько минут Альтер вернулся к столику и заявил Эрлиху, что им нужно идти, что их вызывают и что они не прощаются с другими товарищами, ибо надеются очень скоро вернуться.

Но они не вернулись.

* * *

ПИСЬМО ЭРЛИХА И АЛЬТЕРА СТАЛИНУ

Председателю Совета Народных Комиссаров Советского Союза И.В. Сталину*

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Никогда еще цивилизованное человечество не сталкивалось с такой опасностью, как сегодня: Гитлер и гитлеризм стали смертельной угрозой для всех завоеваний человеческой культуры, для независимости всех стран и свободы всех людей на Земле.

Судьба рабочего движения и всего человечества зависит от исхода гигантской битвы, идущей ныне на всей огромной территории Советского Союза.

Борьба с этой угрозой требует огромного напряжения сил от всех тех, кто желает спасти себя, свою культуру и все человечество от фашистских варваров, возглавляемых Гитлером.

Гитлер стремится поработить всех без исключения – и народы, и страны. Но евреев он подвергает особенно зверским преследованиям. Он втоптывает в грязь человеческое и культурное достоинство еврейского народа. Он ставит евреев вне закона, даже вне своих собственных фашистских законов. Целью его, очевидно, является уничтожение всего

* Публикуется в обратном переводе с английского из сборника Henryk Erlich and Victor Alter, Ktav Publishing House, Inc. New York, 1990. Перевод А. Финкельштейн.

еврейского народа. Из этого ясно, почему еврейские массы должны принять участие в борьбе против гитлеризма с особенной энергией и самопожертвованием. Это касается еврейских граждан тех стран, где гитлеровское варварство перешло от угроз к жуткой реальности. В равной степени, это касается еврейских граждан во всех других странах.

Исходя из всего этого, мы, нижеподписавшиеся представители еврейского населения стран, ставших жертвами гитлеровской агрессии, считаем необходимым создать специальный Еврейский антигитлеровский комитет. В качестве инициативной группы мы обращаемся к Вам, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, как к Председателю Совета Народных Комиссаров Советского Союза с просьбой дать разрешение на создание на советской территории такого Комитета, чья работа будет основываться на следующих принципах:

1. Основные принципы

Вся деятельность Еврейского антигитлеровского комитета (в дальнейшем – ЕАК), и в первую очередь пропагандистская работа, должна исходить из убеждения, что:

а) освобождение еврейских масс от угнетения где бы то ни было, и от гитлеровских преследований в особенности, неразрывно связано со свободой всех народов, живущих в тех же государствах;

б) истинное освобождение еврейских масс от национального угнетения мыслимо только при условии существования принципа социальной справедливости как основы основ национальной жизни страны;

в) соответственно, еврейские массы во всех странах, рука об руку с другими массами населения, должны начать борьбу за социальное и национальное освобождение.

2. Цели:

а) всеми силами и средствами стимулировать и направлять энергию еврейских масс и, по возможности, еврейских общин во всех странах мира на борьбу с гитлеризмом;

б) организовать помощь еврейским массам в странах, оказавшихся под игом гитлеризма и фашизма. ЕАК намерен также оказывать помощь еврейским беженцам из этих стран, оказавшимся в настоящее время на территории Советского Союза.

В реализации этих задач ЕАК будет стремиться к постоянному сотрудничеству с правительствами и посольствами государств, борющихся против гитлеризма, на территории которых проживает значительное еврейское население.

3. Средства:

а) в Советском Союзе ЕАК будет стремиться к тому, чтобы установить постоянную связь с еврейским населением стран, поработанных гитлеризмом, чтобы получать точную информацию о положении там еврейских масс, поддерживать в них мужество и помогать им всеми мыслимыми средствами бороться против гитлеризма;

б) ЕАК намерен установить постоянный контакт с крупными центрами в Советском Союзе, где находятся беженцы из стран, упомянутых выше, с целью:

- способствовать тому, чтобы все беженцы призывного возраста, способные носить оружие, вступали в армии, создаваемые правительствами государств, гражданами которых они являются;

- организовать вспомогательные отделы, которые будут работать для армии и производства оружия;

- способствовать устройству на работу всех остальных беженцев в тех местах, которые будут для них выделены.

в) ЕАК намерен установить связь с рядом отдельных лиц и организаций в Соединенных Штатах, чтобы расширить и углубить антигитлеровскую пропаганду и укрепить кампанию, целями которой является:

- организовать в Соединенных Штатах максимальную поддержку Советскому Союзу в виде поставок амуниции и вооружений;

- предоставление СССР максимальных кредитов.

г) ЕАК намерен вовлечь еврейское население Соединенных Штатов в кампанию сбора финансовых средств, поставок продовольствия и оплаты расходов, связанных с организацией помощи еврейским беженцам из стран, оккупированных Гитлером, которые в настоящее время оказались на территории Советского Союза;

д) ЕАК вместе со своими американскими товарищами изучит также другие пути активного участия американских евреев в борьбе против нацизма в то время, когда наибольшая тяжесть этой борьбы лежит на Советском Союзе.

е) в пределах, дозволяемых условиями, ЕАК намерен развернуть также деятельность в Великобритании, аналогичную указанной в предыдущих пунктах, касающихся работы в Соединенных Штатах;

ж) в своей деятельности всеми возможными средствами ЕАК будет прибегать к устному и печатному слову.

Организационная структура ЕАК

1. Намечаемый состав ЕАК в Советском Союзе:

Семь представителей еврейского населения из стран, находящихся под игом Гитлера, и по одному представителю от еврейского населения Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании.

2. Деятельность ЕАК будет непосредственно направляться президиумом, состоящим из трех человек: Г. Эрлиха, В. Альтера, ... (имя третьего члена президиума не названо. Предполагалось, что им станет С. Михоэлс) и секретаря.

3. ЕАК изберет своими почетными членами (предварительно заручившись, разумеется, их согласием) представителей советского правительства, послов Соединенных Штатов, Великобритании и Польши, а также ряд

выдающихся представителей общественности (деятелей науки, искусства и экономики) из Советского Союза и других стран.

Таковы основные структурные рамки и задачи намечаемого Комитета. Мы надеемся, что Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик не будет возражать против его создания.

С социалистическим приветом,

Г. Эрлих, В. Альтер

Москва, октябрь 1941 г.

* * *

Григорий Аронсон

ЕВРЕЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ИЗ СССР*

Недавно сюда, в Америку, прибыла делегация «советского еврейства».

Приезду делегации предшествовал небольшой инцидент. Было это еще несколько месяцев тому назад, когда впервые стало известно, что из СССР выпускают за границу в качестве делегатов двух коммунистов: еврейского артиста Михоэлса** и поэта Ицика Фефера. В их честь уже был назначен банкет в одном из первоклассных отелей, как вдруг из среды инициаторов визита, людей денежных и деловых, был сделан отвод против состава делегации. Для успеха сбора средств и пропаганды в Америке нужны, мол, другие делегаты: не артист и не поэт, а люди с именем и общественным весом, не коммунисты, а беспартийные, которые импонировали бы не столько «своим», сколько широким кругам еврейства Америки. По слухам, переданным в печать, назначенный банкет отменили, телеграфировали в Москву, прося Михоэлса и Фефера не беспокоиться и не рисковать в военное время. Вопрос о еврейской делегации из СССР застрял в межпланетных переговорах – до июня.

К этому времени выяснилось, что Москва для своей «еврейской» кампании в Америке не располагает беспартийными, на которых можно было бы положиться (несмотря на войну и пропаганду «единства», одни продолжают отбывать заключение в концлагере; другие уже обрели там свой последний покой, как это случилось с известным историком еврей-

* «Социалистический вестник», № 15-16, 8 августа 1943. Нью-Йорк.

** С. Михоэлс

ской литературы И. Цинбергом). В свою очередь, «Еврейский антифашистский комитет» не имеет в своем составе ни одной общественной фигуры, обладающей хоть каким-нибудь авторитетом. Дошло до того, что после чистки и ликвидации остатков «евсекции» (еврейской секции ВКП), на учете вообще не оказалось буквально ни одного сколько-нибудь видного коммуниста, который был бы связан с т.н. «еврейской работой» в СССР, – будь то устройство евреев на землю, школьная и культурная деятельность и т.д. В 1938-39 годах вся еврейская компечать была прекращена: «Комзет» и «Озет», ведавшие после закрытия евсекции (в 1930 году) всей экономической реконструкцией еврейского населения, в свою очередь, были ликвидированы; к тому же времени вынуждены были прекратить свою деятельность «Агроджойнт» и «Орт», сыгравшие благодаря притоку еврейских средств из Америки столь крупную роль в деле реконструкции. Видные деятели этих организаций, как агроном Любарский, Цигельницкий, Гроер и другие, до сих пор еще не освобождены из тюрьм.

В такой обстановке стало, по-видимому, ясно для всех, что иной делегации, кроме Михоэлса и Фефера, нельзя из СССР получить, – да, пожалуй, этот вариант еще не самый худший. Так случилось, что в конце июня прибыла в Америку еврейская делегация в указанном составе; при этом роль гостеприимного хозяина в Новом Свете выпала на долю того самого «Комитета еврейских писателей и художников», который незадолго до того прославился устройством митинга в поддержку... расстрела Эрлиха и Альтера.

О личности советских делегатов особенно распространяться не приходится. Если бы Михоэлс выступал здесь как артист, как руководитель еврейского Гостеатра в Москве, он вероятно пользовался бы успехом и признанием. Но он никогда не был общественным деятелем и даже в среде еврейских коммунистов СССР никогда не пользовался влиянием. Если все это считать достоинствами артиста Михоэлса, то даже их лишен второй делегат – поэт Фефер, человек совсем другого типа. Фефер, в ранней молодости примкнувший на Украине к большевистской революции, по своей биографии, психике, моральному облику – типичный комсомолец, член Союза воинствующих безбожников, настоящее дитя Октября. Осенью 1937 года, в разгар кровавой ликвидации, он был обвинен в ереси троцкизма, был мишенью литературных доносов в «Эмесе» и «Штерне» – притом в такой острой форме, что было естественно его имя внести в списки врагов народа той эпохи. Но по-видимому ему удалось представить куда полагается убедительные доказательства своей лояльности и преданности: его лучшие друзья – Изя Харик, Гильдин, Левитан, Фельдман – были ликвидированы, он же – уцелел. И вот он сейчас в роли правоверного сталинца ведет, в пикантной для него компании архибуржуазного вождя американских сионистов, артиллерийскую атаку против «троцкизма».

Раз уж мы коснулись кровавых теней прошлого, мы не можем замолчать тот факт, что Михоэлс и Фефер прибыли в Америку в качестве

«заменителей» Эрлиха и Альтера, – вместе с которыми Михоэлс строил в СССР в 1941 году «Еврейский антигитлеровский комитет». Во главе этого комитета должны были стоять Эрлих и Альтер. «Третьим членом президиума Комитета, по устному соглашению, должен был быть, на ролях вице-президента, известный еврейский артист Михоэлс», – читаем мы в бундовском журнале «Унзер Цайт» за июль с.г. (1943). В журнале напечатаны статуты и планы Еврейского комитета, разработанные Эрлихом и Альтером и представленные ими на утверждение Сталина в октябре 1941 года. Когда Михоэлс занял в Комитете пост, предназначенный ранее для расстрелянного Эрлиха, и в качестве председателя Комитета вошел затем в состав делегации в Америку, – он, видно, не отдавал себе отчета в том, насколько тесно переплетено его имя с трагедией Эрлиха-Альтера, насколько в возмущенном общественном мнении Америки ответственность режима за пролитую кровь этих благородных людей не снимает и с него, Михоэлса, известной доли моральной ответственности.

Возможно, что Михоэлсу и другим людям, непосредственно политикой не занимавшимся, нелегко далось примирение с этим убийством. Беглый экскурс в историю возникновения Комитета подтверждает наше предположение. Дело в том, что мысль о создании Комитета хотя и возникла после первого еврейского митинга в Москве 24-го августа 1941 года, получила фактическое воплощение лишь в феврале, вернее в апреле 1942 года, – когда состоялся первый пленум Комитета. Последние четыре месяца 1941 года шли совещания, в которых ведущую роль играли освобожденные из тюрьмы Эрлих и Альтер. В этих совещаниях участвовал Наркомвнудел (глава ГПУ) Берия, и сам Сталин внимательно следил за подготовительной работой. От имени образованной инициативной группы Эрлихом и Альтером были разработаны устав и планы деятельности, причем Эрлих был назначен в председатели, а Альтер – в секретари. В декабре 1941 года, как стало известно спустя год с лишним, Эрлих и Альтер были расстреляны, и хотя, может быть, участникам недавних совещаний не было в точности известно о расстреле, на пути создания Комитета все же возникли препятствия.

«Око Сталина», нынешний ответственный секретарь Комитета, рассказывает, что «первые четыре месяца – до второго еврейского митинга в Москве 24 мая 1942 года – прошли в сборе сил и создании актива вокруг Комитета». Иными словами – возможно, что многие колебались, уклонялись, не хотели идти в Комитет после «исчезновения» Эрлиха и Альтера, и потребовалось время для того, чтобы оказать на них нужное воздействие. Отсюда и до чрезвычайности случайный, бледный и малоавторитетный даже с точки зрения советских еврейских кругов состав Комитета. Весьма любопытно, что в нем всего-навсего один человек «от политики»: секретарь Ш. Эпштейн, когда-то ярый бундовец, хорошо известный в Америке, где он в последнее десятилетие пользовался репутацией махрового чекиста. Остальные – кинорежиссеры, музыканты, художники, артисты, беллетристы, поэты – словом, публика довольно именитая, но весьма беспомощная и малоискушенная в еврейских общественных вопросах и предпочитающая ориентироваться на начальство: ему видней. В сущности,

и Михоэлс и Фефер характерны для данного состава комитета, и, кажется, даже при желании они не способны проявить мужество мысли. Это наложило печать и на их выступления как еврейских делегатов из СССР.

На митингах они ограничивались самыми общими местами: о еврейских страданиях в оккупированных местах, о национальном единении, о борьбе с Гитлером. «С нами Красная Армия! С нами Иосиф Сталин!» – восклицал Фефер. Зато что-нибудь узнать от них о жизни народной массы, о материальном быте или духовном состоянии ее было невозможно. Они избегали встреч, боялись вопросов, не отвечали на них и отказывались от интервью. Они уклонились от приглашения еврейского Пен-Клуба. Зато советские делегаты горячо братались с сионистами С. Вайзом, Н. Гольдманом и раввином Лукштейном. Эти сионисты в своих «дипломатических» заигрываниях с коммунистами дошли до последней черты безвкусицы и справедливо вызвали против себя бунт в довольно влиятельных кругах своего движения, особенно среди поалей-ционистов. Поэт Фефер, который недавно в стихах и прозе объявлял Шолома Аша фашистом, теперь был приятно поражен внезапным «обращением» этого писателя и великодушно именовал вчерашнего фашиста «великим и любимым писателем еврейского народа». Машина пропаганды действует полным ходом. Стоит отметить, что фактический редактор буржуазно-сионистской газеты «Тог» поставил эту газету на обслуживание еврейской делегации из СССР. Зато рабочие организации Америки блещут своим отсутствием на приемах и митингах.

Морально-политические итоги кампании Михоэлса и Фефера уже можно подвести. Испытание русского еврейства в грозе и буре войны, как и героическое сопротивление русской армии в борьбе против германского нашествия, вызывает единодушные симпатии к России в самых широких кругах американского еврейства. И потребовалось исключительное «искусство», чтобы политикой тупой жестокости эти симпатии расхолодить. Призывы к «единению», как всегда в коммунистической практике, оказались камуфляжем на предмет «разоблачений» все новых «врагов народа» и «вредителей». Еврейская комгазета Нью-Йорка только эту работу и делает, аккомпанируя Феферу и Михоэлсу. Если это и есть осуществление планов Москвы, то еврейская делегация из СССР, старательно вбивая клин в американское еврейство, честно заслужила те ордена, которые ждут ее по возвращении на родину.

CONTENTS

A Word from the Editor:

Simon Dubnow and European Jewry

"Formally, the wall dividing Europe and two branches of European Jewry was erected in October 1917. But it was after the Second World War, after the Holocaust and the post-war devastation, when Russian Jews, who had not experienced the Holocaust at first hand and could have breathed new life into West European Jews, that this wall became impregnable." Today the wall has collapsed and "...the restoration of the 'burned earth' of Jewish civilisation in the former Soviet Union has become the national aim of Jews as this century wanes and a new one dawns. Such an aim does not run counter to any others, including the Exodus, but must be realised concurrently."

Simon Dubnow. Thoughts about the Eternal People.

The reflections of the patriarch of Jewish historiography, toward the end of his life, about the fates of the Eternal People (Book of Life, volume III, Riga, 1940.)

Aaron Steinberg. The Righteous Man Who Lived in His Faith.

The eminent Russian-Jewish philosopher, publicist and translator recalls his years of friendship and joint endeavour with Simon Dubnow, painting a vivid and engrossing picture of the historian's personality, and seeking to identify the sources of Dubnow's personal courage and creative flair. "In the midst of the daily distractions surrounding him, he was a truly righteous man, and I am convinced that if this were not so, he would never have managed to complete his grandiose work "The Universal History of the Jewish People"... The fact that Dubnow did accomplish such a gigantic task, is due, first and foremost, to his creative drive and conviction that the work of a Jewish historian must be a life-long commitment, and, like history itself, allows no breaks or pauses."

TWO VIEWPOINTS

Norman Podgoretz (New York). American Jewry's New Religion

"... The events following the Six Day War gave birth to the situation foretold by Ahad Ha-Am. The wave of solidarity with Israel – as a direct result of concern for the Jewish state – awakened a general interest in national culture, search for national values, and, frequently, religious sources." Podgoretz believes that it is specifically due to the existence of the state of Israel that the concept of "world Jewry" became a real factor. No crisis in the relationship between Israel and world Jewry, no threats or temptations can obliterate the terrible lesson of the recent past from our memory. The 614th commandment, "the Auschwitz Commandment", proscribes any actions which could undermine our unity.

Michael Levin (Los Angeles). Jerusalem in Four Dimensions.

Ahad Ha-Am prophesy is doomed to failure, for the Jews of the Diaspora have lost their common tongue, their specific national character, they are widely scattered, and there can be no talk of a common "spiritual centre of the people." Israel did not become the spiritual or cultural centre of the Jewish people, but the Diaspora and Israel have forged a kind of "closed circuit of political forces, whose vectors are directed as if from the centre – Israel – towards the periphery – the Diaspora, and back again".

RUSSIA

On the Occasion of Andrei Sakharov's 70th Birthday.

Previously unpublished photographs of Andrei Sakharov and people who were close to him.

Boris Khazanov (Munich). Passport Saga.

"...The power and might of a passport is demonstrated best by the lack of this document. A man without a passport is "faceless", almost as if he is not a human being... Yet the holder of a passport cannot feel himself to be in total control of his own destiny. All the conditions and requisites of a passport are invisible bonds, chains and ropes, binding the holder forever to the chariot of state."

THE JEWISH STATE

Shimon Peres (Tel Aviv). The Middle East: People and Frontiers.

"...The new correlation of forces, the new arms situation, new "strategic horizons" have brought about a shift in emphasis in matters of national security... It is not geographical boundaries, nor the status of one territory or another, but relations between peoples, economic cooperation – including allocation of water resources and common ecological issues – which ought to be given priority..."

Binyamin Netanyahu (Jerusalem). No Peace Among Arabs.

"...The real conflict, the real dividing line in the Middle East is not between Israel and the Arab countries, but within the Arab world itself. The struggle between pragmatists and those who seek to plunge their compatriots back into the Middle Ages – that is the deciding factor in the political climate of the region."

Hafez Assad (Damascus). It Is Up To The Israelis Now
(extracts from an interview).

"...We will never accept the ceding of our territories to anyone. There can be no peace until these territories are returned to their rightful owners. If the Arabs concede, it will not be peace, but capitulation..."

STORY

S. An-sky. Dibbuk, Forgotten Chapters. Commentary by Sh. Markish.

Frieda Polyakova (Sverdlovsk). The Wing.

The main character in Polyakova's story is a small wing of a house which witnessed the revolution and its aftermath, the New Economic Policy ("NEP") and the Second World War. It was built back in the old days by a "sound" worker, inhabited by a Jewish jeweller, "electrified" by a NEP photographer, and turned into a brothel by a local whore...

REVIEWS

Alexander Lipkov (Moscow). Jewish Cinema – 91.

"...There has been an eruption of films on Jewish themes, or with Jewish characters, or at least with reference to Jewish problems." The author, a prominent Moscow film critic, analyses the phenomenon of Jewish films in the USSR, and the many films concerning Jews and Jewish issues which appeared in Soviet cinemas in 1991.

Shimon Markish (Geneva). In Two Worlds.

Review of Aaron Steinberg's "Friends of My Early Years (1911-1928)", published in France (Paris, Syntaxis, 1991.) Epilogue and annotations by Georges Nivat.

THE UNVANISHED PAST

Grigori Shur. Vilnius, the Ghetto, Penultimate Day.

Extracts from the diaries of a witness and chronicler, Vilnius resident Grigori Shur, who perished in the last "action" meant to liquidate the Vilnius ghetto. "...After the first day the ghetto resembled a battle-field: ruined houses, collapsed cellars, and corpses everywhere under the rubble. Those who survived resembled corpses, too. Discoloured, emaciated, faces pinched from hunger and fear, they scurried through the streets trying to determine who was still alive, who had been taken away, and who had been killed. Some lost their minds, and ran screaming through the streets of the ghetto, others wandered around alone in quiet madness..."

MATERIALS CONCERNING THE 50th ANNIVERSARY OF THE EXECUTION OF HENRICH ERLICH AND VICTOR ALTER

In commemoration of the killing of Henrich Erlich and Victor Alter.

Victor Erlich (New Haven). They were certainly heroes.
Erlich and Alter's last weeks.

H. Erlich, V. Alter. Letter to Stalin.

Grigori Aronson. The Jewish delegation from the USSR.

Представители журнала:

В Москве:

Александр Липков. Москва, 109180, Большая Полянка 30, кв. 158.

В Тель Авиве:

Nataly Laskin, rh. Gelad 4, Givat Savion, 55900 Israel.

В Женеве:

Shimon Markish. rue Bovy-Lysberg, Genève CH-1012, Swiss.

В Мюнхене:

Eitan Finkelstein. Elektrastr. 13, 8000 München 81, Germany.

В Вильнюсе:

Grigory Kanovich. Mildos 39-25, Vilnius 230040, Lithuania.

ЖУРНАЛ ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО 1991

Редакция журнала «Декоративное искусство» сообщает, что одиннадцатая книжка нашего журнала (ноябрь, 1991) целиком посвящена еврейскому искусству. Журнал иллюстрирован редкими, никогда ранее не публиковавшимися фотографиями памятников еврейской культуры, предметов быта и религиозного культа из запасников различных музеев страны.

Адрес редакции: 103009 Москва, К-9, Тверская ул. 9